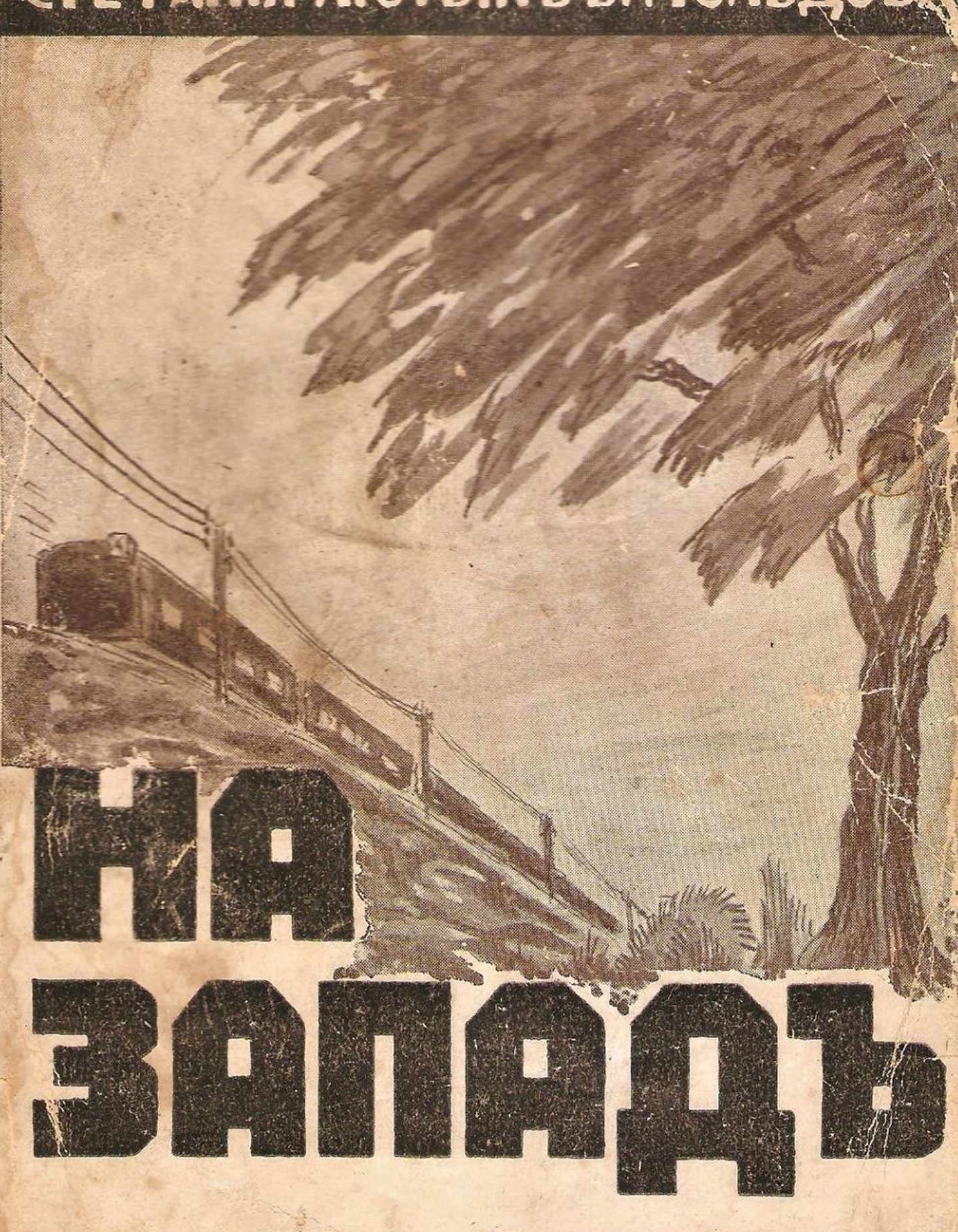
СТЕФАНІЯ ЛЮТЫКЪ-ВИТОЛЬДОВА

НА ЗАПАДЪ

ВОСПОМИНАНІЯ

Стефанія Лютыкъ
(Витольдова)

На Западъ

Воспоминанія

Изд-во „ШКОЛА ЖИЗНИ"
(В. Ѳ. Бутлера)
Рига 1931 г.

Со всѣми письменными запросами, справками, разъясненіями и заказами просятъ обращаться:

Въ Литвѣ къ автору: Lietuva, Kaunas Vytauto prosp. № 34. S. Liutyk.

Заграницей: изд. „Школа Жизни“ (В. Бутлера) Latvija Elijas ielā 20 past. kast. 439.

Печатано въ типографіи „Глобусъ“.
Латвія. Рига. Елизаветинская ул. 22.

Часть I.

Пароходъ несетъ насъ въ сонную сѣрую даль, и тамъ мерещится намъ новая жизнь.

Что-то она намъ дастъ?...

Такъ оканчивается моя первая книга воспоминаній «На Востокъ».

Село, куда забросила насъ капризная судьба, называется «Большой Имышъ». Здѣсь мы живемъ уже три недѣли, изъѣздивъ передъ этимъ весь Минусинскій уѣздъ. Время отъ времени комиссія выѣзжаетъ закупать лошадей въ сосѣднія деревни, но главная канцелярія пребываетъ въ Имышѣ. Чтобы имѣть право ѣздить съ мужемъ, я исполняю роль безплатнаго переписчика, въ чемъ получила даже удостовѣреніе отъ нашего военкома Парфентія.

Живемъ у крестьянъ, которые, узнавъ насъ ближе, перестали бросать непріязненные взгляды въ нашу сторону и стараются во всемъ угодить.

Уступили намъ большую свѣтлую комнату, двѣ кровати съ горой перинъ и подушекъ, и каждый день на нашемъ столѣ красуются свѣжіе калачи и ватрушки.

Мы забыли о голодѣ и холодѣ, окрѣпло тѣло, окрѣпъ и духъ. Какъ далекое эхо, доходили до насъ вѣсти о разстрѣлахъ въ городѣ, о голодѣ, пайкахъ и т. п., внесенномъ въ жизнь большевиками.

Жалованье мужу почти не платили, а если и платили, то съ опозданіемъ на 2—3 мѣсяца и въ такомъ

ничтожномъ размѣрѣ, что оплачивать столъ приходилось изъ собственныхъ средствъ, а такъ какъ таковыхъ почти не имѣлось, то нужно было комбинировать на всѣ лады.

Я неожиданно открыла въ себѣ способность шить платья; изучивъ, какъ говорится, наизусть два фасона, я обшивала мѣстныхъ деревенскихъ модницъ, платившихъ за работу масломъ, мукой, яйцами, грибами и т. п. съѣстными припасами, немедленно поступавшими въ распоряженіе моей хозяйки.

Кромѣ того я примѣняла на практикѣ свои скудныя познанія въ области медицины и снабжала больныхъ лекарствами, уцѣлѣвшими въ моей аптечкѣ, за что опять-таки получала провизіей. На мое счастье, не пришлось мнѣ столкнуться съ серьезной болѣзнью, которая поставила бы меня втупикъ. Большею частью паціенты мои страдали разстройствомъ желудка, ревматизмомъ; приходили ко мнѣ съ нарывами и легкими пораненіями. Только двое были больны воспаленіемъ легкихъ, но и тѣ выздоровѣли то ли благодаря моимъ попеченіямъ, то ли въ силу выносливости организма — неизвѣстно.

Въ канцеляріи я работала часа 3 въ день, а вечерами занималась дома переписываніемъ вѣдомостей.

Итакъ, весь день проходилъ въ самыхъ разнообразныхъ занятіяхъ, зато утро, розовое, ласковое, принадлежало исключительно мнѣ.

Едва румянился востокъ и синее небо окрашивалось въ пурпуръ, я выходила изъ дома.

Люблю раннее лѣтнее утро, когда лѣниво пробуждается отъ сна природа, и свѣжій вѣтерокъ

вѣетъ въ разгоряченное сномъ лицо — точно пьетъ тѣло бодрость и силу этого прохладнаго вѣтерка.

Иду на берегъ рѣки Чулыма, которая быстро течетъ здѣсь, сжатая по берегамъ невысокими горами.

Забираюсь въ кусты и напряженно смотрю на поплавки разставленныхъ удочекъ. Рѣка покрыта едва замѣтной мелкой рябью. Рыбы тутъ тьма, — то-и-дѣло нанизываю червей на крючки и бросаю ихъ въ прозрачную воду... Быстро наполняется мое ведро трепещущей серебристой рыбой. Я довольная возвращаюсь домой со своей добычей.

Въ воскресенье, обыкновенно, мы уѣзжали за нѣсколько верстъ отъ Имыша и возвращались раннимъ утромъ въ понедѣльникъ. Компанія наша была довольно разнообразна: Карпатиковъ — комикъ и ужасный лѣнтяй; членъ комиссіи — латышъ, интеллигентный молодой человѣкъ, и здоровенный дяденька — барнаульскій купецъ Ремизовъ; было тутъ и начальство — комиссаръ и предсѣдатель комиссіи съ женой.

Я предпочитала лучше ѣздить на эти своеобразные пикники, чѣмъ сидѣть весь праздникъ въ деревнѣ, гдѣ непремѣннымъ гостемъ у насъ былъ военкомъ, принуждавшій насъ ходить на какія-то собранія, сельскіе сходы и т. п. коммунистическія развлеченія.

Ѣздили мы въ татарскіе поселки, гдѣ ночью татары ловили для насъ тайменей и иную рыбу за баснословно жалкое вознагражденіе.

Нравились мнѣ часы, когда спускалась душная тихая ночь, и я, сидя на берегу рядомъ съ мужемъ, прислушивалась къ удаляющимся голосамъ уѣз-

жавшихъ на лодкахъ татаръ и къ легкому плеску ихъ веселъ...

Исчезали и эти звуки...

Томящая горячая ночь окутывала насъ непроницаемой черной дымкой. Степной вѣтерокъ цѣловалъ наши лица, а рѣка едва слышно шептала...

Отходили невзгоды дня... Забывались на мигъ всѣ горести, и душа рвалась куда-то въ даль, за этой вѣчно-бѣгущей рѣкой, за этимъ шаловливымъ вѣтеркомъ...

Рѣзкій звукъ гармошки или пѣніе военкома возвращали насъ къ дѣйствительности.

— Гдѣ вы запропастились? Всегда васъ надо искать. Уже рыба есть. Идите ужинать, — говорилъ Парфентій, приближаясь къ намъ.

Но до ужина далеко: надо сварить рыбу. Всѣ суетятся возлѣ костра, только Карпатиковъ ложится на животъ и не измѣняетъ своей позы даже во время ѣды. Ходить онъ не любитъ. Зато языкъ у него работаетъ безъ устали. Больше всего достается отъ него Парфентію, но тотъ ничтожныя бѣлогвардейскія слова старается утопить въ высокихъ нотахъ, вылетающихъ изъ его пролетарскаго горла.

— Ты сидишь одиноко и смотришь съ опаской, какъ большевизмъ догораетъ, — вдругъ тянетъ, фальшивя и лукаво посматривая на военкома, Карпатиковъ.

— Молчи, бѣлая ворона, — огрызается Парфентій.

— Бѣлая, значитъ, безгрѣшная, невинная, а ты красная, значитъ — въ крови. Ну не будемъ ссориться — вѣдь мы вороны! А можетъ, намъ и ужина не дадутъ. Товарищъ, дорогой высокоуважаемый,

всѣми высокочтимый комиссаръ! руку въ знакъ дружбы. Вотъ такъ. Не сердись на меня и, какъ самаго лучшаго друга, попроси на свои похороны: вѣдь бѣлая ворона побѣдитъ... Скажите, какъ пріятно, — заканчивалъ каждую рѣчь неуязвимый Карпатиковъ.

— Мало ли дуракъ ерунды болтаетъ. На каждаго обращать вниманіе? — говорилъ Парфентій, и черезъ четверть часа они снова мирно бесѣдовали.

Не только военкому надоѣдалъ Карпатиковъ, но и всѣмъ, кто только попадался ему подъ руку.

— Хвостъ рыбѣ оторвете! Не съ той стороны начали чистить, — дѣлалъ онъ замѣчанія женѣ предсѣдателя, мнѣ или Ремизову.

— Огонь тухнетъ! Принесите, пожалуйста, хворосту, — говорю я, обращаясь къ нашему лѣнтяю, но степной вѣтеръ несетъ мои слова мимо ушей Карпатикова, и черезъ минуту опять раздается его лѣнивый голосъ:

— Разбудите меня, пожалуйста, когда ужинъ будетъ готовъ. — И не измѣняя позы, онъ засыпаетъ богатырскимъ сномъ.

* *
*

Прошло и лѣто. Позже вставало солнышко, раньше уходило отъ насъ куда-то на Западъ, на желанный далекій Западъ...

Пришлось проститься съ деревней, съ полями, синимъ таинственнымъ лѣсомъ, съ рѣкою шумливою, за которой неслись мои мысли...

Темная теплушка, снова безотрадный стукъ ко-

лесъ, а передъ глазами равнины, степи, лѣса и синяя безконечная даль...

Потомъ шумный городъ Иркутскъ, пестрая, но бѣдно одѣтая снующая по улицамъ толпа. Непріютно, тѣсно; одинокими и затерянными почувствовали мы себя въ городѣ. Два дня безпрерывной бѣготни въ поискахъ комнаты; двѣ ночи, проведенныя гдѣ-то на чердакѣ въ обществѣ всѣхъ нашихъ спутниковъ и, наконецъ, — комната рядомъ съ чекистами, гдѣ устраивались разныя попойки. Все это не предвѣщало намъ ничего хорошаго.

Мужъ получилъ мѣсто завѣдывающаго столовой при Управленіи Санитарной части. Цѣлый день онъ былъ занятъ нервной непривычной работой.

Черезъ нѣсколько дней я должна была явиться на биржу труда, какъ безработная, и подвергнуться медицинскому освидѣтельствованію.

Получила отпускъ на мѣсяцъ.

— Дармоѣдка, буржуйка, лѣнтяйка! — кричалъ мнѣ вдогонку комиссаръ бюро труда.

Не могу не вспомнить объ этомъ миломъ учрежденіи, напоминавшемъ какія-то первобытныя времена.

Большая комната. Грязно и душно. Съ утра сидятъ здѣсь «дармоѣды», то-есть тѣ, кто, не обладая крѣпкимъ здоровьемъ, не пригоденъ для службы.

Дальше, большая комната — посреди столъ, за которымъ возсѣдаетъ высшая власть — военкомъ въ образѣ солдата съ взъерошенной головой и злыми глазами. Временами кажется, что онъ золъ на себя за то, что не научился подписывать свою фамилію, за то, что не можетъ разобраться въ тонко-

стяхъ медицины, и, когда врачъ изрекаетъ какое-нибудь латинское названіе, солдатъ безпокойно выворачиваетъ бѣлки глазъ, лицо заливается кровью, но онъ беретъ себя въ руки и настойчиво всматривается въ стоящую передъ нимъ жертву. Повелительный жестъ въ сторону доктора и хриплый голосъ:

— Пиши, товарищъ, на мѣсяцъ. Чортъ съ ней — обойдемся и безъ этой сволочи.

«Сволочь» беретъ торопливо завѣтную бумажку и стремглавъ бросается къ дверямъ, какъ бы боясь, чтобы этотъ всемогущій идолъ не раздумалъ и не вернулъ бы ее назадъ.

Такихъ счастливцевъ было немного. Большею частью въ болѣзнь не вѣрили. А когда докторъ настойчиво завѣрялъ, что больной нуженъ покой, комиссаръ говорилъ:

— Слышали мы эти сказки. Прикинуться-то всегда можно. А если и сдохнетъ, то намъ хлѣба больше останется.

И больныя признавались здоровыми и принуждены были ходить на разныя работы, не исключая «воскресниковъ» и «субботниковъ».

Осматривалъ больныхъ докторъ въ комнатѣ, имѣвшей двое дверей. Посреди комнаты стояла небольшая ширма, за которой съ одной стороны свидѣтельствовались мужчины, а съ другой женщины.

— Здѣсь болитъ? А здѣсь? — слышались вопросы съ одной и съ другой стороны.

Безъ омерзенія не могу вспомнить этого учрежденія.

Но какъ ни плохо было оно — я всегда получала мѣсячный отпускъ. Ревматизмъ, подагра, сла-

быя легкія, нервы—все это избавляло меня отъ трудовой повинности.

Первые два раза комиссаръ изощрялся въ эпитетахъ по моему адресу, потомъ освоился, видимо, и съ пренебреженіемъ, поглядывая въ мою сторону, выцарапывалъ свою фамилію на моемъ свидѣтельствѣ.

Дни шли за днями, скучные, сѣрые. Полдня уходило на вымѣниваніе вещей на продукты. Обыкновенно всѣ эти мѣновыя операціи совершались гдѣ-нибудь во дворѣ, куда заѣзжали бурята. Идешь по улицѣ и заглядываешь въ каждыя ворота: нѣтъ ли здѣсь воза, а около него коренастой фигуры съ желтымъ лицомъ и узенькими глазками.

Первое время бурята брали все, но потомъ начали разбираться въ вещахъ и иногда поражали своими вопросами.

— Это не шелковая сорочка. Ты принеси мнѣ шелковую, тогда тры пуда муки получишь.

Потомъ появилось у нихъ желаніе имѣть граммофоны, пружинные матрацы, бѣлье съ кружевами и, по мѣрѣ возможности, новое.

Я обыкновенно бродила по городу съ одной знакомой, сосѣдкой по комнатѣ. Это была милая добродушная старушка, вдова полковника, умершаго еще до прихода большевиковъ. Дочь же, любимица и гордость матери, вышла замужъ «по-совѣтски» за легкомысленнаго мальчишку-коммуниста и, не признавая матери, называла ее «несознательной отставшей дурой». Сколько слезъ пролила старушка, разсказывая трагедію своей жизни!

Начальство мужа исполнило обѣщаніе и отвело намъ большую свѣтлую комнату съ прилегавшей къ

ней маленькой кухней, гдѣ вмѣсто плиты стояла желѣзная печка.

Сибирская зима на этотъ разъ не была жестокой и намъ хватало тепла на двѣ комнаты отъ жарко натопленной печки. Скучными и мучительными для меня были зимніе вечера. Въ 4 часа уже зажигалось электричество. Мужъ, наскоро пообѣдавъ, уходилъ на вечернія занятія. Жутко какъ-то становилось въ большой пустой комнатѣ. Въ трубѣ завывалъ вѣтеръ назойливо и протяжно, за стѣной какой-то сапожникъ кричалъ пьянымъ голосомъ, а рядомъ громко наперебой что-то разсказывали три совѣтскія барышни; въ коридорѣ то-и-дѣло стучала дверь, и кто-то, тяжело ступая, ходилъ по коридору, и снова выходилъ на улицу. Иногда эти шаги раздавались и у моихъ дверей. И тогда...

— Обыскъ должны сдѣлать, — заявлялъ входя въ комнату «нѣкто», а за нимъ вваливалось еще три-четыре человѣка.

Послѣ тщательнаго осмотра, они шли въ сосѣднюю комнату и тамъ, ругаясь съ обитателями, что-то искали.

Еще новый сюрпризъ: въ городѣ появились такъ называемые «кошовники».

Иркутскіе жители говорили, что кошовники существовали и раньше, но послѣднія 10-15 лѣтъ о нихъ не было слышно. Теперь же, когда преступный элементъ получилъ свободу, нѣкоторые изъ нихъ вернулись къ своему ремеслу.

«Кошовники» это — грабители. Они выѣзжаютъ на добычу по вечерамъ на хорошей лошади, запряженной въ большія сани, называемыя кошовой. Проѣзжая по улицамъ, они забрасываютъ арканъ на

прохожаго и пускаютъ лошадь во всю прыть. Пойманная жертва волочится по землѣ, ударяясь о камни мостовой, о телеграфные столбы. Утромъ кто-нибудь изъ прохожихъ случайно находитъ отрабленный трупъ гдѣ-нибудь за городомъ.

Мнѣ не хотѣлось этому вѣрить. Все это было похоже на страшную сказку.

Но жизнь, какъ бы стараясь разсѣять мои сомнѣнія, преподнесла мнѣ такой сюрпризъ, о которомъ я не могу вспомнить безъ дрожи и страха. Однажды я задержалась у зубного врача. Мужъ, не найдя меня дома, пошелъ за мной. Было часовъ восемъ вечера, когда мы вышли отъ врача. Вечеръ морозный и лунный. Широкія улицы были пусты. Кое-гдѣ встрѣчались одинокіе прохожіе, спѣшившіе домой.

Тихо было, даже снѣгъ не хрустѣлъ. Городъ казался вымершимъ. Вдругъ ночную тишину прорѣзали стукъ копытъ и скрипъ полозьевъ. Слышно было, что кто-то спѣшно ѣдетъ.

Мы встали, прислонясь къ забору, въ ожиданіи, что санки проѣдутъ мимо, но на счастье они свернули въ боковую улицу, и минуты черезъ три мы услышали пронзительный, за душу хватающій женскій крикъ.

— Караулъ! Кар... — Конецъ слова замеръ на губахъ несчастной.

Какъ-то внезапно оборвался этотъ крикъ, а съ нимъ, можетъ быть, и чья-то жизнь. Послышался снова стукъ копытъ и какіе-то дикіе пьяные крики.

Я дрожала всѣмъ тѣломъ, а въ ушахъ звенѣлъ этотъ нечеловѣческій вопль; онъ навсегда остался у

меня въ памяти, какъ и эта пустынная глухая улица.

Послѣ этого случая зимніе вечера тянулись для меня безконечно долго. Если мужъ долго не возвращался, тревога овладѣвала мной. Рѣдко выдавалась спокойная ночь. Вѣчные обыски, вѣчныя угрозы ареста... А за что? За то, что найдена лишняя электрическая лампочка. На нее накладывалась печать, и взамѣнъ хорошей лампы оставляли перегорѣвшую и съ дикимъ смѣхомъ уходили. То искали запасовъ провизіи, то имъ вдругъ понадобится свидѣтельство изъ бюро труда, а такъ какъ ночью веселѣе пугать мирныхъ гражданъ, то и ломились въ двери ночью, играя на нашихъ и безъ того измученныхъ нервахъ.

Въ февралѣ я опять явилась въ бюро труда. На этотъ разъ за предсѣдательскимъ столомъ сидѣлъ чисто выбритый, надушенный мадьяръ и новый докторъ. Въ ногахъ у нихъ валялась какая-то плохо одѣтая женщина и, громко всхлипывая, просила:

— Освободите меня. Вѣдь дѣти останутся безъ присмотра, если я буду ходить на работу.

— Истерія, и никакой болѣзни, — проговорилъ увѣреннымъ тономъ комиссаръ.

— Нѣтъ, у нея слабое сердце и съ легкими тоже... — началъ было докторъ.

— Ахъ, вы всегда что-нибудь найдете, — перебилъ его комиссаръ.

— Свидѣтельства не выдадимъ. Прошу сейчасъ же выйти, — нетерпѣливо произнесъ вершитель нашихъ судебъ. — И вы всѣ выйдете, по очереди прошу входить, — крикнулъ онъ въ нашу сторону.

Пришлось покориться и выйти въ сосѣднюю комнату.

По очереди входили женщины и возвращались угрюмыя, печально говоря:

— Почти никого не освобождаетъ... Этотъ новый докторъ, видимо, его боится. Слово боится произнести.

Сердце трепетно забилось, когда я услышала это.

Сейчасъ очередь за мной. Я приникаю къ пріоткрытымъ дверямъ и однимъ глазомъ стараюсь заглянуть въ комнату, куда вошла на осмотръ стоявшая передо мной дама.

Нѣтъ! Мнѣ не хотѣлось вѣрить.

— Посмотрите! — говорю я своей сосѣдкѣ.

Она заглядываетъ и испуганно отскакиваетъ отъ двери.

Значитъ, правда то, что я увидѣла?

За столомъ сидѣлъ докторъ, опустивъ голову, а глаза комиссара возбужденно бѣгали по полуодѣтой стоявшей передъ нимъ женщинѣ. Что онъ говорилъ, я не слышала, только видѣла, какъ ее заставили поднимать руки, повертываться къ столу бокомъ, спиной, а плотоядный взглядъ мадьяра скользилъ по обнаженному тѣлу.

Я закрыла двери. Довольно! Гнусно смотрѣть на чье-то униженье, быть свидѣтельницей издѣвательства надъ достоинствомъ женщины, желающей любой цѣной купить себѣ отпускъ.

Моя очередь. Вхожу, прямо смотрю въ глаза мадьяру, вижу, какъ въ нихъ загорается, но сейчасъ же тухнетъ какой-то грѣшный огонекъ.

— Этой дать отпускъ на три мѣсяца, — произноситъ комиссаръ.

— Докторъ, будьте любезны, освидѣтельствуйте, — обращаюсь я къ доктору.

Послѣднiй встаетъ и направляется за мной.

Мадьяръ кричитъ:

— Остаться здѣсь. Отпускъ на три мѣсяца. Мадамъ, вы слышите? Вы свободны. Докторъ можетъ вамъ и такъ дать свидѣтельство.

Я все-таки тащу за рукавъ смущеннаго доктора и, когда дверь закрылась за нами, торопливо говорю:

— Скажите, что я здорова. Я не хочу отпуска. Вы меня понимаете? Я не хочу такой милости отъ этого...

Не докончила, едва удержавшись отъ рѣзкаго слова, вертѣвшагося на языкѣ.

Докторъ мягко и вкрадчиво началъ меня успокаивать:

— Лучше пусть будетъ такъ, какъ говоритъ комиссаръ. Не сопротивляйтесь! Вѣдь три мѣсяца свободы! Осматривать не нужно, изъ предыдущихъ вашихъ свидѣтельствъ я вижу, что вы неспособны къ труду. Идемте и скажемъ, что я освидѣтельствовалъ васъ, и вы нуждаетесь въ отпускѣ.

Мы вошли. Мадьяръ что-то писалъ на маленькомъ клочкѣ бумаги. На столѣ лежало готовое свидѣтельство, въ которомъ жирно выдѣлялось: «три мѣсяца».

— Докторъ, подпишите! А вы, мадамъ, не капризничайте, вотъ вамъ уже готовое свидѣтельство и знайте, что я такъ хочу и такъ будетъ.

Едва скрывая волненiе, беру свидѣтельство и на

немъ вижу какую-то бумагу, гдѣ громадными буквами написано:

«Хочу съ Вами познакомиться поближе. Жду въ 6...»

Дальше не прочитала. Глотнула подступившія къ горлу слезы, вызванныя обидой и негодованіемъ, и почувствовала, какъ въ голову бросилась горячая кровь.

— Это не ко мнѣ относится, — проговорила я громко и бросила бумагу комиссару на столъ.

Торопливо вышла изъ комнаты, боясь новыхъ постыдныхъ словъ. Выйдя на улицу, вздохнула свободно, но на минуту: передъ глазами всталъ образъ полуодѣтой женщины и нахальные глаза мадьяра. «Свидѣтельство» нервно мяла въ рукахъ; хотѣлось порвать эту бумагу на мелкіе кусочки.

Снова безсонныя ночи, боязнь за жизнь свою и мужа...

Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала его, желая подѣлиться съ нимъ своими опасеніями. А онъ пришелъ такой радостный, веселый.

— Ты только подумай, — сказалъ онъ, — какъ намъ везетъ! Благодаря протекціи знакомаго доктора, меня назначаютъ завѣдующимъ хозяйствомъ на курортъ.

Но мое лицо выражало столько безпокойства и муки, что мужъ немедленно спросилъ, чѣмъ я такъ огорчена.

— Не вѣшай носъ. Все это глупости! Что можетъ сдѣлать какой-то ничтожный комиссаръ? Недѣли черезъ двѣ насъ здѣсь уже не будетъ. А завтра тебѣ надо пойти въ Губздравъ на комиссію и,

если тебя признаютъ больной, то будешь зачислена на курортъ.

Долго не спалось намъ въ эту ночь... Тысяча новыхъ мыслей и плановъ тѣснилась въ головѣ.

Неужели жизнь еще подаритъ намъ лучшіе дни? Неужели улыбнется она намъ хоть блѣдной улыбкой, вознаградивъ за пережитыя невзгоды? А вѣдь этотъ покой, это лучшее будущее не куплено за счетъ отступленіемъ отъ своихъ взглядовъ, принциповъ, вѣдь не продали мы свою душу и совѣсть и все лучшее, что есть въ человѣкѣ... Только энергія мужа, добросовѣстность и недостатокъ интеллигентныхъ работниковъ заставили большевиковъ цѣнить и даже уважать его.

* *
*

Никогда я не думала, что болѣзнь моя настолько серьезна, что даже у большевиковъ вызоветъ состраданіе. Можетъ, помогло тутъ и свидѣтельство на три мѣсяца? Не знаю.

Не помня себя отъ радости, бѣжала я домой, крѣпко сжимая въ рукахъ бумагу, постановленіе Губздрава, назначавшее меня на I сезонъ въ Усолье.

Еще новая радость! Изъ разговора врачей и комиссара я узнала, что мадьяръ въ бюро труда смѣщенъ со своей должности.

Итакъ, снова въ путь, дальше отъ шумнаго города... снова передъ нами откроются синія дали... запахъ полей, относительный душевный покой, а позднѣе, можетъ, и отъѣздъ въ Литву.

Весна въ этомъ году была ранняя. Когда мы пріѣхали въ Усолье, всѣ деревья были уже одѣты

зеленью. Свободныхъ квартиръ не оказалось, такъ какъ здѣсь стояла N дивизія, и обширная чека занимала лучшіе дома.

Временно остановились у какой-то бабы-вдовы, снявъ уголъ съ двумя наскоро сколоченными кроватями.

Мужъ окунулся въ новую работу, и я не видѣла его цѣлыми днями, сама же бродила въ поискахъ комнаты.

Однажды, блуждая по селу, я почувствовала рѣзкую боль въ колѣнѣ. «Пройдетъ», подумала я, но мой оптимизмъ былъ нарушенъ новымъ приступомъ ноющей боли, которая не покидала меня, а все болѣе усиливалась.

Пришлось сѣсть на первую попавшуюся скамейку; въ такомъ плачевномъ состояніи нашелъ меня мужъ, возвращаясь со службы. Онъ привезъ меня домой, и мнѣ пришлось лечь въ кровать. Видимо, ревматизмъ рѣшилъ оправдать всѣ полученныя мною свидѣтельства и взялся за мои ноги. Колѣни вспухли и мучительно ныли. Говорливая хозяйка приносила мнѣ воду изъ минеральнаго источника, и я цѣлыми днями лежала въ компрессахъ.

Какіе это были скучные, сѣрые дни, тянувшіеся нестерпимо долго, долго! Читать не было возможности, — кровать стояла въ полутемномъ углу, спать я не могла изъ-за боли, и только, когда возвращался мужъ, я оживлялась немного, слушая его разсказы о новой службѣ, о новыхъ лицахъ.

Такъ прошло шесть дней. Послѣ долгихъ поисковъ квартиры, удалось, наконецъ, найти комнату вблизи кургауза. Съ трудомъ перевезли и меня въ новое обиталище. Прошла еще недѣля, и я могла

ходить на костыляхъ: ежедневное посѣщенiе ваннъ давало поразительные результаты.

Мужъ былъ заваленъ работой. Цѣлыми днями онъ работалъ внѣ дома, а вечерами, усталый физически и нравственно, брался за письменную работу. Мелочная хозяйственная часть требовала не только добросовѣстности, но и много вниманiя. Я помогала мужу, какъ только могла. Нервная работа, безсонныя ночи вредно отражались на нашихъ и безъ того надломленныхъ организмахъ; у меня развивалась невралгiя и анемiя, а мужа мучили убiйственныя мигрени.

И лишь свѣтлая мечта о далекой Литвѣ придавала силы и энергiю, будила и звала къ работѣ. Если бы мужа уличили въ саботажѣ, «вредительствѣ» и т. п. модныхъ проступкахъ съ точки зрѣнiя совѣтской власти, тогда прощай мечта! Исчезнутъ грезы, и насъ ждетъ чека.

Прошло полтора мѣсяца. Я превратилась въ тѣнь: ванны и воспалительный процессъ въ кишечникѣ изнурили меня вконецъ. Иногда, переписывая вѣдомости, отъ слабости я лишалась работоспособности: буквы сливались и въ глазахъ плыли темные круги.

Мужъ отучился спать, нервы такъ расшатались, что я съ опасенiемъ смотрѣла на его позеленѣвшее лицо. Но мечта наша обѣщала превратиться въ явь: мы получили свѣдѣнiя объ отправкѣ осенью литовскаго эшелона.

Какъ ни оригинально, но эту новость привезъ намъ чекистъ-мадьяръ, прикомандированный къ курорту. Эта важная фигура внушала страхъ даже самымъ отъявленнымъ коммунистамъ. Обязанности

его, какъ всегда, сводились къ выуживанію новыхъ жертвъ, «контръ-революціонеровъ», и слѣжкѣ за нравственностью (если она была) и дѣйствіями здѣшнихъ чекистовъ.

— Почему вы не подаете прошенія о зачисленіи васъ въ эшелонъ, идущій въ сентябрѣ? — спросилъ мадьяръ мужа, впервые встрѣтившись съ нимъ въ канцеляріи.

— Я уже зачисленъ, но вопросъ весь въ томъ, пойдетъ ли эшелонъ? До сихъ поръ литовцевъ было очень мало, — отвѣтилъ мужъ.

Тотъ же вопросъ былъ заданъ и мнѣ; мадьяръ подтвердилъ слухъ объ отправкѣ литовцевъ домой.

* *
*

Сегодня мужъ уѣхалъ въ Иркутскъ на три дня. Хозяйка дома отправилась къ роднымъ въ сосѣднюю деревню, и я осталась съ ея дочерью Леной, 22-лѣтней барышней, учительницей.

Такъ грустно сидѣть одной и прислушиваться, какъ за окномъ крупными каплями барабанитъ дождь и стучитъ въ полузакрытыя ставни. Жутко смотрѣть въ окно въ черную, непроницаемую дымку ночи. Въ комнатѣ Лены часы глухо пробили одиннадцать. Захотѣлось улечься въ теплую кровать и дремать подъ звуки нудной мелодіи холоднаго дождя. Встала, вытянувшись во весь ростъ, и рѣшила принести сперва воды на утро изъ кухни, а затѣмъ лечь спать.

Вернувшись въ свою комнату, я застыла въ удивленіи: холодный вѣтеръ ворвался въ окно и на черномъ фонѣ ночной мглы я увидѣла силуэтъ рос-

лаго мужчины, отворившаго окно и старавшагося проникнуть въ квартиру. Большія руки цѣплялись за подоконникъ. Отъ неожиданности ли, что я такъ скоро вернулась, или отъ того, что при видѣ непрошеннаго гостя я погасила лампу, онъ сорвался съ подоконника, и я услышала глухое паденіе тѣла и громкое ругательство. Быстро подскочила я къ окну, захлопнула раму и, выбѣжавъ изъ комнаты, заперла ее на ключъ. Постучала къ Ленѣ и, услышавъ ея удивленный вопросъ «кто?», вошла къ ней.

— Теперь вы ночуйте у меня. Я васъ не отпущу. Вѣдь вы же знаете, что мы съ вами однѣ. Мама вернется изъ города дней черезъ пять. Думаю, что нашъ поздній визитеръ полѣзетъ къ намъ еще разъ, зная навѣрняка, что здѣсь остались только однѣ женщины, — прошептала Лена, уговаривая меня остаться. Я охотно согласилась.

Ночь тянулась безконечно, сонъ не смыкалъ глазъ, мы чутко прислушивались, нѣтъ ли подозрительнаго шороха въ сосѣдней комнатѣ... Подъ утро заснули тревожнымъ сномъ.

Днемъ, будучи въ канцеляріи, я разсказала всѣмъ о ночномъ происшествіи. Всѣ кивали головой, высказывали свои предположенія, сочувствія, давали совѣты на будущее время.

Жена доктора предложила ночевать у нея. Не успѣла я поблагодарить ее за приглашеніе, какъ услышала чей-то чужой голосъ. Это мадьяръ Корнель заинтересовался моимъ разсказомъ, подслушавъ его изъ открытаго окна; принялъ сосредоточенный видъ и заговорилъ пророческимъ голосомъ:

— Онъ придетъ и сегодня. Вчера не удалось, такъ явится сегодня.

Меня разсмѣшилъ его важный видъ и увѣренность.

— Развѣ вы были вмѣстѣ? Откуда вы знаете, что онъ и сегодня собирается? — спросила я.

Несмотря на смѣхъ присутствующихъ и на мое ироническое замѣчаніе, Корнель не обидѣлся, а произнесъ громко и увѣренно:

— Ему сегодня не удалось, попробуетъ завтра. Я сужу по себѣ. Идя къ намѣченной цѣли, я могу нѣсколько разъ потерпѣть пораженіе, но рѣдко когда уступлю.

— Зачѣмъ же вы сравниваете себя съ какимъ-то жуликомъ?

— Вчера здѣсь не удалось, — пойдетъ искать болѣе удобнаго мѣста, такъ какъ знаетъ, что здѣсь уже примутъ мѣры къ встрѣчѣ непрошеннаго гостя, — замѣтилъ бухгалтеръ.

— Пусть будетъ по-вашему. Но онъ еще разъ придетъ, — проговорилъ Корнель и отошелъ отъ окна.

Недоумѣніе застыло на всѣхъ лицахъ.

Конторщица, занимавшая со своей матерью маленькую комнатку, предложила мнѣ ночевать у нея, на что я охотно согласилась. Но возвращаясь домой, подумала:

«Какъ я ихъ стѣсню, а, можетъ, у меня отъ страха глаза велики? Подожду вечера, поговорю съ Леной. Можетъ, и она куда-нибудь пойдетъ ночевать.»

Вернувшись домой, разсказала Ленѣ о пророчествѣ мадьяра. Ея блѣдное, веснущатое лицо сдѣлалось еще блѣднѣе.

— Я боюсь этого чекиста, о немъ разсказываютъ

ужасныя вещи. А меня онъ удивилъ сегодня; встрѣчается утромъ и спрашиваетъ: «вы и ваша квартирантка никуда не ходите вечерами?» «Нѣтъ», говорю я. «Ну, то-то, а то я долженъ выяснять, кто вечерами устраиваетъ какія-нибудь контръ-революціонныя собранія. Смотрите, попадетъ и тому, кто васъ задерживаетъ у себя ночевать или до поздней ночи сидитъ у васъ», отвѣтилъ мнѣ Корнель и, не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, отвернулся и вышелъ. Что вы скажете? Если мы выйдемъ вечеромъ, а онъ выслѣдитъ, будетъ скандалъ, а остаться здѣсь жутко. Подождемъ часовъ до 10, а потомъ — кто куда, я пойду къ сосѣдямъ. Домъ запремъ на ключъ, и я вылѣзу въ окно.

Чѣмъ болѣе надвигался вечеръ, тѣмъ большее безпокойство охватывало насъ.

Вечеръ былъ спокойный, тихій. Небо было чистое.

«Выйти изъ дома, или остаться?» сверлила мысль.

— Я остаюсь. Запру всѣ двери, окна, а если кто станетъ ломиться, такой скандалъ устрою, что всю деревню на ноги подниму. Ну, куда идти, подумайте? Потомъ еще скажутъ, что я на какія-то собранія хожу, — говорила Лена. — Спать не буду. Буду читать, а вѣдь ночь короткая, пройдетъ скоро. Оставайтесь и вы. Богъ дастъ, все сойдетъ благополучно. Пойду закрою всѣ ставни, — продолжала она и вышла на улицу. Вернувшись, закрыла двери на крючокъ.

—Я уже ничего не боюсь, а вы?

— Я тоже. Рѣшила остаться. Буду заниматься, немного почитаю, а часа въ четыре пойду спать.

Не успѣла я произнести послѣднихъ словъ, какъ послышался энергичный стукъ въ двери, залаяла собака, и потомъ снова стукъ въ двери.

Мы переглянулись и нерѣшительно подошли къ двери.

— Откройте! Чего вы боитесь? — послышался голосъ мадьяра.

Мы не отзывались, совѣтуясь, какъ поступить. Корнель начиналъ злиться, но, видимо, кто-то помѣшалъ ему высказать болѣе остро свою злость, такъ какъ послышались мягкія нотки въ его голосѣ. Онъ что-то говорилъ другому.

Этотъ другой оказался артельщикомъ Ивановымъ. Старый служака, кадровый солдатъ, онъ очень любилъ моего мужа.

Услышавъ голосъ Иванова, я отворила двери. Вошелъ чекистъ и окинулъ насъ пытливымъ взглядомъ.

— Что вы заставляете насъ такъ долго ждать? Меня боитесь? — спросилъ онъ, съ любопытствомъ всматриваясь въ наши встревоженныя лица.

— Что вамъ нужно? Я удивлена вашимъ визитомъ... — начала было я, но онъ прервалъ меня:

— Я знаю, вы боитесь. Вотъ я и пришелъ васъ охранять, а этотъ дуракъ Ивановъ зачѣмъ приволокся, не знаю. Ну-ка, скажи, чего ты сюда приташился? — спросилъ онъ смущенно стоявшаго Иванова.

— Я слышалъ, что вчера какой-то жуликъ тутъ лѣзъ въ окно, подумалъ, боится барыня, вотъ и пришелъ посмотрѣть, все ли благополучно.

— Барыня! еще до сихъ поръ не отвыкъ! Значитъ, мы, братъ, одинаково думали и одинаково за-

ботимся о женщинахъ. Но ты можешь идти спокойно спать, я здѣсь остаюсь. Слышишь! Я приказываю тебѣ идти.

— Нѣтъ! Пусть онъ останется! — невольно вырвалось у Лены.

— Онъ останется при условіи, если вы и меня, и его пригласите къ себѣ въ комнату, дадите чаю и позволите разъ-другой переброситься картами. Что вы думаете, на этотъ счетъ, милыя дамы? — насмѣшливо глядя на насъ, говорилъ Корнель. — Если кто осмѣлится пожаловать, у меня есть въ запасѣ штучка, — и онъ указалъ на большой Кольтъ, висѣвшій у пояса.

— Меня удивляетъ вашъ визитъ; вы распоряжаетесь, какъ дома. Намъ никого не нужно. Благодаримъ за вашу опеку надъ нами, но считаемъ лишнимъ пользоваться вашими услугами.

— Безъ благодарностей. Вы что угодно дѣлайте, но я остаюсь здѣсь; если же вы уйдете куда-нибудь, то мы такъ и запишемъ: «Съ наступленіемъ вечера такія-то выходятъ изъ дома, чтобы идти на тайное собраніе.» Увидимъ, что тогда будетъ. И себя, и другихъ подведете.

Ивановъ кивнулъ мнѣ незамѣтно головой. Я рѣшила молчать.

— Вы никуда не уходите? — снова обратился ко мнѣ мадьяръ.

— Вы, кажется, видѣли, что я и не думала уходить изъ дома. У меня есть канцелярская работа, и я должна заниматься. Вы, навѣрное, пришли сдѣлать обыскъ. Но потомъ, я надѣюсь, вы не будете мнѣ мѣшать, — проговорила я и молча пошла въ свою комнату.

Чувствовала, какъ въ безсильной злобѣ бьется сердце, какъ подкашиваются ноги и становится какъ-то не по себѣ.

Стуча грязными сапогами, шелъ за мной чекистъ, а за нимъ Лена.

Ивановъ остановился въ дверяхъ, не рѣшаясь переступить порота моей комнаты.

Корнель сбросилъ шинель и сѣлъ у стола.

— Раздѣвайся, братъ! Чего смущаться! Теперь вѣдь всѣ равны, — сказалъ онъ Иванову, но послѣдній оставался попрежнему стоять на мѣстѣ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Развѣ мнѣ не дадутъ здѣсь чаю? — громко спросилъ Корнель.

Молчаніе было отвѣтомъ.

Корнель грозно поглядывалъ на насъ и чего-то ждалъ.

Я не могла больше оставаться въ этой комнатѣ, не могла смотрѣть на эту рыжую голову и коренастую фигуру.

«Уйти! Быть хотя бы во дворѣ, но не здѣсь», мелькнула мысль.

Я вышла изъ комнаты.

— Ивановъ, идите сюда, я не могу закрыть двери, — позвала я солдата въ сѣни.

Когда мы остались одни, я спросила:

— Скажите, зачѣмъ пришелъ Корнель и вы? Что все это значитъ?

— Вы не бойтесь! Я узналъ сегодня днемъ, что онъ собирается къ вамъ и хвалился, что васъ напугаетъ. Не сердитесь на меня, что я самовольно пришелъ, но вѣдь неизвѣстно, что у этого мадьяра въ головѣ. Нахаленъ ужъ онъ больно. Дайте ему чаю,

посидите, можетъ и уйдетъ, если же останется, то и я буду здѣсь, хотя бы въ сѣняхъ. Все-таки я вѣдь человѣкъ чужой, онъ немножко съ этимъ считается.

— Я думаю переночевать у конторщицы.

— Ни за что! Такъ все дѣло испортите и ее подведете. Не дай Богъ! Оставайтесь и вѣрьте, что при мнѣ онъ ничего плохого не позволитъ себѣ. Я лягу здѣсь, въ сѣняхъ. Только вы не показывайте и виду, что боитесь его, — успокаивалъ и давалъ совѣты старый солдатъ.

Пришлось покориться. Вернулась въ свою комнату.

Корнель шарилъ повсюду, высматривая и вынюхивая, какъ полицейская ищейка.

«Довольно странно ведетъ себя этотъ нахалъ. Пришелъ охранять, а самъ лазитъ по угламъ, чего-то ищетъ», — подумала я и, обращаясь къ Корнелю, проговорила:

— Если вы хотите сдѣлать обыскъ, то ищите и идите домой. Уже поздно.

Корнель перебилъ меня:

— Никакого обыска я не собираюсь дѣлать, но нѣкоторыя вещи меня интересуютъ. Во-первыхъ, эта тетрадь. Здѣсь какія-то любовныя стихотворенія? Ахъ, нѣтъ! Даже какія-то высоконравственныя, не для нашего брата-подлеца. А здѣсь какія-то замѣтки. Посмотримъ, что это. Ничего важнаго. Дайте чаю! — вдругъ обратился онъ къ Ленѣ и бросилъ на столъ тетрадь. — Не удивляйтесь, что я такъ настойчивъ — но я хочу чаю. И вы будете пить. Вы уходите? Куда? Смотрите, чтобы хуже не сдѣлали себѣ, знакомымъ и... мужу...

Махнулъ рукой и щелкнулъ пальцемъ, какъ бы для большаго убѣжденія.

Я прошла въ кухню, гдѣ Лена стучала чашками и ставила самоваръ.

На мой нѣмой вопросъ отвѣтила подергиваніемъ плечъ и шепнула, подходя ко мнѣ:

— Уйти нельзя, такъ совѣтуетъ Ивановъ.

Чай былъ готовъ. Лена хозяйничала за столомъ.

Войдя въ свою комнату, я начала перебирать канцелярскія бумаги, думая заняться переписываніемъ.

Корнель медленно тянулъ съ блюдечка чай и бросалъ въ мою сторону злые взгляды.

Я разложила бумаги на столѣ и старалась быть хладнокровной, но чувствовала, что плохо удается скрыть свое волненіе.

— Вотъ и я въ хорошемъ обществѣ. Посмотрѣла бы моя мать, не сказала бы, что ея сынъ — пропащій человѣкъ. А мнѣ здѣсь нравится, я буду здѣсь частымъ гостемъ. Вотъ только теперь долженъ буду на нѣсколько дней уѣхать. Важныя дѣла. Здѣсь есть одинъ контръ-революціонеръ. Неуязвимъ. Но я его выслѣдилъ. Не знаю, поймать ли, или пусть убирается къ чертямъ. Полубольной старикъ... Пожалѣть его? — обращаясь ко мнѣ, спросилъ Корнель.

— Вѣдь я не служу въ чека, зачѣмъ меня спрашиваете?

— По боку политику — поговоримъ о другомъ.

На лицѣ его появилась хитрая улыбка. Онъ вынулъ изъ кармана замасленныя карты и, смѣясь, проговорилъ:

— Я, какъ ребенокъ, увлекаюсь картами. Люблю играть. Рискъ во всемъ, это моя неотъемлемая черта.

Лицо его раскраснѣлось, нахмуренныя брови разгладились, въ глазахъ засверкали веселые огоньки: передъ нами сидѣлъ другой человѣкъ, но это длилось не больше минуты.

— Ивановъ! Иди играть! Сидитъ себѣ около дверей. Чаю не хочетъ, играть тоже, на кой чортъ приплелся!

Ивановъ неуклюже подсѣлъ къ столу, взялъ заскорузлыми руками карты и началъ сдавать.

Я отодвинула карты и на удивленные нѣмые вопросы трехъ собесѣдниковъ отвѣтила:

— Я должна заняться работой. Я уже говорила вамъ, что играть не буду.

— Все по боку! Къ чорту! Играть съ нами! — изступленно крикнулъ Корнелъ, и снова передъ нами сидѣлъ грубый чекистъ. — Вы всегда такая упрямая? Если бы даже вамъ угрожали... Впрочемъ, не надо... Нѣтъ! Такъ будемъ и безъ васъ играть.

Я углубилась въ работу, вѣрнѣе, пыталась углубиться и чувствовала, что завтра наново придется все переписать.

Цифры путались, ускользали изъ глазъ, рука нервно дрожала, и мысли, одна за другой, толпились въ мозгу.

Маленькая керосиновая лампочка окончательно отказывалась освѣщать нашу комнату. Горѣлъ уже фитиль, наполняя воздухъ запахомъ керосина.

Лена поминутно зѣвала, но боялась прервать игру, видя, что Корнеля захватываетъ все большій азартъ. Казалось, что онъ проигрываетъ и выигры-

ваетъ тысячи, а въ дѣйствительности играли только на орѣхи, которые принесла Лена изъ своей комнаты.

— Довольно! Уже керосину нѣтъ! Идите домой, — сказала я, вставая изъ-за стола.

Корнель удивленно посмотрѣлъ въ мою сторону и произнесъ:

— Вы развѣ еще не поняли, что я остаюсь здѣсь? Вотъ здѣсь, на этой кровати, я буду спать.

Онъ указалъ на кроватъ моего мужа, потомъ всталъ, подошелъ къ кровати, сѣлъ и, вытянувъ кривыя ноги, крикнулъ:

— Вспомните-ка, Ивановъ, какъ вы офицерамъ сапоги стягивали, снимите и мнѣ.

Старый солдатъ молча повиновался. Я и Лена вышли изъ комнаты.

— А вы куда? — крикнулъ Корнель.

— Да что вы, товарищъ, съ ума, что ли сошли? Неужто полагается дамамъ сидѣть, гдѣ нашъ братъ раздѣвается, — резонировалъ Ивановъ. — Вообще, по правдѣ говоря, намъ пора ужъ во-свояси. Накормили насъ, напоили и довольно. И стыдно вамъ, если онѣ пожалуются на васъ. Ихъ начальство любятъ, и вамъ плохо будетъ, хоть вы и чекистъ. Съ ними важные комиссары вѣжливы были, а вы пришли въ чужой домъ и непьяны, кажется, а Богъ знаетъ, что позволяете себѣ.

— Ты меня не учи! Иди себѣ, а я останусь. Я пришелъ ихъ охранять. Къ нимъ жулики могутъ влѣзть! Понимаешь, безмозглая голова? Учить еще меня будетъ! Развѣ я самъ не знаю, что полагается, а что нѣтъ. Вѣдь я знаю самъ...

Долго еще разговаривали «товарищъ» и старый, честный солдатъ.

А мы тѣмъ временемъ устраивались на ночь. Рѣшили не ложиться въ Лениной комнатѣ, а, заперевъ двери на ключъ и взявъ его съ собой, прошли въ кухню, оставивъ дверь въ коридоръ открытой. Влѣзли на широкую русскую печку и скрылись за занавѣской.

Ивановъ копошился въ коридорѣ, устраиваясь на ночлегъ. Вскорѣ и онъ успокоился.

Въ домѣ водворилась тишина, только въ моей комнатѣ слышны были тяжелые шаги Корнельскихъ ногъ, обутыхъ въ туфли моего мужа.

— Онъ не спитъ. Ходитъ и ходитъ, — прошептала Лена.

Я прислушалась. Шаги Корнеля послышались въ коридорѣ, потомъ въ столовой и затихли у дверей Лениной комнаты. Но закрытыя двери отрезвляюще подѣйствовали на него и онъ, что-то ворча себѣ подъ носъ, прошелъ обратно. Слышно было, какъ скрипнула кровать, и минутъ черезъ десять послышался храпъ.

Мы долго шептались съ Леной, совѣтуясь о томъ, что предпринять, чтобы предотвратить завтра повторенiе визита нашего «хранителя». Рѣшили посовѣтоваться съ докторомъ и съ сосѣдями.

— Утро вечера мудренѣе, а теперь заснемъ, — сказала я, чувствуя, какъ охватываетъ меня сонъ и я едва борюсь съ тяжелой дремотой.

Розовый восходъ окрасился багрянымъ блескомъ, бросая кругомъ золотые лучи благодатнаго солнца, а оно, купаясь въ синей дали, заглядывало весело въ окна нашей квартиры.

Я чувствовала себя бодрой, несмотря на непріятныя впечатлѣнія тревожной ночи.

Лена спала, свернувшись калачикомъ, и не слышала, какъ я осторожно слѣзла съ печи и вышла во дворъ. На крыльцѣ сидѣлъ Ивановъ и покуривалъ махорку.

— Вотъ такъ дѣла, чортъ побери! Дрыхнетъ еще «товарищъ»? Какъ вы отъ него отдѣлаетесь? Мои глаза и смотрѣть не хотятъ на его безстыжую морду. Но все-таки онъ успокоится. Вчера я ему наговорилъ, видно на него повліять еще можно. Онъ говоритъ: «люблю, когда меня буржуйки боятся, и люблю, когда онѣ со мной, какъ съ равнымъ себѣ, разговариваютъ». Вотъ хорошо вы сдѣлали, что не вышли изъ дома: обозлился бы хуже, а теперь проспится и уйдетъ. Да и я долженъ уйти — пора на службу. Извините, что я тоже пришелъ, но такъ подумалъ— лучше будетъ. До свиданія.

— Ивановъ, спасибо, что вы пришли, — крикнула я вслѣдъ солдату.

—Глупости! Я доволенъ, что могъ вамъ услужить, — отвѣтилъ Ивановъ и скрылся за воротами.

«Пріятное времяпрепровожденіе. Страдая невралгіей, пріятно пощекотать себѣ нервы такими необычайными происшествіями», подумала я. «Дѣйствительно, равенство, братство и свобода. Придти въ чужой домъ, потребовать чаю, лечь спать на чужой кровати и, вообще, чувствовать себя, какъ дома. Свобода! ха-ха!»

Такъ какъ крыльцо было свободно, а утренній воздухъ былъ такъ свѣжъ и пріятенъ, небесная ширь манила своей синевой, то я и не вернулась въ тѣсныя комнаты, а сѣла на мѣсто Иванова.

За невысокимъ плетнемъ тянулся огородъ. На зеленой травѣ брилліантовымъ ковромъ лежала роса. Тихо было, только изрѣдка слышалось мычанье коровъ, скрипъ ворота у колодца и чириканье воробьевъ.

Полной грудью вдыхала я свѣжій утренній воздухъ и хотѣлось хоть на мигъ забыть о всѣхъ передрягахъ.

«Боже, какъ хотѣлось, чтобы пріѣхалъ скорѣе мужъ. Подѣлиться съ нимъ обидой, переживаніями», думалось мнѣ, и слезы невольно покатились изъ глазъ.

Я не слышала тяжелыхъ шаговъ Корнеля, вышедшаго на крыльцо. Только голосъ его заставилъ меня вздрогнуть и торопливо вытереть глаза.

— А вы раньше меня встали?... Скажите, вы меня очень боитесь? — задалъ онъ глупый вопросъ.

— Боюсь? Странный вопросъ, а поведеніе ваше еще болѣе странно. Можетъ быть, это такъ и полагается у васъ, не признающихъ никакихъ принциповъ.

— Ахъ, вы опять начинаете учить меня, все это старыя пѣсни. Если я грубъ, неотесанъ, то жизнь моя такъ сложилась. Я не виноватъ въ этомъ. Но вѣрьте мнѣ, что для васъ я готовъ сдѣлать все! Не смотрите на меня, какъ на жулика и вора.

«Вотъ какъ запѣлъ. Не только жуликъ и воръ, но и руки, навѣрное, въ крови», подумала я.

— Домой я не могу вернуться — тамъ знаютъ, кто я. Бѣдная мать только не вѣритъ... Она всегда говорила, что я буду порядочнымъ человѣкомъ. Но трудно, чтобы мнѣ кто-нибудь вѣрилъ и смотрѣлъ на меня иначе, чѣмъ на остальныхъ большевиковъ.

Но я вамъ все же докажу, что могу еще быть порядочнымъ человѣкомъ. Сегодня послѣ обѣда я уѣзжаю въ Иркутскъ, гдѣ пробуду два дня; такимъ образомъ, вы меня сегодня не увидите, — проговорилъ Корнель, идя къ воротамъ.

— До свиданія, — крикнулъ онъ, какъ бы припомнивъ, что не попрощался.

Днемъ я не видѣла Корнеля. Рѣшила, что онъ не солгалъ, и дѣйствительно уѣхалъ.

— Сегодня можете быть спокойны, — говорили мнѣ въ канцеляріи. — Онъ, дѣйствительно, уѣхалъ, а завтра пріѣдетъ вашъ мужъ и объяснится съ нимъ.

Успокоенная, я вернулась домой.

Вечеромъ я вышла на террасу, гдѣ сидѣла Лена, и весело проговорила:

— Сегодня можемъ спокойно спать, хоть и остаемся безъ надоѣдливыхъ нахальныхъ хранителей.

— Неправда! Одинъ очень нахальный хранитель уже здѣсь, — раздался голосъ Корнеля, и въ сѣрыхъ сумеркахъ наступающаго вечера показалась его массивная фигура.

Я вздрогнула отъ неожиданности и слова негодованія застыли на моихъ губахъ.

— Опять испугалъ васъ? Называйте меня лгуномъ, подлецомъ, жуликомъ — я къ этому привыкъ. Зачѣмъ эти злые глаза? Они меня не страшатъ, я не уйду отсюда!

— Нѣтъ, вы уйдете! Или меня не будетъ здѣсь, — проговорила я, направляясь въ свою комнату.

Набросивъ шаль на плечи, я вышла во дворъ и столкнулась съ Ивановымъ.

— Я пришелъ, такъ какъ узналъ, что этотъ

мадьяръ здѣсь. Вернитесь домой. Предупреждаю, это будетъ лучше.

Покорно вернулась, и до сихъ поръ не знаю, что угрожало мнѣ, если бы я ночевала у кого-нибудь изъ знакомыхъ.

Я сѣла за переписку вѣдомостей. Корнель на этотъ разъ не вспоминалъ о картахъ, сидѣлъ и угрюмо перебрасывался короткими фразами съ Ивановымъ и Леной.

Одиннадцать часовъ вечера. Усталая, нервная, я встаю и говорю:

— Теперь уходите домой. Уже поздно, и мы не нуждаемся въ вашихъ услугахъ.

— Ивановъ можетъ идти, но я остаюсь здѣсь, — отвѣтилъ Корнель.

— Скажите, что вамъ надо? Если хотите арестовать, то на какихъ основаніяхъ? Вообще, объясните, зачѣмъ вы вторгаетесь въ мою квартиру и держите себя такъ нахально?

— Мнѣ такъ нравится, — послѣдовалъ отвѣтъ. — Арестовать я бы васъ не позволилъ... Поговорите со мной, забудьте, что я чекистъ... Забудьте, что я мало знакомый вамъ, нахальный... Иногда и мнѣ хочется быть въ иномъ обществѣ... Здѣсь, можетъ быть, не все убито, — тихо произнесъ онъ, показывая на грудь.

Я не понимала его, стояла отупѣлая, злая, недовѣрчиво поглядывая на Корнеля и Лену.

— Если въ васъ осталось еще что-нибудь порядочное, то поймите, что такъ не поступаютъ порядочные люди. Идите домой, а мы останемся здѣсь.

— Ивановъ, сними мнѣ сапоги! — закричалъ Корнель, протягивая ногу.

Послѣ такого краснорѣчиваго отвѣта я и Лена вышли изъ комнаты. Забрались на мѣсто вчерашней ночевки и съ тревогой прислушивались къ громкому лаю собакъ на нашемъ дворѣ. Около дома кто-то ходилъ, даже раза два дернулъ ставню. Лай собакъ все усиливался. Жуткое чувство охватывало насъ.

Рѣшили пойти къ Иванову. Оказалось, что онъ стоялъ уже въ сѣняхъ и напряженно всматривался въ черную зловѣщую темноту осенней ночи.

— Кто-то ходитъ. Навѣрно, воры. Надо позвать Корнеля. У него есть револьверъ. Надо пугнуть этихъ негодяевъ, — прошепталъ Ивановъ.

Корнель пришелъ, но стрѣлять отказался; отказался онъ также и выйти съ Ивановымъ на крыльцо. Смущенно уговаривалъ насъ не бояться.

— Вѣдь я заступлюсь за васъ, — говорилъ онъ, все время хватаясь за висѣвшій у пояса Кольтъ.

Какъ ни трагична была минута, но я не могла удержаться, чтобы не улыбнуться при мысли, что Корнель, такой трусъ, можетъ быть нашимъ защитникомъ.

Хорошо, что темнота скрыла отъ него мою ироническую улыбку.

Шумъ на дворѣ и лай собакъ понемногу затихали. Показалась луна, освѣтившая невысокій плетень, огородъ и небольшой дворикъ.

— Вотъ и все! Воры ушли, они, навѣрное, знали, что я здѣсь, и струсили. Теперь видите, и я пригодился вамъ. Идите спать. Ивановъ останется дежурить.

Мы прошли въ комнату Лены, а Корнель напра-

вился въ мою. Но едва затихли его шаги, мы, закрывъ дверь на ключъ, прошли въ кухню.

Ночь прошла спокойно, а утромъ выяснилось, что дѣйствительно воры были, украли изъ амбара муку и увели корову.

Корнель торжествовалъ. Ему казалось, что онъ насъ спасъ. А когда пріѣхалъ утромъ мужъ, Корнель разсказалъ ему, что я и Лена неблагодарныя существа, онъ посвятилъ намъ все свое свободное время, стараясь охранить нашъ покой, не спалъ, нервничалъ, а мы ходимъ злыя и называемъ его нахаломъ.

Пока я сама не посвятила мужа во все, послѣдній не могъ понять, въ чемъ дѣло.

— Не удивляюсь, что васъ такъ назвали, — сказалъ мужъ Корнелю.

Долго еще бесѣдовалъ мужъ съ Корнелемъ на эту тему, но слова его летѣли мимо ушей чекиста, не затрагивая его совѣсти.

Съ этого дня начались частые визиты Корнеля къ намъ. Онъ сидѣлъ подолгу, разсказывая то о побѣдахъ красноармейцевъ, то вдругъ жалуясь на свою безпросвѣтную жизнь, на невозможность вернуться на родину.

— Вы счастливы. Можете ѣхать. Можете прямо и открыто смотрѣть всѣмъ въ глаза, а я даже для родной матери чужой и возврата къ прежнимъ днямъ уже нѣтъ.

Иногда, заставая насъ за работой, онъ осторожно отодвигалъ бумаги и счеты и говорилъ таинственнымъ голосомъ:

— Опять арестовываютъ буржуевъ.

Мы принимали равнодушно это извѣстіе.

Тогда онъ горячо и убѣдительно начиналъ доказывать, что лучше было бы для насъ уѣхать домой, въ Литву.

— Тамъ вы у себя дома, а здѣсь на васъ смотрятъ, какъ на враговъ. Во-первыхъ, потому, что вы принадлежите къ классу буржуевъ, а во-вторыхъ, никакой пользы не приносятъ намъ граждане, лелѣющіе мысль возвратиться въ родныя мѣста. Въ нашей новой жизни они безполезны. И хоть мнѣ жаль разстаться съ вами, все же совѣтую вамъ, какъ можно скорѣе уѣхать.

Мы и безъ его совѣтовъ знали, что у себя дома, гдѣ есть родные, гдѣ есть свобода личности, иначе дышится.

Думая о возможности уѣхать, мы создавали призрачный миражъ какой-то сказочной дороги въ далекій свободный край.

Этотъ миражъ скоро превратился въ дѣйствительность. Въ Иркутскѣ началъ формироваться литовскій эшелонъ, а такъ какъ литовцевъ было мало, то съ отправкой медлили.

Начались для насъ страдные дни. Мы уѣзжали съ мужемъ въ городъ. Онъ цѣлыми часами просиживалъ въ эвакопунктѣ, составляя списки бѣженцевъ, которые прибывали все въ большемъ и большемъ количествѣ. Мужу удалось добиться разрѣшенія соединить литовцевъ съ латышами и даже дополнить эшелонъ поляками.

По возвращеніи въ Усолье, мы засаживались за запущенную работу и сидѣли цѣлыя ночи напролетъ, приготовляя къ сдачѣ всѣ дѣла и вѣдомости.

Такъ прошелъ мѣсяцъ напряженной работы и безконечныхъ волненій.

* *
*

Мужъ, наконецъ, уволенъ отъ службы... Самыя лучшія, хвалебныя свидѣтельства, какія только можетъ получить безпартійный буржуй... Прощальные визиты къ сослуживцамъ, докторамъ, и мы ѣдемъ въ Иркутскъ.

Нашъ вагонъ прицѣпленъ къ товарному поѣзду. Въ ожиданіи отправки я гуляю возлѣ вагона. Ко мнѣ приближается Корнель.

— Почему вы ничего не сообщили о своемъ отъѣздѣ? Сейчасъ только объ этомъ узналъ. Не сердитесь на меня, вѣдь я ничего плохого вамъ не сдѣлалъ. А могъ, и даже хотѣлъ... Но вѣдь ничего не сдѣлалъ плохого, кромѣ того, что пришелъ охранять васъ... Однимъ словомъ, не сердитесь на меня и дайте мнѣ знать, когда изъ Иркутска поѣдете. Я пріѣду проводить васъ, а теперь пойду искать вашего мужа. Хочу сказать ему на прощанье нѣсколько словъ. Люблю его, хоть онъ и буржуй.

Корнель удалился, смѣшно ковыляя на кривыхъ ногахъ.

Мы ѣдемъ.

— Странный этотъ мадьяръ. Вѣдь не одного разстрѣлялъ, и тутъ вдругъ начинаетъ сентиментальничать, и мнѣ наговорилъ много любезностей и какъ-то проговорился, что отъ него зависѣло многое, но онъ оказался великодушнымъ.

— Только мы не будемъ сентиментальничать и не будемъ писать ему, когда поѣдемъ. Зачѣмъ еще его видѣть? Подальше отъ такихъ типовъ: сегодня у него на умѣ одно, а завтра другое, — сказалъ мужъ.

Наступилъ долгожданный день отъѣзда. Не вѣрилось еще, что наконецъ-то покинемъ этотъ кровавый край.

Какъ сейчасъ помню, стоялъ холодный ноябрьскій день, когда мы грузились. Нашъ эшелонъ былъ сборный, латышско-литовскій. Ѣхало насъ 160 человѣкъ. Сколько смѣха, счастья кругомъ. Каждый радуется, что уѣзжаетъ, въ ожившей памяти встаютъ родныя лица, поля и хатки, покой и отдыхъ отъ кошмарныхъ дней.

Каждый вѣрилъ, что черезъ мѣсяцъ - полтора будетъ дома, такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли насъ на эвакопунктѣ (эвакуаціонный пунктъ). На этотъ разъ предчувствіе не говорило намъ, что впереди предстоитъ много-много испытаній и что нѣкоторые изъ насъ, вмѣсто родного очага, останутся въ чужомъ краю въ холодныхъ могилахъ.

Мы заняли второе купэ; здѣсь же помѣстились студентъ и молоденькая курсистка, выдававшіе себя за супруговъ. Онъ — молодой, сильный, широкоплечій мужчина, съ безпечной улыбкой на устахъ. Она — худенькая, невысокая, стыдливая, краснѣющая, молчаливая, но внимательно наблюдающая за всѣми.

Первое купэ занимала семья инженера Яцевича изъ Литвы. Послѣ непродолжительнаго разговора съ нимъ оказалось, что мужъ и онъ имѣютъ общихъ знакомыхъ въ Литвѣ.

Инженеръ только что оправился послѣ брюшного тифа и выглядѣлъ очень утомленнымъ и исхудалымъ.

Жена его, молодая женщина, полная энергіи, веселая, разговорчивая, безъ памяти любящая сво-

ихъ дѣтей. Да и невозможно не любить такихъ милыхъ и красивыхъ дѣтей!

Старшая ихъ 9-лѣтняя дочь Вита — темная шатенка съ серьезными, не дѣтскими глазами. Овальное личико, смуглая кожа и темный румянецъ. Иногда въ темныхъ ея глазахъ вспыхивалъ какой-то шаловливый задорный огонекъ, и тогда она весело смѣялась.

Олекъ — четырехлѣтнiй карапузъ — маленькiй херувимчикъ съ золотыми локонами и мечтательными голубыми большими глазенками.

Въ сосѣднемъ съ нами купэ помѣстились двое евреевъ: женщина-врачъ и мужъ ея, инженеръ; эта парочка Кацъ ѣхала въ Польшу. Въ ихъ купэ былъ еще чехъ и солдатъ-литовецъ.

Дальше была семья Гжибовскихъ, состоящая изъ жены, мужа, трехъ взрослыхъ сыновей и двухъ — 14 и 16-лѣтнихъ — дочерей.

За ними помѣщалась семья Скродеренъ—латыши; ихъ было пять человѣкъ: мужъ, жена, 9-лѣтняя дѣвочка Леля, четырехлѣтнiй карапузъ Толя и 8-мѣсячный Володя.

Образъ Лели сохранился въ моей памяти до сихъ поръ. Темная шатенка съ большими глазами, блѣдное выточенное личико. Она чувствовала себя взрослой; во всемъ помогала матери, занималась дѣтьми, пѣла имъ пѣсенки тоненькимъ, но милымъ голоскомъ, въ которомъ звучало столько печали и какой-то недѣтской грусти.

Дальше семья Погуль. Онъ — рослый латышъ, она — полная, розовая. Сынъ — худой мальчикъ лѣтъ 12, Адольфъ, 4-лѣтняя дочь и еще на рукахъ маленькая годовалая дочь Труда.

Моего мужа выбрали начальникомъ эшелона и вручили ему списокъ всѣхъ пассажировъ, съ которымъ онъ долженъ былъ явиться въ чека для провѣрки документовъ.

Мужъ уѣхалъ въ городъ, а я, желая скоротать время, начала знакомиться съ сосѣдями.

Всѣ нетерпѣливо ждали, когда тронется поѣздъ; минуты казались часами, хотѣлось скорѣе быть гдѣ-то за границей — дома. Каждый что-то разсказывалъ, острилъ, смѣялся; дѣти вторили намъ своимъ звонкимъ смѣхомъ и разспросами о дорогѣ.

Маленькій Олекъ то-и-дѣло высовывалъ свой носикъ, заглядывая къ намъ въ купэ.

Вернулся мужъ, веселый, радостный, обошелъ всѣ вагоны съ вѣстью, что поѣздъ тронется черезъ часъ.

Ѣдемъ. Путъ нашъ—на западъ; впереди шесть съ половиной тысячъ верстъ... Прощай, Сибирь, съ широкими равнинами, необозримыми безкрайными степями, съ горячимъ солнцемъ. Прощай, востокъ, желанный и далекій, куда рвалась душа въ поискахъ покоя. Слишкомъ много и здѣсь крови, зла и слезъ. Дальше, дальше отъ этихъ страшныхъ дней. Впередъ! впередъ, къ роднымъ лицамъ, родному языку, въ родные края.

* *
*

Три дня мы уже въ дорогѣ. Не нервничаемъ, когда приходится подолгу застревать на станціи. Не все ли равно — сейчасъ поѣдемъ, или черезъ полтора-два часа? Слава Богу, что ѣдемъ.

Въ вагонѣ тепло и уютно.

Присматриваюсь къ нашему сосѣду-нѣмцу и его женѣ. Онъ говорилъ, что курсистка — его жена, а между тѣмъ она обращается къ нему на «вы» и стыдливо краснѣетъ, когда ловитъ себя на этомъ словѣ. Сегодня и онъ вышелъ изъ роли мужа и со смѣхомъ спросилъ курсистку:

— Марія Николаевна, разскажемъ все своимъ сосѣдямъ. Присмотрѣлись мы къ нимъ, не выдадутъ.

Марія Николаевна киваетъ головой въ знакъ согласія.

— Видите, въ чемъ дѣло: это не жена моя. Моя жена во Владивостокѣ, и семья Маріи Николаевны тоже тамъ. Благодаря документамъ, удостовѣряющимъ, что я уроженецъ Гамбурга и считаюсь нѣмецкимъ подданнымъ, я получилъ разрѣшеніе уѣхать, а такъ какъ въ паспортѣ моемъ значится моя жена, то я, какъ «жену», прихватилъ съ собою и Марію Николаевну. Простите насъ за этотъ невольный обманъ, но вѣдь сами знаете, теперь вѣрить никому нельзя. Выдадутъ.

— Плохіе вы артисты! трехъ дней не выдержали, — смѣясь отвѣчаю я.

Пріятно проводили первые дни, полные надеждъ и радужныхъ грезъ.

Всѣ ожили, чувствуя себя свободными людьми.

Иногда вечеромъ собирались въ одномъ какомъ-нибудь купэ и, попивая горячій чай, разсказывали о себѣ.

Мы больше всего подружились съ семьей инженера. Привлекали меня и ихъ дѣти, веселыя, жизнерадостныя, вносившія оживленіе въ наши однотонные дни.

Студентъ и его мнимая жена заразили насъ своими мечтами... Мы, думая о Литвѣ, представляемъ ее себѣ какой-то сказочной страной.

Днемъ, когда поѣздъ долго стоялъ на маленькихъ забытыхъ станціяхъ, мы веселой гурьбой выходили изъ тѣснаго вагона и, вдыхая морозный воздухъ, гуляли возлѣ поѣзда или ходили «на охоту», разыскивая продукты.

Каждый день приходилъ докторъ, освѣдомляясь, нѣтъ ли больныхъ, иногда присаживался къ намъ и разсказывалъ о страшномъ голодѣ на Волгѣ, откуда онъ сопровождалъ голодныхъ дѣтей въ Сибирь.

Не вѣрилось тѣмъ ужасамъ, которые рисовалъ докторъ.

— Сколько ихъ умирало въ дорогѣ! — говорилъ докторъ. — Брали мы и маленькихъ, но больше было въ возрастѣ 6—14 лѣтъ. Это были или сироты, или просто бѣжавшіе изъ семьи въ поискахъ куска хлѣба. Худенькое, загорѣлое тѣльце, едва прикрытое жалкими лохмотьями, постарѣвшее лицо и голодные, испуганные глаза, какъ у загнаннаго звѣря... Смотрѣть жалко. Помню, пришли мы въ одну деревушку. Пусто, глухо... Дома стоятъ съ закрытыми ставнями, и ни души... На завалинкѣ сидитъ какая-то согбенная фигура съ безсильно опущенными руками. Подходимъ, оказывается, мертвый старикъ. Такъ сидя и умеръ. Выползъ на солнышко и встрѣтилъ свою смертъ. Поля выжжены немилосерднымъ солнцемъ, и огромныя пространства кажутся безлюдной пустыней.

Блѣдное лицо доктора подернуто дымкой грусти. Добрый, отзывчивый, но запуганный, забитый, онъ иногда казался жалкимъ.

Другимъ частымъ гостемъ у насъ изъ администраціи поѣзда былъ веселый молодой начхозъ. Онъ давалъ намъ совѣты, гдѣ лучше вымѣнивать вещи на муку, а гдѣ на масло или мясо. Разсказывалъ веселые эпизоды изъ жизни или просто анекдоты.

Иногда приходилъ и комиссаръ — еврей, членъ московскаго революціоннаго совѣта, горячо уговаривавшій насъ не ѣхать домой и обѣщавшій намъ хорошую службу съ хорошимъ жалованьемъ. Этотъ человѣкъ любилъ «обдѣлывать» свои дѣла и увлекался спекуляціей.

— Я имѣю большую протекцію и васъ могъ бы устроить сейчасъ же на высокую должность. Оставайтесь. Что для васъ Литва? Вы тамъ никогда не заработаете столько, сколько здѣсь; съ вашей энергіей и интеллигентностью вы бы скоро пошли въ гору, — говорилъ комиссаръ мужу, но послѣдній категорически отказывался.

Тогда онъ принимался за инженера Каца и его жену-докторшу:

— Подумайте, сколько вы бы полезнаго сдѣлали, и для васъ лучше. Въ Польшѣ много инженеровъ и докторовъ, и тамъ вы съ голоду умрете, а здѣсь для васъ почетъ и уваженіе.

Но ихъ также трудно было соблазнить заманчивой перспективой.

Эти три человѣка изъ администраціи пользовались симпатіей у всѣхъ бѣженцевъ. Бѣднота любила ихъ за то, что они помогали имъ, чѣмъ могли.

Докторъ лѣчилъ, начхозъ ходилъ и клянчилъ у комиссара улучшенія пищи, комиссаръ иногда позволялъ выдать дѣтямъ больше супу или всыпать больше крупы.

Самой непріятной для насъ личностью былъ политрукъ въ юбкѣ.

Развязная, разбитная дѣвка. Слово дѣвушка слишкомъ мягко для опредѣленія этой несимпатичной особы. Гордый, надменный взглядъ, едва удостаивавшій вниманія «не-коммуниста». Широкое, лоснящееся лицо безъ признаковъ интеллигентности. Полная, неуклюжая фигура, затянутая въ кожаную куртку, и ноги, обутыя въ высокіе мужскіе сапоги. Такова была эта представительница комсомола. Цѣлые вечера она просиживала въ вагонѣ-клубѣ, гдѣ, возсѣдая среди красныхъ тряпокъ и плакатовъ съ убійственнымъ призывомъ къ борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ міромъ, читала лекціи о коммунизмѣ, «развивала» молодежь, къ которой принадлежалъ весь низшій персоналъ поѣзда, разлагая ихъ юныя души и внося въ нихъ разладъ.

Другой несимпатичной фигурой была сестра-еврейка, заядлая коммунистка. Она завѣдывала хозяйственной частью. На насъ смотрѣла, какъ на скотъ, предназначенный къ убою.

— Хвораетъ? Пусть хвораетъ. Мы для своихъ должны беречь силы, здоровье и медикаменты, но не для нихъ. Здѣсь въ каждомъ сидитъ контръ-революціонеръ, — говорила она доктору, когда онъ внимательно выстукивалъ больного и просилъ ее выдать нужное лѣкарство.

Кончалось обыкновенно тѣмъ, что семья больного обращалась къ моему мужу съ просьбой достать лѣкарства. При содѣйствіи комиссара мужъ получалъ нужное, такъ какъ докторъ безъ согласія сестры боялся что-либо выдать изъ аптеки.

Съ другой сестрой мы познакомились немного

позже, и навсегда останется въ нашей памяти ея свѣтлый, лучезарный образъ. Слабая, хрупкая, она самозабвенно ухаживала за всѣми. Она приносила намъ все: свою добрую улыбку, тихій ласкающій голосъ, ночи, проведенныя безъ сна у изголовья больного, ободряющія слова. Имя Елены Сергѣевны стало, въ концѣ концовъ, извѣстно всѣмъ. Миловидное личико съ грустными глазами, скользящая тихая походка, проникновенный голосокъ и наряду съ этимъ безконечно добрая, мягкая душа и глубокое сознаніе своего долга...

Комиссаръ часто приглашалъ всѣхъ въ клубъ поѣзда, гдѣ собирался весь персоналъ и гдѣ онъ выступалъ въ качествѣ артиста, исполняя пѣсенки еврейскаго жанра подъ аккомпаниментъ начхоза.

Но насъ не привлекало это увеселительное «учрежденіе», и свой визитъ мы откладывали со дня на день; такое пренебрежительное отношеніе къ коммунистическому «святое святыхъ» вызывало взрывъ негодованія у нашего «начальства—коммунистовъ».

Два-три раза мы все-таки навѣстили клубъ, гдѣ прослушали пѣніе и игру на піанино комиссара и начхоза и даже выслушали какой-то докладъ о міровомъ соціализмѣ. Наблюдая за слушателями, я видѣла, какъ далеки они мыслью отъ внушительныхъ словъ представителя совѣтскаго строя. Сдержанный смѣхъ, шопотъ ежеминутно прерывали чтеніе и политрукъ бросала злые взгляды на непокорныхъ слушателей, на насъ же смотрѣла съ пренебреженіемъ, свысока, какъ бы желая сказать: «Ваши тупыя буржуйскія головы не поймутъ этихъ возвышенныхъ идей. То ли дѣло я!» — Она выпрямлялась, задирала еще выше стриженую голову и оки-

дывала всѣхъ высокомѣрнымъ взглядомъ. Послѣ совѣтскихъ новорожденныхъ талантовъ мы съ большимъ удовольствіемъ слушали игру г-жи Яцевичъ, извѣстной піанистки, съ большимъ успѣхомъ дававшей концерты во многихъ городахъ Сибири.

* * *

Изоляторъ понемногу наполнялся больными; заразныхъ болѣзней не было. Наблюдались простуда, ревматизмъ въ острой формѣ и т. п.

Одной изъ первыхъ слегла Чарнецкая — мать шестерыхъ дѣтей и, на пятый день, вызвавъ меня, умоляюще просила:

—Спасите меня! Нашъ докторъ не можетъ меня вылѣчить. У меня вѣдь дѣти, голодныя, полураздѣтыя, и мать-старушка. Пожалѣйте.

Я успокоила ее какъ могла и отправилась къ докторшѣ Кацъ съ просьбой осмотрѣть больную. Когда оказалось, что больной необходима операція, а подъ рукой нѣтъ нужныхъ приспособленій и медикаментовъ, мы срочно вызвали доктора съ сосѣдней станціи.

Бѣдный Чарнецкій плакалъ, какъ ребенокъ, умоляя о помощи. Грустное зрѣлище представляла семья больной.

Худенькая сухая старушка со вспухшими глазами, полураздѣтыя дѣти, плачъ, ревъ и безысходная нужда. Сейчасъ же организовали помощь несчастнымъ.

Обѣды мы получали изъ санитарнаго поѣзда, но рѣдкіе изъ насъ пользовались имъ. Обыкновенно мы уступали свои порціи болѣе бѣднымъ семьямъ,

такъ какъ каждый изъ насъ обладалъ запасомъ съѣстного приблизительно на мѣсяцъ, такъ какъ именно столько времени мы расчитывали провести въ дорогѣ.

Семья Чарнецкаго просидѣла въ баракахъ иркутскаго эвакопункта нѣсколько мѣсяцевъ въ ожиданіи отправки и теперь, попавъ въ эшелонъ, осталась буквально безъ всякихъ средствъ.

Мужъ, какъ начальникъ эшелона, каждый день обходилъ вагоны, и по его разсказамъ мы узнали о печальномъ положеніи семьи Чарнецкихъ и бѣженкѣ изъ Литвы, старушкѣ Томашевской съ двумя сыновьями, мальчиками лѣтъ 12 и 14 и многихъ другихъ.

Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, страшная болѣзнь заглянула въ бѣдныя семьи, и мы единогласно рѣшили не только дѣлиться съ ними обѣдомъ, но и помогать несчастнымъ по мѣрѣ силъ и возможности.

Кто видѣлъ горе и злую нужду, тотъ скорѣе откликнется на чужія невзгоды и горе. Дружно несли мы все, что могли, бѣднякамъ.

Старушка получила теплую одежду, дѣти пріодѣлись, питаніе ихъ улучшилось. Но въ отношеніи болѣзни мы были безсильны.

Чарнецкая умерла въ сильныхъ мученіяхъ на рукахъ измученнаго горемъ и несчастьемъ мужа. Безутѣшно и горько рыдалъ онъ, провожая скромный гробъ съ останками любимой подруги жизни.

Смерть Чарнецкой на всѣхъ подѣйствовала удручающимъ образомъ, и страшнымъ и жуткимъ показалось намъ окружающее: полузабытая маленькая станція, степь, покрытая снѣгомъ, точно бѣ-

лымъ саваномъ, и вдали, въ снѣжномъ туманѣ печальная похоронная процессія...

* *
*

Дни текли за днями, однообразные, сѣрые. Потускнѣли яркія краски радостныхъ надеждъ. Потухала вѣра въ лучшее будущее. Со дня на день закрадывалось въ душу сомнѣніе, внося безпокойство и необъяснимую тоску.

Уже три недѣли мы въ дорогѣ, а проѣхали такъ мало!

Мужъ цѣлыми днями и ночами просиживалъ у начальниковъ станцій, дежурныхъ, прося, умоляя, сердясь и ругая ихъ новые порядки. Но время шло, а поѣздъ рѣдко удавалось продвинуть хотя бы до слѣдующей станціи.

Желѣзнодорожная разруха достигла своего апогея. Въ первую очередь отправлялись воинскіе поѣзда, потомъ пассажирскіе и, наконецъ, добавочные, въ томъ числѣ и нашъ.

Недостаточное количество угля и исправныхъ паровозовъ усугубляло положеніе. Въ теченіе сутокъ отправлялось только два поѣзда, и нашъ поѣздъ не могъ попасть въ норму.

Ночами просиживая на станціяхъ, мужъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы начальники участковъ службы движенія въ переговорахъ съ управленіемъ дороги по прямому проводу не забыли бы упомянуть о существованіи нашего поѣзда и просили о продвиженіи его на слѣдующую станцію.

Иногда мы вскладчину покупали хлѣбъ, муку и т. п., чтобы «подмазать» желѣзнодорожное началь-

ство и машинистовъ. Въ такихъ случаяхъ намъ удавалось проскользнуть на слѣдующую станцію.

Но вѣдь не отъ этихъ мелкихъ сошекъ зависѣло наше продвиженіе впередъ, и потому желѣзнодорожники часто отказывались отъ заманчивыхъ продуктовъ, не имѣя возможности удовлетворить наши требованія.

* *
*

Студентъ и курсистка попрощались съ нами и уѣхали обратно, надѣясь пробраться на востокъ ближайшимъ путемъ, даже если бы пришлось рисковать жизнью. (Тогда еще Владивостокъ былъ занятъ семеновцами).

Послѣ ихъ отъѣзда верхнюю полку занялъ Вайчунасъ, солдатъ-литовецъ, котораго мучилъ ревматизмъ: онъ лежалъ цѣлыми днями, а ночью тихо стоналъ.

Запасы наши таяли, и мы со страхомъ смотрѣли на жалкіе остатки пищи и вещей.

Чарнецкіе голодали, несмотря на нашу общую скудную помощь, и нерѣдко старушка ходила около вагоновъ и собирала остатки картофельной шелухи, чтобы сварить на ней супъ или просто съѣсть въ сыромъ видѣ.

Мы уже не играли съ Яцевичъ въ пикетъ, и все рѣже и рѣже слышался въ вагонѣ смѣхъ. Каждый сидѣлъ молча, какъ бы обдумывая невеселое будущее. Когда мужъ возвращался со станціи, всѣ его засыпали вопросами, и получивъ неутѣшительный

отвѣтъ, угрюмые, молча расходились по своимъ мѣстамъ.

Притихли и дѣти, какъ-будто видѣли и сознавали надвигающуюся опасность, и только вечерами, когда вьюга въ степи, завывая, кружилась около нашихъ вагоновъ, маленькая Леля пѣла свои грустныя пѣсенки и кто-нибудь шопотомъ что-то разсказывалъ.

Маленькій Олекъ часто заходилъ въ наше купэ. Тихій, съ синими кругами подъ голубыми большими глазенками, блѣдный, почти прозрачный, онъ тоскливо спрашивалъ звенящимъ голоскомъ:

— Почему мы не ѣдемъ? Тамъ бабушка насъ ждетъ. Здѣсь такъ тѣсно.

Милый ребенокъ! Если бы ты зналъ, какую боль причиняешь намъ своимъ вопросомъ, надъ которымъ задумываемся мы, тщетно ища отвѣта.

Доѣдемъ ли и когда?

Забыты карты, бесѣды, разсказы. Будто кто-то невидимый посѣтилъ насъ, и разрушивъ свѣтлыя надежды, вселилъ ужасъ предъ будущимъ.

* *
*

Я лежу, меня мучитъ невралгія, мигрень.

Мужа не вижу цѣлыми днями. Лежу одна, со своими думами, и представляется мнѣ наша жизнь въ видѣ безбрежнаго моря, то спокойнаго, тихаго, согрѣтаго ласками солнца, то бурнаго, таящаго въ себѣ невѣдомыя опасности. Неужели буря настигнетъ насъ и отдалитъ отъ родного берега, къ которому мы такъ горячо стремимся?

* *
*

Подкралось и Рождество.

Этотъ свѣтлый дѣтскій праздникъ не принесъ намъ ничего радостнаго, кромѣ радужныхъ, милыхъ воспоминаній.

Маленькая елочка, вырванная изъ сибирской тайги, озаряла вагонъ трепетнымъ свѣтомъ крошечныхъ свѣчей.

Блѣдныя дѣти тоненькими голосами пѣли рождественскія пѣсни. Маленькій Вова протягивалъ прозрачныя ручонки къ зеленому деревцу, а мать его съ грустью и слезами смотрѣла на тоненькихъ полуголодныхъ дѣтей.

Сибирская вьюга бушевала за окномъ, занося его мокрымъ снѣгомъ.

Временами Леля, прислушиваясь къ пляскѣ метели, умолкала, но мы настойчиво просили ее спѣть еще что-нибудь, чтобы дѣтскими чистыми звуками заглушить свою тоску и боль...

* *
*

Сегодня новый спутникъ появился въ нашемъ поѣздѣ:

Сыпной тифъ...

Одинъ изъ вагоновъ изолировали для больныхъ. Спустя два дня тамъ лежало уже семь больныхъ.

Администрація поѣзда забила тревогу, опасаясь что болѣзнь приметъ угрожающіе размѣры, но напрасны были ихъ вопли въ пустыни. Столица Сибирской республики была еще далеко, а телеграм-

мы, посланныя въ наркомздравъ, въ наркомпуть, были пустымъ звукомъ.

Болѣзнь косила одного за другимъ... Четырнадцать человѣкъ уже слегло, а другіе четырнадцать были подозрительны.

Бѣженцами-латышами была послана телеграмма на имя консула въ Омскъ. Потомъ послѣдовала телеграмма отъ имени литовцевъ. Затѣмъ, двѣ-три телеграммы въ Москву, въ посольства.

И начали ждать каждый день... нервно ждали отвѣта... Но его не было... Недѣлями стояли мы въ степи, на затерянныхъ запасныхъ путяхъ, оторванные отъ всего міра...

Мужъ возвращался съ обхода вагоновъ все болѣе нервнымъ, пришибленнымъ. Случаи тифа учащались. Изоляторъ былъ полонъ. Приходилось оставлять больныхъ въ желѣзнодорожныхъ госпиталяхъ.

Нѣкоторые больные, изъ боязни остаться на какой-нибудь станціи, скрывали свою болѣзнь и при видѣ доктора или мужа вставали съ койки, убѣждая ихъ въ своемъ здоровьѣ.

Такимъ образомъ, въ вагонѣ иногда лежали больные со здоровыми, или больные сыпнымъ тифомъ и возвратнымъ. Ужасъ леденилъ душу...

* *
*

Зимній вечеръ. Непогода стучитъ въ окно. Кажется, кто-то костлявый и страшный ходитъ около темныхъ вагоновъ, грозя намъ и сердясь за то, что стоимъ здѣсь, на дорогѣ...

Безкрайная равнина грозитъ поглотить насъ, засыпать бѣлоснѣжными хлопьями...

Я опять больна. Мучительная невралгія въ боку не даетъ ни минуты покоя. Сердце ноетъ, сжимается какъ бы въ тискахъ и причиняетъ новую боль.

Смотрю на мужа, онъ дремлетъ, прислонившись къ стѣнѣ. Горькая улыбка застыла на блѣдномъ измученномъ лицѣ, носящемъ отпечатокъ безсонныхъ ночей и скрываемой муки. Сколько онъ сдѣлалъ для насъ всѣхъ, сколько здоровья и нервовъ убито въ безплодной борьбѣ съ разрухой и политикой большевиковъ... Неужели забудется нами когда-нибудь этотъ кошмаръ, пережитый въ безкрайной холодной Сибири?

Непогода стучится костлявой рукой... грозно воетъ... Страхъ и угроза предъ будущимъ охватываютъ меня.

Мужъ просыпается, встаетъ... вглядывается въ мое лицо и тихо шепчетъ:

— Я ухожу! Надо дежурить. Можетъ быть, сегодня удастся отсюда выѣхать.

Я умоляю его потеплѣе одѣться и чего-нибудь съѣсть. Онъ закрываетъ меня своимъ одѣяломъ и тихо уходитъ. Тонетъ гдѣ-то въ вихрѣ метели шумъ его шаговъ, и снова тихо въ вагонѣ...

Опять длинная зимняя ночь пройдетъ безъ сна...

И такъ каждый день... каждую ночь... Когда просыпается жизнь и всѣ встаютъ, освѣженные ночнымъ отдыхомъ, мужъ возвращается усталый, угрюмый, ежится отъ утренняго холода, молча садится на скамейку, лѣниво беретъ черный хлѣбъ и, медленно жуя, разсказываетъ о новыхъ своихъ неудачахъ.

Бываютъ и лучшіе дни, но ихъ мало. Входитъ тогда мужъ бодро и живо, и громко кричитъ:

— Черезъ полчаса ѣдемъ!

И исчезаетъ... опять къ машинисту, къ начальнику станціи, къ тѣмъ, отъ кого зависитъ наше дальнѣйшее продвиженіе.

Кромѣ ночного дежурства, когда на обязанности дежурнаго лежала топка двухъ печей, у насъ возникло новое дежурство женщинъ. Дежурная должна была варить какіе нибудь кисели, кашки, бульоны для больныхъ въ изоляторѣ, всячески заботиться о семьѣ больного.

Дѣти начинали хворать отъ простуды и недоѣданія.

Какой-то ужасный рокъ начиналъ преслѣдовать насъ, и обидно, до боли обидно, что о насъ всѣ забыли, и никому ничего не говорятъ наши вопли и каждый день увеличивающаяся цифра заболѣваній...

* *
*

Снова передъ нами старая знакомая дорога...

Тайга со страшными воспоминаніями, съ воплями раненыхъ, съ послѣднимъ крикомъ уходящихъ отъ насъ людей. *) Станція Чикъ, гдѣ мы простились съ вагонами и, сѣвъ въ широкія санки, поѣхали на востокъ, горѣвшій для насъ радостной надеждой. Желанный и далекій, онъ такъ и остался далекимъ... Тогда кресты вдоль дороги и теперь та же грустная картина.

На каждой станціи выносятъ на носилкахъ боль-

---

*) Воспоминанія „На Востокъ" Лютыкъ

ныхъ съ блуждающимъ взглядомъ, съ разгоряченнымъ лицомъ. Жалобно плачутъ дѣтишки, провожая мать или отца. Мужъ заботливо закрываетъ жену и тихой походкой шагаетъ за дорогой ношей... Или жена провожаетъ мужа и остается при немъ.

Неужели никто не пойметъ, какъ ужасно сознаніе безсилья борьбы со страшнымъ недугомъ и того, что не сегодня-завтра каждаго изъ насъ ждетъ та же участь? Нѣкоторые больные, оставленные нами на станціяхъ и поборовшіе болѣзнь, догоняли нашъ поѣздъ. Отъ нихъ мы узнавали о тѣхъ, кто еще боленъ, а кто и не вернется къ намъ и не будетъ нашимъ спутникомъ въ дальнѣйшемъ пути...

Снова новые кресты выростали въ сибирскихъ селеніяхъ, и только незримый духъ оставленнаго и умершаго шелъ за нами и жилъ въ нашихъ мысляхъ...

* *
*

Близко Новониколаевскъ. Вся надежда на эту холодную, чужую, теперешнюю столицу Сибири. Неужели и тутъ разочарованіе? Неужели и дальше безнадежныя стоянки на станціяхъ въ степи, страшная болѣзнь и призракъ голода?...

Мы не ошиблись... Ближайшіе дни принесли еще худшія, новыя испытанія...

Когда мужъ пошелъ къ начальнику эвакопункта, доктору Серебрякову, послѣдній заявилъ, что нашъ санитарный поѣздъ нуженъ для другихъ цѣлей, и они вынуждены выселить насъ въ бараки, гдѣ мы останемся ждать слѣдующаго, вновь сформированнаго эшелона въ Латвію и Литву.

Видъ, устройство барака и жизнь бѣдныхъ бѣженцевъ въ немъ не поддаются описанію. Это были могилы съ полуживыми и умершими трупами.

Путались наши мысли... Тяжелымъ сдѣлался мозгъ, и не могли мы объяснить ужаснаго поступка большевиковъ. Новый кошмаръ придавилъ насъ, и мы не могли согласиться съ мыслью покинуть эти вагоны. Эти стѣны, что служили намъ пристанищемъ, не разъ слышавшія наши мольбы, слезы, слова надежды, а когда-то даже веселый смѣхъ... Эти стѣны промѣнять на грязныя дощатыя, гдѣ во время метели пробивается сквозь щели холодный снѣгъ и вѣтеръ свободно гуляетъ, врываясь въ разбитыя окна, гдѣ «вповалку» лежатъ больные и здоровые, окоченѣвшіе, обезсиленные, почти безъ признаковъ жизни и мысли.

Неужели наша отупѣвшая энергія, жажда жизни не воскреснетъ для новой борьбы за маленькую крупицу счастья?... Человѣческаго, призрачнаго, едва - уловимаго, но все же счастья?...

Нѣтъ! Лучше смерть, чѣмъ это медленное угасаніе на глазахъ у всѣхъ.

Поздній вечеръ. Никто не спитъ. Собрались въ нашемъ вагонѣ и наперебой обсуждаютъ, какъ поступить. Сегодня пришелъ приказъ отъ начальника эвакопункта очистить поѣздъ. Твердымъ, неустрашимымъ рѣшеніемъ блестѣли глаза у всѣхъ, и горячія губы шептали, повторяя все одно и то же:

— Живыми не уйдемъ отсюда. Вѣдь насъ все равно ждетъ смерть!...

Утромъ делегація въ составѣ четырехъ человѣкъ—мужа, его помощника Скродерена, инженера Яцевича и еще кого-то изъ латышей — отправилась

на эвакуаціонный пунктъ и заявила о рѣшеніи бѣженцевъ:

— Пусть приходятъ красноармейцы, забираютъ наши вещи, выводятъ насъ всѣхъ, но мы не уйдемъ добровольно! Не промѣняемъ вагоновъ на бараки, гдѣ нѣтъ уже мѣста для здоровыхъ. Везите насъ домой, гдѣ ждутъ насъ наши семьи. Мы не покинемъ, не освободимъ вамъ вагоновъ. Вѣдь въ баракахъ даже дѣтей не осталось и на нашъ вопросъ, почему не видно нигдѣ дѣтей, жившіе тамъ бѣженцы отвѣтили: «въ 2 мѣсяца умерло 50 дѣтей, и теперь умираютъ». Нѣтъ! Мы и наши дѣти останемся здѣсь, въ вагонахъ. Убейте насъ, но мы не выйдемъ.

Начальникъ задумался. Видимо, внушительно выглядѣли блѣдныя лица нашихъ делегатовъ.

Мы приготовлялись къ тихой, но настойчивой борьбѣ. Выбрали изъ своей среды двухъ: чеха и латыша, снабдили ихъ деньгами, запасами на дорогу, и съ первымъ поѣздомъ отправили въ Омскъ, къ латышскому консулу, съ просьбой о защитѣ и помощи въ тяжелыя для насъ минуты.

Прошелъ еще одинъ день. Никто не являлся выгонять насъ изъ вагоновъ.

Позднѣе выяснилось, что начальство эвакопункта, боясь скандала, рѣшило отправить насъ въ Омскъ, а туда выслало приказъ задержать насъ и высадить, даже если бы нужно было примѣнить вооруженную силу.

Но зато насъ уплотнили самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Посадили въ нашъ поѣздъ тифозныхъ больныхъ, голодныхъ, измученныхъ бѣдняковъ, сидѣвшихъ нѣсколько мѣсяцевъ въ баракахъ. Посадили ихъ 120 человѣкъ. Такимъ образомъ, въ каж-

домъ вагонѣ находилось по 60—70 человѣкъ и тифу было раздолье. Мы всѣ ждали своей горькой участи. Иного выхода не было.

Позднимъ вечеромъ мы выѣхали изъ Новониколаевска, оставляя позади блестѣвшій многочисленными огнями городъ, встрѣтившій насъ такъ недружелюбно.

Та же унылая картина... Необозримая степь, бѣлый снѣгъ, наши вагоны съ новыми жертвами и сердце, полное скорби за себя и за всѣхъ ѣдущихъ.

Въ нашемъ вагонѣ еще нѣтъ больныхъ, но они будутъ... Мы это знаемъ...

* *
*

Мглистое утро. Сизо-бѣловатая пелена окутала спавшій еще городъ, когда мы подъѣзжали къ Омску. Вѣдь сегодня 20 февраля, а выѣхали мы 20 ноября! Три мѣсяца дороги и теперь послѣдняя борьба за право возвращенія къ своимъ близкимъ.

Въ восемь часовъ утра мужъ со Скродереномъ уѣхалъ въ городъ, гдѣ они встрѣтились съ нашими делегатами у латвійскаго консула. Мужъ обратился также къ литовскому представителю, г-ну Іоделису, принявшему горячее участіе въ нашей судьбѣ. Въ 11 часовъ латвійскій консулъ съ мужемъ былъ уже у предсѣдателя областного комитета, присяжнаго повѣреннаго Попова, который, ссылаясь на приказъ начальника эвакуаціоннаго пункта и на желѣзнодорожное начальство, отказался вмѣшаться въ наше дѣло.

Послѣ долгихъ двухдневныхъ скитаній, мужу удалось добиться поставить вопросъ о бѣженцахъ

на засѣданіи эвакопункта, состоявшемся въ зданіи желѣзнодорожнаго управленія.

Увы! рѣшеніе было не въ нашу пользу.

Еще мужъ не вернулся изъ города, какъ къ нашему поѣзду подошла милиція, потребовавшая освобожденія вагоновъ.

Какой ревъ и крикъ поднялся!

— Живыми не выйдемъ! — кричали женщины, держа на рукахъ испуганныхъ дѣтей.

Латыши, а ихъ было большинство, оказались молодцами. Они категорически заявили, что не оставятъ вагоновъ и не поведутъ свои семьи на вѣрную смерть.

Какъ стойко ни держалась милиція, однако ей пришлось отказаться отъ желанія вывести насъ изъ вагоновъ. Мы остались. Было созвано вторичное засѣданіе эвакопункта, и отъ насъ рѣшили отвязаться миролюбивымъ образомъ, т. е. отправить какъ можно скорѣе дальше.

Простоявъ еще два дня, мы выѣхали изъ Омска, имѣя въ своей средѣ новыхъ выздоровѣвшихъ и догнавшихъ насъ спутниковъ. Больныхъ же мы сдали въ госпиталь и, чувствуя себя героями, стойко сносили всѣ неудобства длинной дороги...

* *
*

Сибирь осталась позади... Мы ѣдемъ дальше. Но подъемъ духа, вызванный борьбой за право ѣхать, понемногу ослабѣвалъ, и на смѣну ему приходила реакція: опускались руки при видѣ больныхъ, число которыхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось. Скученность, недоѣданіе были вѣрными помощниками

тифа, который, какъ разгорѣвшійся костеръ, пожиралъ своимъ пламенемъ новыя жертвы...

Въ нашемъ вагонѣ первымъ захворалъ Вайчунасъ, за нимъ слегъ чехъ, потомъ семья Гжибовскихъ — изъ нихъ остались здоровыми лишь двѣ дѣвочки и старушка-мать; ихъ немедленно перевели въ другой вагонъ, гдѣ было просторнѣе. Изоляторъ былъ давно полонъ, нужно было освободить еще вагонъ для больныхъ. Обратились къ администраціи поѣзда. Комиссаръ освободилъ уголъ столовой для персонала и помѣстилъ тамъ семью Яцевичъ. Для насъ и для Кацъ освободилъ одно купэ въ третьемъ классѣ, принадлежавшее санитарамъ. Остальныхъ размѣстили по другимъ вагонамъ; въ поѣздѣ съ каждымъ днемъ становилось просторнѣе. Нашъ же вагонъ оказался переполненъ больными. Мы не узнавали себя: блѣдныя, испитыя лица, лихорадочно горѣвшіе глаза, въ которыхъ свѣтилась рѣшимость примириться съ чѣмъ угодно, лишь бы ѣхать дальше. Держаться на ногахъ, пока хватитъ силъ, помогать больнымъ, ходить за ними и не бояться тифа — это было нашей задачей.

Первое время, когда послѣ обхода вагоновъ съ больными я находила у себя десятки насѣкомыхъ, я записывала день, когда, приблизительно, должна буду захворать, а потомъ свыклась съ мыслью, что не сегодня, такъ завтра слягу. Какая разница, случится ли это днемъ раньше или позже — вѣдь мы не были исключеніемъ...

Каждый день ходили мы къ больнымъ, ободряя ихъ и утѣшая, и тутъ-то слезы навертывались на глаза при видѣ людей, больныхъ и здоровыхъ, забывавшихъ о себѣ.

Едва выздоровѣвшіе, едва ползавшіе люди ходили за больными. Начинавшіе хворать, пока высокая температура не валила ихъ съ ногъ, навѣщали больныхъ до послѣдней минуты. Каждый сознавалъ, что сегодня онъ помогаетъ, а завтра ему помогутъ.

Мужъ, какъ начальникъ эшелона, велъ списокъ всѣхъ заболѣвшихъ, умершихъ и оставленныхъ въ госпиталяхъ. Если заболѣвала вся семья, онъ долженъ былъ принимать вещи и складывать въ магазинъ — вагонъ, предназначенный для вещей бѣженцевъ, а потомъ выдавать ихъ выздоровѣвшимъ членамъ семьи.

Каждый разъ кто-нибудь вызывалъ насъ въ изоляторъ и тихимъ надломленнымъ голосомъ сообщалъ свои послѣднія желанія, давалъ распоряженія.

* *
*

Конецъ февраля... Я вошла въ вагонъ, куда просила меня зайти старушка Вашкевичъ. Эта одинокая, тихая старушка захворала дня три тому назадъ. Надежды на ея выздоровленіе почти никакой. Едва слышнымъ шопотомъ она попросила меня наклониться къ ней и сказала:

— Если я умру, отошлите вещи сыну, въ Омскѣ живетъ. Скажите, что ѣхала къ нему, стремясь всей душой. Напишите, гдѣ меня похоронятъ и когда я умерла.

Слезы душили меня, но я не могла оторвать взгляда отъ этого морщинистаго, добраго лица, искаженнаго мукой.

— Все сдѣлаю. Вы выздоровѣете. Сердце у васъ здоровое, докторъ мнѣ говорилъ, — произнесла я и

уловила въ ея взглядѣ безумную радость, освѣтившую все лицо.

— Я одна, а смотрите тамъ... Скродеренъ захворала... вѣдь дѣти тамъ... ей помогите... И сами не захворайте... — съ какимъ-то испугомъ сказала она, увидѣвъ, какъ я стряхивала съ шеи случайно упавшихъ насѣкомыхъ съ больного, лежавшаго на верхней полкѣ.

— Скоро будемъ въ Москвѣ, тамъ можно будетъ достать лѣкарства, тамъ выдадутъ намъ провизію, а пока будемъ дѣлиться тѣмъ, что есть. До сихъ поръ мы держимся, и я вѣрю, что не захвораемъ.

— Пить, — прошептала больная, закрывая глаза, и сквозь забытье что-то безсвязно начала бормотать.

Налила я ей въ ротъ нѣсколько капель воды и направилась къ семьѣ Скродеренъ.

— Мама уже два дня была больна, но еще держалась, а сегодня и насъ не узнаетъ, — всхлипывая, говорила Леля. Эта маленькая двѣнадцатилѣтняя дѣвочка съ волнистыми каштановыми волосами, съ глубокими темными глазками, смотрѣла на мать, и взглядъ ея былъ полонъ недѣтской скорби. Ея маленькое сердечко уже начинало страдать и таить въ себѣ горечь и муку переживаній.

— Полина Михайловна! — тихо позвала я Скродеренъ.

Она не отозвалась. Худые бѣлые пальцы нервно перебирали конецъ одѣяла, а мутный взглядъ изрѣдка открывающихся глазъ говорилъ, что она насъ не видитъ.

— Мама! Мама! очнись! — крикнула Леля и

бросилась къ матери, но я схватила ее за худенькія плечи и, цѣлуя заплаканное личико, проговорила:

— Пусть мама спокойно лежитъ. Она спитъ. Ей нуженъ покой и сонъ, она скорѣе выздоровѣетъ.

А сама отвернулась отъ дѣтскихъ серьезныхъ глазъ, едва сдерживая слезы.

О, Боже, какъ я тогда не сошла съ ума, не знаю. Вѣдь не было семьи, гдѣ не было бы больного, гдѣ не было бы слезъ и раздирающихъ душу тяжелыхъ сценъ...

Вернулась въ свой вагонъ, предварительно вытряхнувъ пальто на улицѣ, и сейчасъ же занялась «охотой» за бѣлыми насѣкомыми, ползавшими по моему платью.

— Идите обѣдать, — позвала меня Марія Лазаревна Кацъ. Милое воспоминаніе осталось у меня объ этой женщинѣ. Сколько времени мы прожили вмѣстѣ, сколько длинныхъ вечеровъ коротали! Вмѣстѣ столовались: одинъ день я варила обѣдъ, другой день она; дежурили вмѣстѣ. Ходили къ больнымъ. Она, какъ докторъ, а я, какъ сестра — мнѣ хотѣлось показать больнымъ, что кто-то есть возлѣ нихъ, думающій о нихъ.

* *
*

Нѣтъ, жизнь положительно хочетъ придавить насъ тяжестью испытаній!... Семья Яцевичъ, такъ стойко державшаяся, захворала почти одновременно. Вита слегла первая, потомъ жена Яцевича и, наконецъ, онъ самъ.

Сердце обливалось кровью при видѣ маленькаго Олека, всеобщаго любимца, единственнаго здоро-

ваго изъ всей семьи. Его отдѣлили отъ больныхъ. Добрая Елена Сергѣевна, сестра, взяла его къ себѣ въ купэ. Черезъ два дня она прибѣжала ко мнѣ испуганная.

— Олекъ захворалъ, — губы ея подергивались, глаза были полны слезъ.

Малютка лежалъ въ жару. Разбросанныя по сторонамъ ручки, красныя пятна на личикѣ... сбившіеся золотистые локоны, дрожащія вѣки... И этого малютку не миновала страшная болѣзнь. О, Господи! Долго ли терпѣть?

— Температура 40. Бредитъ. У него тифъ. Но не сыпной тифъ, а возвратный. Сестра и комиссаръ ничего не знаютъ о болѣзни ребенка. И вы, ради Бога, не говорите никому. Я сдѣлаю все, что возможно. Скрыть его необходимо, иначе его выгрузятъ въ Вологдѣ вмѣстѣ съ прочими больными, и онъ тамъ заразится сыпнымъ тифомъ. Будемъ за нимъ ухаживать, и, Богъ дастъ, онъ поправится, — шептала Елена Сергѣевна, съ опаской поглядывая на двери. — Слава Богу, что вся семья Яцевичъ хвораетъ въ легкой формѣ. Хотя самъ Яцевичъ больше всѣхъ внушаетъ опасенія. Какъ сердце выдержитъ. А у насъ такой недостатокъ лѣкарствъ и достать ихъ негдѣ, — продолжала сестра.

Вернулась я въ свой вагонъ совершенно разбитая и нравственно измученная...

Неужели не будетъ конца этому кошмару? Неужели на горизонтѣ нашей жизни не покажется солнышко, чтобы согрѣть насъ и окрылить новой силой, новой надеждой?...

Вѣдь изъ числа 160 ѣдущихъ не заболѣло и не

хворало только шесть человѣкъ. Мы, Кацъ съ женой, Сакнитъ-латышъ, пріятель Скродерена и одинъ чехъ, случайно попавшій въ нашъ вагонъ.

Съ каждой верстой мы ближе къ желанному пристанищу, ближе къ тихому берегу, который манитъ насъ, какъ миражъ волшебной старой сказки, хотя и далекой отъ жизни и всего окружающаго. Насъ поддерживаетъ только сознаніе, что мы все же приближаемся къ цѣли.

Черезъ болѣзни, слезы, муки голода мы все-таки продвигаемся впередъ...

«Пусть изъ насъ немногіе достигнутъ цѣли, но мы не уступимъ и малодушно не откажемся отъ этой дороги», такъ отвѣчали мы на предложеніе администраціи остаться всѣмъ въ Вологдѣ, такъ какъ Москва, навѣрное, не приметъ тифознаго поѣзда.

* * *

Въ вагонѣ полумракъ. Сквозь грязныя окна видны телеграфные столбы, желѣзнодорожныя постройки, мелькающія въ лунномъ сумракѣ ночи.

Въ вагонѣ душно и жарко. Двое дежурныхъ ходятъ отъ больного къ больному. Кто-то шепчетъ, кто-то кричитъ, стонетъ...

— Юлій! — слышится женскій голосъ.

Отъ окна отдѣляется высокая фигура и шатающейся походкой подходитъ къ кровати, съ которой послышался зовъ.

На бѣлой подушкѣ ярко выдѣляется стриженная голова съ глубоко впавшими глазами. Высокая фигура мужчины склонилась надъ изголовьемъ кровати и встрѣтилась съ глазами больной, въ которыхъ

застылъ мучительный вопросъ. Блѣдныя губы ея прошептали:

— Ты здѣсь? А дѣти? Они здоровы? Что сегодня ты далъ имъ поѣсть? Надолго ли хватитъ вещей, чтобы прокормиться? Такъ болитъ сердце за нашихъ малютокъ.

Двѣ крупныя слезинки покатились по исхудалымъ щекамъ.

— Дѣти здоровы. Получили сегодня молоко, которое я вымѣнялъ. Вова не плачетъ. Толя съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда ты вернешься, а Леля играетъ роль взрослой и заботится о малышахъ и даже не хочетъ имъ показать своей грусти.

— Бѣдная Леля, — прошептала больная. — Но хорошо, что мы ѣдемъ и ты здоровъ. А мнѣ лучше. Я чувствую, что буду жить. Я не умру? Нѣтъ? И мы ближе къ цѣли...

— Успокойся, родная! Докторъ сказалъ, что кризисъ миновалъ, и ты будешь здорова. А мы ѣдемъ... да, да, цѣль близка... Ты засни! Я посижу съ тобой.

Онъ сѣлъ на кровать, а больная забылась. Скродеренъ (это былъ онъ) сжимаетъ виски холодными руками и думаетъ:

«Какъ я скажу ей, что мы ближе къ цѣли? Къ какой? Вѣдь ѣдемъ только въ Вологду, гдѣ насъ выгрузятъ и отправятъ по госпиталямъ, а я съ малютками попаду въ грязный баракъ. А что будетъ съ ними, если я слягу?

Сегодня докторъ, проходя по вагону, коротко бросилъ, какъ бы вскользъ:

— Завтра выгрузка въ Вологдѣ, — и поспѣшно вышелъ, не имѣя силъ ни объяснять, ни утѣшать,

ни смотрѣть въ глаза, полные мольбы и нечеловѣческой муки.

А дѣти, эти исхудалыя дѣти, тянущіяся ручонками къ больнымъ матерямъ или отцамъ?!...

Прошла томительная ночь, полная мучительныхъ думъ. Мартовское солнышко лѣниво пробудилось, разсыпая розовые лучи по бѣлому, рыхлому, уже понемногу тающему снѣгу.

Впереди городъ, неясные контуры домовъ теряются въ предутренней мглѣ. Станція мелькнула передъ глазами... нашъ поѣздъ отправили далеко, на запасный путь.

Сегодня простимся со всѣми больными. Увидимся ли съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ?

Олекъ, слава Богу, выздоровѣлъ. Онъ останется съ нами. Такъ мы рѣшили, переговоривъ съ Яцевичами. Они останутся въ Вологдѣ, въ госпиталѣ, а Олекъ поѣдетъ съ нами въ Москву. Вещи всѣ переданы намъ и по пріѣздѣ въ Москву мы отвеземъ Олека и вещи къ однимъ знакомымъ Яцевича, а сейчасъ дадимъ телеграмму ихъ роднымъ въ Петроградъ, чтобы они пріѣхали въ Вологду.

Ужасная картина выѣзда больныхъ. Лишь тотъ, кто пережилъ что-либо подобное, можетъ понять весь ея ужасъ.

Вдоль поѣзда снуютъ санитары и къ вагонамъ подъѣзжаютъ розвальни. Изъ вагоновъ выносятъ и выводятъ людей съ блуждающимъ взглядомъ, запекшимися губами, съ которыхъ срывается шопотъ, отрывистый и страстный:

— Не оставьте дѣтей! Продайте все, но кормите ихъ, заботьтесь о нихъ!

Вотъ выводятъ семью Яцевичъ. Старательно

укутываемъ ихъ. Ни о чемъ не говорятъ они. — только объ оставшемся херувимѣ съ золотыми локонами.

— Только бы онъ былъ здоровъ. Дайте намъ знать, — шепчетъ госпожа Яцевичъ. Губы подергиваются гримасой плача.

— Олекъ играетъ. Сидитъ съ нимъ Владимиръ Петровичъ (начхозъ). Не бойтесь, о себѣ думайте!— утѣшаемъ мы ихъ.

Выводятъ бѣдную Погуль, ея мужа и 12-лѣтняго сына. Она безпомощно озирается вокругъ съ нѣмымъ вопросомъ на устахъ: «Куда ее хотятъ вести?» Наконецъ, судорожно сжатыя губы раскрываются,— она кричитъ: въ вагонѣ осталась ея 3-лѣтняя дочь. Но это, видимо, такой трудный, неразрѣшимый вопросъ, а голова такъ тяжела и такъ больно стучитъ въ вискахъ, что трудно думать, а тѣмъ болѣе отдавать отчетъ во всемъ происходящемъ.

Бѣднаго Чарнецкаго вынесли на носилкахъ. Вслѣдъ за нимъ выбѣжали полураздѣтыя дѣти и съ душераздирающимъ крикомъ: «Татко! куда тебя уносятъ?», бросились къ носилкамъ.

Старушка-теща закрыла лицо фартукомъ и проливаетъ горькія слезы. Она едва оправилась отъ тифа и еле стоитъ на ногахъ.

Еще носилки... Больной Пуринь, рослый, красивый молодой латышъ, а за нимъ, въ слезахъ, идетъ его невѣста. Онъ безъ сознанія... Она остается въ Вологдѣ, чтобы ухаживать за нимъ.

Черезъ нѣсколько недѣль несчастная дѣвушка возвратилась къ намъ въ поѣздъ, догнавъ насъ въ Москвѣ, блѣдная, измученная...

— Онъ умеръ.

И сейчасъ, при воспоминаніи о ней, я вижу глаза, полные безысходной тоски и муки, а въ ушахъ звучитъ еле слышно: «Онъ умеръ».

Изъ сосѣдняго вагона выносятъ Скродеренъ. Она никого не видитъ вокругъ себя. Ея взглядъ направленъ въ сторону вагоновъ. Она ищетъ знакомое окно, гдѣ за пыльнымъ, грязнымъ стекломъ виднѣются милыя черты лица ея малютки. Лицо озаряется отрадной улыбкой, когда взглядъ, наконецъ, поймалъ въ окнѣ каштановую головку Лели и маленькаго веселаго Вову. Леля прильнула къ окну и жадно всматривается въ лицо матери, въ лица другихъ больныхъ, и въ маленькой головкѣ ея вертится неотвязчивый вопросъ: «Кто изъ нихъ будетъ жить?»

Заплакалъ проснувшійся Толя, вывелъ ее изъ оцѣпенѣнія, и она, бросившись утѣшать его, не видѣла, какъ отъѣхали широкіе розвальни и какъ мать бросила послѣдній взглядъ туда, за окно, гдѣ осталась ея душа и помыслы.

Медленно ползли санки. Какъ похоронная процессія, тянулись розвальни съ больными. Здоровые шагали за ними.

Пріѣхали въ госпиталь. Оказалось, что здѣсь могутъ принять только часть больныхъ, такъ какъ мѣстъ почти нѣтъ. «Выгружаемъ» здѣсь первую часть.

Скродеренъ, инженеръ Яцевичъ, Пуринь, Погуль и иные попадаютъ въ другой госпиталь. Обходятся здѣсь съ бѣженцами, какъ съ животными.

Всѣхъ уложили сначала въ большой комнатѣ на голомъ полу, по которому, вѣроятно, ползали насѣкомыя, разнося сыпной и возвратный тифъ.

Только черезъ полчаса пришли фельдшеръ и

сестра съ холоднымъ бѣльемъ, довольно подозрительной чистоты. Велѣли раздѣть больныхъ, лежавшихъ до сихъ поръ въ шубахъ. Хорошо, что у инженера были два пуховыхъ одѣяла, на которыя положили его семью и его. Больныхъ переодѣвали въ этой же холодной комнатѣ. Потомъ два санитара занялись стрижкой волосъ.

Прозябшіе и усталые больные, едва стоявшіе на ногахъ, прошли въ палату, гдѣ женщины и мужчины помѣщались вмѣстѣ. Здѣсь уложили больныхъ на кровати и затопили желѣзную печку, стоявшую около дверей, соединявшихъ двѣ палаты. Но, чтобы согрѣть двѣ большія комнаты, надо было немилосердно топить, и тотъ, кто лежалъ вблизи отъ красной, пылавшей жаромъ печки, жарился не только въ своей повышенной температурѣ. Нѣкоторые больные въ бреду ложились на холодный полъ. Тогда ихъ обратно клали на жесткую кровать и крѣпко привязывали толстой веревкой, немилосердно скручивая ноги и руки.

Первый шагъ на пути мытарствъ больными сдѣланъ, но это не все.

При выходѣ изъ госпиталя мы столкнулись съ другимъ фельдшеромъ, который пояснилъ намъ, что здѣсь только пріемный покой, а завтра, послѣ докторскаго осмотра, больныхъ отвезутъ въ запасный госпиталь: кого въ «сыпное», кого въ «возвратное» отдѣленіе.

— Вѣдь вы же знали, что это тифозные. Зачѣмъ же ихъ мучили, переодѣвали, возили? Не лучше ли было бы сразу осмотрѣть и опредѣлить, кого куда направить? — возразилъ мужъ.

— У насъ такъ полагается. Вамъ нужно было

освободить поѣздъ, мы это сдѣлали. Часа черезъ два вы выѣдете. Иначе бы Москва васъ не приняла. А съ ними, — онъ кивнулъ головой въ сторону палаты, — съ ними мы привыкли возиться. Подождемъ только доктора, до завтра.

— Но вы-то ихъ, пожалуйста, осмотрите сейчасъ: нѣкоторымъ необходимо поддержать работу сердца. Вѣдь есть очень слабые. Если нѣтъ лѣкарства, то мы сложимся, купимъ, — говорилъ мужъ.

Фельдшеръ махнулъ рукой.

— Если лѣкарства есть, то они ихъ получатъ, а если нѣтъ, то и вы не достанете.

Зашла я еще разъ въ палату, окинула взглядомъ лежащихъ; нѣкоторые были въ безпамятствѣ.

Инженеръ и его жена просили немедленно дать телеграмму роднымъ, оставить нужныя вещи, беречь Олека, и мы простились...

Спѣшили на поѣздъ, такъ какъ онъ могъ неожиданно отправиться дальше. Вѣдь въ этой странѣ никто не зналъ, что будетъ черезъ 10 минутъ — правая рука не вѣдала, что творитъ лѣвая...

Какъ пусто и тихо около поѣзда... Солнышко уходило, гасло... Лиловыя, синія тѣни ползли по землѣ... Гдѣ-то вдали слышался говоръ и звенѣло въ нашихъ ушахъ его далекое эхо.

— Я уже безпокоилась, что вы опоздаете. Сейчасъ приходилъ комиссаръ и просилъ всѣхъ, желающихъ остаться въ Вологдѣ, выходить изъ поѣзда, такъ какъ насъ продвинутъ на главный путь и черезъ полчаса отправятъ, — сообщила мнѣ Марія Лазаревна.

Возлѣ поѣзда опять началось движеніе: шумъ, плачъ дѣтей, послышался чей-то мужской голосъ.

Я вышла и увидѣла трогательную картинку: семьи заболѣвшихъ выгружались — сидѣли на своихъ сундучкахъ и корзинахъ. Маленькія дѣти пугливо озирались по сторонамъ, нѣкоторыя плакали.

Въ числѣ остающихся я увидѣла одного молодого латыша Сакнита, заботливо ухаживающаго за дѣтьми Погуль и Скродеренъ.

— А вы остаетесь? — спросила я.

— Да, — скромно отвѣтилъ Сакнитъ.

Встрѣтивъ мой удивленный взглядъ, онъ объяснилъ:

— На моихъ рукахъ осталось двое дѣтей Погуля, и маленькая Труда никого не признаетъ, кромѣ меня. Скродеренъ, хоть и отвезъ жену, а самъ остался съ дѣтьми, но я не вѣрю, что онъ долго выдержитъ. Я думаю, онъ уже боленъ, только не хочетъ признаться, успокаиваетъ себя, и поэтому я рѣшилъ имъ помочь. Останусь съ дѣтьми... Можетъ, моя помощь имъ будетъ очень нужна. Тифа я не боюсь, такъ какъ хворалъ возвратнымъ.

— Хочешь, я тебѣ пѣсенку спою? — спросилъ онъ маленькую пухленькую, но блѣдную 2-лѣтнюю Труду.

Я не знала, что отвѣтить, не знала, какъ благодарить отъ имени всѣхъ оставшихся больныхъ этого безкорыстнаго милаго человѣка, отдавшаго себя, свое здоровье, силы, нервы своимъ соотечественникамъ.

Онъ почувствовалъ, что его помощь будетъ нужна не только семьѣ Погуль, и я вѣрила, что онъ сдѣлаетъ все, чтобы помочь всѣмъ.

Стыдно стало въ душѣ за то, что мы не способны на такой подвигъ и все, что мы до сихъ поръ дѣ-

лали для другихъ, показалось ничтожнымъ, въ сравненіи съ этимъ поступкомъ.

А Сакнитъ, какъ заботливая нянька, держалъ ребенка на рукахъ, цѣловалъ ея заплаканныя щечки и шепталъ въ розовое ушко:

— Ты закройся! Сейчасъ папа придетъ, и Леля тоже, — сказалъ онъ Толѣ, сидѣвшему на какомъ-то сундучкѣ.

Ребенокъ натягивалъ на ноги одѣяло, но оно ускользало изъ рукъ. Сакнитъ помогъ ему завернуть ноги и началъ разсказывать что-то веселое дѣтямъ.

Я поражалась его умѣнію обращаться съ дѣтьми... Я поражалась его спокойствію и простотѣ, съ какой онъ держалъ себя.

Настала минута отъѣзда. Навсегда запечатлѣлась въ памяти грустная картина: умирающій закатъ, темныя, зловѣщія тѣни... тишина, и только время отъ времени отрывистыя слова желѣзнодорожниковъ, осматривающихъ колеса вагоновъ, и санитаровъ, убиравшихъ пустые вагоны.

Небольшая толпа бѣженцевъ: среди нихъ блѣдный, измученный Скродеренъ, едва вернувшійся изъ города, гдѣ онъ осматривалъ бѣженскій баракъ, въ которомъ ему придется поселиться съ дѣтьми. Маленькая фигурка Лели, темноокой дѣвочки съ маленькимъ Вовой на рукахъ. Слезинки, какъ брилліанты, блестѣли на ея щекахъ, а въ глазахъ было столько печали и зависти къ тѣмъ, кто уѣзжаетъ.

Сакнитъ съ дѣтьми. Одного кутаетъ, другого гладитъ по головѣ и тоже тоскливо смотритъ вслѣдъ удаляющемуся поѣзду...

«Оцѣнятъ ли твой поступокъ?», мелькнула у

меня мысль, но взглядъ прикованъ къ Скродерену. Онъ какъ-то машинально закрылъ рукой глаза, точно вытиралъ слезы, сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ бы желая догнать поѣздъ, но во-время спохватившись, остановился, безсильно опустивъ руки.

А Сакнитъ, снявъ шапку, махнулъ ею разъ-другой...

Колеса сердятся, ворчатъ, яростно выстукиваютъ, но каждый ихъ стукъ отдается въ сознанiи радостнымъ эхомъ, говоря намъ, что мы еще здоровы и ѣдемъ; эта мысль сплетается съ мыслью о тѣхъ, что остались сейчасъ за поворотомъ дороги и кого вмѣсто родной семьи, родного дома, ожидаетъ грязный баракъ, полуголодныя бѣдныя дѣти, больная жена или мать, смертельная боязнь за нихъ и слезы...

* *
*

Недалеко уже Москва. Но меня не радуетъ близость златоглавой красавицы.

Сегодня слегъ мужъ — температура 39.

Марiя Лазаревна говоритъ, что это, можетъ быть, и не тифъ, а просто простуда. Вѣдь онъ остался почти въ лохмотьяхъ. Сапогъ нѣтъ, давно мы ихъ промѣняли; ноги обуты въ большiе дырявые пимы, которые не разъ чинилъ Чарнецкiй, но они какъ-то упрямо отказывались служить. Пальцы вылѣзали, а заплаты отпадали, размякая отъ тающаго мартовскаго снѣга.

Я сижу совсѣмъ пришибленная и сушу старательно злополучные пимы, желая во что бы то ни

стало починить ихъ, чтобы въ случаѣ надобности мужъ могъ ихъ надѣть.

— Не лучше тебѣ? — тоскливо спрашиваю я его, а сама боюсь отвѣта, такъ какъ видъ мужа не обѣщаетъ ничего хорошаго.

— Запиши всѣ адреса, куда пойдешь по пріѣздѣ въ Москву. Домой, къ отцу, отправь тоже письмо. Теперь, навѣрное, оно дойдетъ, попроси консула, дипломатическаго курьера. Отецъ пришлетъ денегъ, и намъ будетъ лучше. Не унывай! Не плачь, вѣдь всѣ хвораютъ, но и выздоравливаютъ же. У меня сердце здоровое, да, можетъ, это и не тифъ, — успокаиваетъ меня мужъ.

Проходитъ томительная, тоскливая ночь. Я дежурю. Чета Кацъ спитъ.

Подъ утро Марія Лазаревна встаетъ, слушаетъ пульсъ у моего мужа, даетъ какую-то микстуру и успокаивающе говоритъ, что это не тифъ.

Докторъ санпоѣзда позволилъ мужу лежать въ купэ, сказавъ, что не исключается возможность иного заболѣванія — не тифа.

Какъ мнѣ хочется вѣрить, что это не тифъ, и я радуюсь, что мужъ не въ изоляторѣ, гдѣ такъ много разсадниковъ тифа.

Еще одна мучительная ночь, и подъ утро термометръ показываетъ, что жаръ понизился, а утромъ мужъ пробуждается вялый, сонный, но уже съ почти нормальной температурой.

А на третье утро, когда мы стояли уже на пригородной Московской станціи, мужъ не выдержалъ своей роли больного и вышелъ на улицу щеголяя новыми заплатами на пимахъ. По пріѣздѣ въ Мо-

скву онъ поѣхалъ въ городъ, гдѣ его ждало столько работы.

Сколько надежды онъ возлагалъ на помощь отъ консульствъ и Краснаго Креста. Ему казалось, что каждый сейчасъ же пойметъ, что мы пережили...

* *
*

Маленькій Олекъ снова захворалъ. Температура 40. Это уже третій приступъ возвратнаго тифа. Сестра принесла мнѣ его въ купэ, закутаннаго, вспотѣвшаго.

— Я буду теперь занята и должна уѣхать въ Москву — пусть онъ у васъ побудетъ до отъѣзда. Когда онъ оправится немного, отвеземъ его къ знакомымъ, какъ просила госпожа Яцевичъ.

Поцѣловавъ его въ мокрый лобикъ, она вышла. Я положила мальчика на свою скамейку, предварительно осмотрѣвъ, нѣтъ ли на ней «милыхъ созданій». Все время меня не покидала мысль, что ребенокъ можетъ заразиться сыпнымъ тифомъ. А онъ лежалъ тихій, спокойный, съ полуоткрытыми глазенками, выражающими апатію, и когда я хотѣла закрыть его одѣяломъ, онъ громко проговорилъ, какъ бы очнувшись:

— Не хочу. Мнѣ и такъ жарко. А гдѣ мама?

— Мама пріѣдетъ за тобой въ Москву. Ты уже будешь здоровъ. Хочешь, я тебѣ сдѣлаю какія-нибудь игрушки изъ бумаги? Нѣтъ? Ты лежи спокойно. Тебѣ нельзя сидѣть, а то сердечко будетъ сердиться и начнетъ сильно стучать, — говорила я и, уложивъ его, сѣла рядомъ съ нимъ.

Ребенокъ оживился и попросилъ пить. Долго

сидѣла я съ нимъ, разсказывая сказки, и подъ звуки моего голоса Олекъ заснулъ.

Вечеромъ вернулся мужъ, усталый, но довольный, что многое удалось сдѣлать. Во-первыхъ, получилъ консервы, сахаръ, немного муки для всѣхъ литовцевъ и латышей, во вторыхъ — можетъ быть удастся достать одежду для Чарнецкихъ и другихъ бѣдныхъ семействъ. Нашъ поѣздъ продвинутъ на Брестскій вокзалъ, но здѣсь онъ будетъ стоять еще дня 3—4.

Кацъ не вернутся сегодня, такъ какъ они поѣхали къ роднымъ, живущимъ гдѣ-то на Лубянкѣ.

Прошло два дня. Я попрежнему хозяйничала одна въ своемъ купэ. Мужъ съ утра уѣзжалъ въ Москву, гдѣ высиживалъ въ посольствѣ, выспрашивалъ, какъ долго насъ будутъ держать въ Москвѣ, и досталъ вещи для Чарнецкихъ. Получилъ консервы и роздалъ обрадованнымъ своимъ спутникамъ.

Олекъ поправился. Температура на другой день уже уменьшилась, и ребенокъ вялый, усталый спалъ весь день. Наконецъ-то насъ продвинули на вокзалъ и поѣздъ началъ разгружаться. Снова вывозятъ больныхъ на розвальняхъ, а здоровыхъ гонятъ пѣшкомъ на бѣженскіе пункты въ атмосферу еще болѣе кошмарную, чѣмъ въ вагонахъ.

— Вы ужъ насъ навѣстите, мы къ вамъ какъ къ опекуну относимся. И когда будутъ снова записывать на поѣздъ, то о насъ не забудьте, — говорили бѣженцы, обращаясь къ мужу.

Администрація поѣзда позволила намъ остаться въ купэ, пока мы не пріищемъ себѣ квартиры. Въ Литовскомъ посольствѣ мужу сказали, что Литва временно не принимаетъ бѣженцевъ, такъ какъ въ

Абеляхъ карантинъ. Какъ долго придется сидѣть и ждать у моря погоды — мы не знаемъ.

Олека отвезли къ знакомымъ, и тамъ онъ поправляется среди заботъ и ласкъ. Дѣтскій организмъ взялъ свое и, если вернутся родные, то найдутъ его здоровымъ и сильнымъ.

Читатели навѣрно удивятся: какимъ образомъ мы, находясь въ пути четыре съ половиной мѣсяца, еще обладали маленькимъ запасомъ одежды и вещей и кормились все время?

Къ своему великому стыду, должны признаться, что всю дорогу мы вымѣнивали сначала вещи, одежду на масло, муку, мясо, а позднѣе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было масла, а была мука, мы мѣняли продукты на продукты, т. е. занимались спекуляціей. Въ Москву привезли нѣсколько кило масла, которое здѣсь стоило баснословно дорого. На первое время намъ должно было хватить денегъ, вырученныхъ отъ этой продажи. Такимъ моднымъ промысломъ занимались всѣ, и это только и поддержало, иначе давно бы мы всѣ умерли съ голоду. Какъ долго продолжится карантинъ, никто не зналъ, но, видимо, оптимизмъ не покинулъ насъ и намъ казалось, что наше пребываніе въ Москвѣ продолжится не долго. Кромѣ того связь Россіи съ Литвой была уже налажена, и мужъ, написавъ три письма къ отцу и родственникамъ, ждалъ отвѣта, даже денегъ; поэтому мы рѣшили воскресить наши буржуйскія привычки и поселиться въ гостиницѣ. Бѣженскій баракъ пугалъ насъ. Тамъ мы рисковали жизнью, а здѣсь могли хоть немного отдохнуть отъ ужасныхъ кошмарныхъ дней.

Нашли номеръ въ какой-то полуразрушенной

захудалой гостиницѣ — вблизи вокзала. Что за грязь и упадокъ царили здѣсь!

Казалось, что когда-то здѣсь были казармы. Нѣсколько комнатъ были необитаемы за отсутствіемъ стеколъ въ окнахъ, въ другихъ обвалились печи и некому было заняться ихъ починкой.

Водопроводъ не дѣйствовалъ, паровое отопленіе тоже, вездѣ были поставлены желѣзныя печки-буржуйки.

Грустное впечатлѣніе произвела на меня вся эта унылая обстановка, когда я вошла въ номеръ, но все же здѣсь было просторнѣе, чѣмъ въ купэ. Да и настроеніе было иное: была увѣренность въ томъ, что изъ дому вышлютъ деньги, и мы доберемся до Литвы — опасность застрять почти миновала.

Нашъ номеръ выходилъ окнами на улицу. Обстановка его состояла изъ грязнаго стола между окнами, двухъ стульевъ (одинъ изъ нихъ на трехъ ножкахъ), кровати и какой-то подозрительнаго вида кушетки, изъ которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ торчала мочала, обнаруживая пружины, измученныя долгой службой.

Къ предметамъ роскоши можно было причислить зеркало, но было оно въ такомъ ужасномъ состояніи, что я съ большимъ недовѣріемъ смотрѣла на этотъ грязный предметъ, отражавшій теперь мое сѣрое лицо. Однако женское любопытство побѣдило, и я, подойдя къ зеркалу, съ удивленіемъ присматривалась къ незнакомой женщинѣ, смотрѣвшей на меня. Лицо было сѣро-черное, большіе впавшіе глаза, блѣдныя губы и въ довершеніе всего болѣе чѣмъ оригинальный костюмъ. Десять разъ уже крашеное пальто изъ стараго одѣяла все въ пятнахъ

отъ керосина, карболки и иныхъ предохраняющихъ отъ насѣкомыхъ средствъ, стоптанныя туфли и на головѣ синяя лѣтняя панама, плохо гармонировавшая съ вытертымъ бѣличьимъ воротникомъ.

— Не можетъ быть, чтобы я была такая сѣрая, навѣрно зеркало грязное, поэтому я такъ выгляжу, — успокаивала я себя и для большей убѣдительности провела пальцемъ по стеклу. На немъ остался замѣтный слѣдъ. Но стеревъ густой слой пыли съ зеркала, я къ великому огорченію убѣдилась, что въ цвѣтѣ моего лица виноватъ не только этотъ предметъ роскоши, а и дѣйствительный нездорово-сѣрый оттѣнокъ кожи лица.

Мужъ выглядѣлъ не лучше, и теперь при дневномъ свѣтѣ въ большой просторной комнатѣ мы увидѣли всѣ дефекты.

Какія безпокойныя ночи мы провели въ этой гостиницѣ! Вѣчный крикъ, пьянство, ссоры, ругательства и, наконецъ, назойливые стуки въ нашу запертую дверь.

Отдохнули, нечего сказать!

Пришлось обратиться къ мѣстному комиссару, завѣдывавшему этимъ зданіемъ и жившему въ этомъ же домѣ.

На сей разъ наша просьба дать болѣе спокойный номеръ была удовлетворена, и мы, послѣ недолгихъ сборовъ, перенесли свои скудныя пожитки въ большую мрачную комнату, находившуюся въ концѣ коридора въ противоположной сторонѣ отъ перваго нашего номера. А въ той сторонѣ коридора попрежнему процвѣтали кутежи и веселье, такъ какъ вечерами оттуда доносились пѣсни, смѣхъ и ругань.

Это «оживленіе» объяснилось очень скоро. Оказалось, что нѣсколько номеровъ занимали дѣвицы, торговавшія своимъ тѣломъ.

«Нужно ко всему привыкать, даже къ такому сосѣдству,» успокаивала я себя слыша въ коридорѣ споръ двухъ проститутокъ, обокравшихъ какого-то совѣтскаго «чина» изъ Совхоза и дѣлившихъ между собой трофеи прошлой ночи. Ихъ споръ былъ прерванъ приходомъ милиціи, которая, арестовавъ ихъ, запечатала комнату и таинственно сообщила комиссару:

— Слѣдите за порядкомъ, а то, вѣдь, онѣ гостей своихъ усыпляютъ какимъ-то порошкомъ, обираютъ и увозятъ домой. Хорошо еще, что этотъ гость помнилъ, гдѣ былъ. Плохо имъ теперь будетъ. Отвѣчать придется.

Послѣ этого случая, закончившагося такъ трагически для свободныхъ дѣвицъ, наступили благодатные дни.

Наконецъ-то желанный покой! Цѣлый день тихо, спокойно, вечерами слышенъ только топотъ ногъ да стукъ дверей. Исчезли пѣсни, ругань и оставшіяся дѣвицы со своими гостями вели себя очень сдержанно.

Прошла первая недѣля въ новой обстановкѣ, за ней неслышнымъ шагомъ плелась другая, отсчитывая медленно день за днемъ.

Мы рано укладывались спать, рано вставали. У каждаго были свои обязанности: я варила чай на маленькой печкѣ, мужъ приносилъ соленые грузди и черный хлѣбъ съ пескомъ. Это былъ нашъ завтракъ, послѣ котораго мужъ уходилъ въ Красный Крестъ, въ Литовское посольство, я же оставалась

дома, занималась стиркой, починкой бѣлья и платья и приготовленіемъ обѣда. Послѣдній состоялъ изъ вареной картошки или капусты, селедки и маленькаго кусочка масла. На ужинъ были тѣ же грузди и хлѣбъ съ пескомъ. Если мужу удавалось получить банку консервовъ, то мы растягивали ее на два дня — вѣрнѣе обѣда.

Первый запасъ консервовъ, полученный изъ Краснаго Креста на нашу долю, мы отдали Чарнецкимъ, думая, что не сегодня — завтра получимъ деньги изъ дома и возобновимъ запасъ продуктовъ. Но и въ этомъ ждало разочарованіе. Мужъ послалъ двѣнадцать писемъ къ роднымъ, близкимъ и просто знакомымъ. Отвѣта никакого. Ни малѣйшаго намека на то, что письма дошли по назначенію. Посылали мы ихъ черезъ коменданта Литовскаго посольства. Не разъ мужъ ломалъ голову, задумываясь надъ тѣмъ, почему никто намъ не пишетъ. Вѣдь не умерли же всѣ, кто-нибудь могъ же отвѣтить на письмо?

Первый страшный ударъ для насъ. Я помню это было днемъ; мужъ вернулся раньше обыкновеннаго и тихо произнесъ:

— Папа умеръ.

Эти слова упали какъ-то глухо и замерли въ тишинѣ сумрачной комнаты... Я знала, что для мужа потеря отца была ужаснымъ ударомъ.

Все время, всю дорогу онъ думалъ о немъ, старомъ и одинокомъ... Рисовалъ мнѣ картины нашей встрѣчи съ нимъ и такъ заранѣе радовался, что увидитъ отца, котораго не видѣлъ 7 лѣтъ... И вдругъ миражъ разсѣялся...

Черезъ нѣсколько дней удалось узнать, что

братъ мужа живетъ въ Ковнѣ, немедленно было послано ему третье по счету письмо, и снова потекли тусклые дни, полные жгучаго ожиданія...

Однажды меня навѣстила Марія Лазаревна со своей сестрой, у которой она гостила съ мужемъ.

— Бросьте эту конуру, устраивайтесь у насъ, вѣдь вы совсѣмъ меланхоліей захвораете, — предложила сестра Маріи Лазаревны.

— Боже, что вы переносите, — продолжала она, — хотите я одолжу вамъ денегъ — потомъ отдадите. Не сердитесь, что я такъ просто говорю. Мнѣ Маня разсказывала, что вы переживали. Маня теперь немного пришла въ себя и думаетъ черезъ недѣльку уже удрать изъ нашей Большевизіи...

— Счастливая! — вырвалось у меня. — А мы не знаемъ, когда еще эшелонъ пойдетъ... А вамъ за все, за все спасибо, но повѣрьте, я не могу перебраться къ вамъ, — проговорила я, осматривая свой поношенный костюмъ и стоптанныя туфли.

— Бросьте! ерунда! — крикнула Марія Лазаревна. — Вѣдь всѣ же знаютъ, что мы перенесли, а у насъ безъ церемоніи, немного отвлечетесь отъ своихъ думъ; вашъ мужъ къ вамъ придетъ, все-таки не будете чувствовать себя такъ одиноко, такими затерянными въ этомъ чужомъ городѣ.

Я со слезами на глазахъ поблагодарила ее еще разъ и осталась дома.

Не могла я идти къ ней, не хотѣла видѣть, что еще живутъ люди по человѣчески. Здѣсь я смирилась со всѣмъ и не думаю о томъ, что можно теперь въ Большевизіи жить какъ-то иначе. Можетъ это и была одна изъ причинъ, побудившихъ меня отказаться отъ гостепріимства своей товарки по не-

счастью, а можетъ быть всколыхнулась гордость, не хотѣлось быть смѣшной и жалкой. Въ этомъ грязномъ номерѣ и пимы дырявые, и туфли почти безъ подошвы не бросаются въ глаза, а тамъ? И поймутъ ли, смогутъ ли понять они весь этотъ ужасъ?

* *
*

Мужъ часто навѣщалъ бѣженскіе пункты, гдѣ поселились наши литовцы и латыши; два три раза и я была тамъ. Объ обстановкѣ лучше не говорить! Утѣшало насъ лишь то, что тамъ они не голодаютъ. Конечно, если бы не Красный Крестъ, то бѣженскаго совѣтскаго пайка имъ было бы мало. Съ какой благодарностью они встрѣчали мужа, говоря, что получили консервы, сахаръ, муку и даже немного масла. Больные, оставшіеся въ Вологдѣ, понемногу выздоравливали, и двое-трое изъ нихъ уже вернулись въ Москву.

Возвращаясь съ пункта въ свой номеръ, я благодарила Бога, что мы еще имѣли этотъ уголъ. Какимъ милымъ, уютнымъ онъ намъ казался. Здѣсь было столько нашихъ мыслей, скрытыхъ думъ, здѣсь открылась широкая даль нашимъ мечтамъ, уносившимъ насъ въ обѣтованный край.

Здѣсь мы коротали тихіе сумерки, весенніе вечера за долгой бесѣдой, стараясь поддержать другъ друга, ободрить и безмолвной лаской отогнать печаль.

* *
*

А нужда шла крадучись къ намъ и тихо стучалась у нашихъ дверей... Настойчиво упрямо по-

сылала отчаяніе, желѣзными клещами сжимала сердце и ночами отгоняла сонъ...

Запасы истощились, писемъ нѣтъ, и нѣтъ надежды на лучшее... Я снова лежу прикованная къ кровати. Истощенный организмъ тщетно борется съ овладѣвающей имъ болѣзнью. Бѣдный мужъ! Онъ какъ тѣнь слоняется цѣлый день. Утромъ, часовъ въ 6, онъ уже на ногахъ, варитъ чай, убираетъ комнату, уговариваетъ меня съѣсть хоть немного хлѣба и выпить морковнаго чаю. Груздей уже нѣтъ, мы не буржуи, которые могутъ позволить себѣ подобную роскошь. Въ восемь часовъ мужъ уже уходитъ, таща съ собой какую-нибудь вещь на мѣну, закрываетъ двери и тихо плетется по коридору въ громадныхъ дырявыхъ пимахъ. Я лежу цѣлый день одна, иногда слезы катятся изъ глазъ — я не удерживаю ихъ, мнѣ легче, когда выплачусь, но, сохрани Богъ, показать заплаканные глаза мужу. Это убьетъ его...

Часа въ четыре-пять возвращался мужъ. По его походкѣ я узнавала, каковъ результатъ торговли. Если онъ шелъ съ провизіей, то старался какъ можно скорѣе дойти до дверей и еще за дверями крикнуть весело и задорно:

— Живемъ! Будемъ ѣсть сегодня бритву и твою старую шаль!

Онъ сейчасъ же разводилъ огонь въ печкѣ, снималъ мокрые пимы и суетился по комнатѣ.

Если же весь день его преслѣдовала неудача, то входилъ онъ тихо, точно опасаясь разбудить меня, и съ грустью смотрѣлъ въ уголъ, гдѣ лежала я съ полузакрытыми глазами, стараясь казаться спящей.

Тогда мы ѣли оставшійся сухой хлѣбъ и запивали его морковнымъ чаемъ, оставляя небольшой запасъ

всего этого на утро. Я до сихъ поръ помню этотъ хлѣбъ, приторно прѣсный, мокрый, съ пескомъ, хрустящимъ на зубахъ.

* *
*

«Сегодня что-то весело возвращается мой муженекъ: можетъ быть не только продалъ хорошо, но и изъ дому что-нибудь получилъ,» думала я лежа и прислушиваясь къ быстрымъ увѣреннымъ шагамъ мужа въ коридорѣ.

— Это тебѣ! — сказалъ онъ, подавая мнѣ маленькій пакетъ. — Сейчасъ дамъ чаю, настоящаго. А это малороссійское сало. Будемъ сегодня пировать! — говорилъ торопливо мужъ, снимая пальто и раскладывая на столѣ принесенныя яства.

Въ поданномъ мнѣ пакетѣ я нашла ватрушки изъ бѣлой муки съ творогомъ и пирожки съ мясомъ.

Вопросъ застылъ на моихъ устахъ, такъ какъ мужъ самъ началъ разсказывать.

— Знаешь, сегодня ужасная погода. Слякоть, дождь. Я стоялъ на Цвѣтномъ бульварѣ и потерялъ надежду на счастливый исходъ торга, такъ какъ покупателей не было, а продавцовъ черезчуръ много. Ноги совсѣмъ промокли, замерзли руки и такъ мнѣ сдѣлалось горько и тяжело на душѣ, что я рѣшилъ пойти въ консульство и тамъ попытать счастья. Но увы! Писемъ попрежнему нѣтъ, продукты выдадутъ намъ только черезъ недѣлю. Отъѣздъ нашъ кажется оттягивается на неопредѣленное время, по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ. Вообрази себѣ, въ какомъ подавленномъ состояніи я выходилъ изъ посольства. Въ коридорѣ я увидѣлъ ксендза, пристально посмо-

трѣвшаго на меня. Я остановился, онъ тоже. Что-то знакомое мелькнуло въ чертахъ его осунувшагося постарѣвшаго лица. И знаешь, кѣмъ онъ оказался? Моимъ двоюроднымъ братомъ. Онъ ѣдетъ тоже въ Литву, тоже ждетъ отправки, сидитъ онъ уже второй мѣсяцъ, пріѣхавъ съ юга Россіи. Живетъ у своего знакомаго ксендза и сегодня какъ разъ принесли ему эти продукты. Кто принесъ — онъ и самъ не знаетъ. Ему помогаютъ прихожане, зная, что онъ бѣдный бѣженецъ. Я не хотѣлъ брать, но онъ обидѣлся и сказалъ: «это для больной твоей жены». И захотѣлось мнѣ тебя побаловать. Стыдно было, но взялъ. Ксендзъ сегодня вечеромъ придетъ къ намъ. А теперь ты будешь чай пить, — закончилъ мужъ свое повѣствованіе и налилъ мнѣ горячаго ароматнаго чаю.

Я нерѣшительно вертѣла въ рукахъ бѣлую мягкую ватрушку, какъ бы не рѣшаясь отправить ее въ ротъ.

— Развѣ такія вещи ѣдятъ? На нихъ только смотрятъ и вспоминаютъ былые дни, — проговорила я смѣясь и осторожно откусила небольшой кусочекъ. Зато слѣдующіе пирожки и ватрушки уписала быстро безъ всякихъ воспоминаній и сантиментальностей.

Вечеромъ пришелъ ксендзъ. Долго сидѣли мы, мирно бесѣдуя, каждый дѣлился своими впечатлѣніями, разсказывалъ обо всѣхъ перипетіяхъ ужасной дороги.

Ксендзъ былъ удивленъ, что мы не получаемъ писемъ и крайне недоволенъ тѣмъ, что еще долго намъ придется сидѣть въ Москвѣ.

Легче сдѣлалось на душѣ послѣ встрѣчи съ

нимъ: мы не чувствовали себя такими одинокими, чужими, забытыми всѣми.

Часто онъ навѣщалъ насъ, подолгу засиживаясь въ нашемъ мрачномъ номерѣ, коротал съ нами весенніе вечера. Теперь мы жили мечтами, какъ дѣти, ожидающія Рождества и елки.

* *
*

Итакъ, конецъ надеждамъ... Рай легкокрылыхъ мечтаній разсѣялся въ горькой дѣйствительности.

Исчезли волшебные сны, въ которыхъ мы искали забвенья. На душѣ пусто...

Нужда вошла къ намъ и протянула свои руки, а безжалостная судьба приготовила намъ новый ударъ. Средствъ къ существованію никакихъ... болѣзнь охватываетъ мой организмъ. Два дня уже лежу со вспухшей шеей и опухоль, разрастаясь, захватываетъ ухо и голову. Повышенная температура, кашель, старый ревматизмъ, невралгія ломаетъ кости, и я мечусь въ кровати. Мнѣ хочется умереть, не изъ эгоизма — нѣтъ! Къ своимъ страданіямъ я равнодушна, но мнѣ кажется, что мужу станетъ легче, если онъ не будетъ видѣть меня больной и полуголодной.

Послѣзавтра Пасха. Этотъ свѣтлый праздникъ мы впервые встрѣтили въ такихъ ужасныхъ условіяхъ. Невольно вспомнились мнѣ иные пасхальные вечера, даже изъ тѣхъ, которые мы встрѣтили при большевикахъ. Вспомнилась темная звѣздная ночь, освѣщенный костелъ, много молящихся, и я съ какимъ-то бурнымъ чувствомъ неизъяснимой радости въ груди. Помню, молилась горячо, съ какой-

то жаждой ловила каждое слово пасхальныхъ пѣснопѣній, точно видѣла въ нихъ весь смыслъ торжественной минуты и черпала въ нихъ духовную силу для своего «я». Возвращались мы съ мужемъ по темнымъ улицамъ, обновленные душой, отдохнувшіе отъ всѣхъ своихъ заботъ и треволненій. Въ насъ бурлила жажда жизни, чувствовалась бодрость духа и насъ не пугало будущее.

А теперь? Жалкіе, раздавленные ударами жизни мы теряемся и еще больше склоняемъ голову.

— Нѣтъ! такъ нельзя, — говоритъ мужъ и, надѣвая пальто, выходитъ. Я поняла, что онъ еще что-то надумалъ и, видимо, это его послѣдній шагъ, послѣдній шансъ на спасеніе.

Черезъ часъ мужъ вернулся. Въ глазахъ его блестѣли скрытыя слезы, а слегка дрожавшій голосъ выдавалъ его душевное переживаніе.

— Мы здѣсь послѣдній день. Завтра придется переѣхать на бѣженскій пунктъ. Сейчасъ я былъ на станціи, чтобы поймать кого-нибудь, ѣдущаго въ Литву. Ты знаешь, я впервые не могъ спокойно говорить и просить. Я со слезами просилъ зайти къ брату и разсказать, что мы здѣсь гибнемъ. И не отошелъ отъ этого господина, пока онъ не далъ мнѣ слова, что исполнитъ мою просьбу. Мнѣ казалось, что ему стали такъ понятны мои слова и наши переживанія, что онъ самъ пойдетъ къ брату и разскажетъ ему.

Его слова были прерваны стукомъ въ двери, и вошелъ... г. Яцевичъ.

Худой, блѣдный, съ впавшими глазами, онъ какъ-то глухо проговорилъ: — «Здравствуйте! Наконецъ то васъ нашелъ. Вы здѣсь? Больны?

Мы радостно привѣтствовали неожиданнаго гостя. Посыпались вопросы, на которые г. Яцевичъ едва успѣвалъ отвѣчать.

— Жена и дочь, слава Богу, уже здоровы, прiѣхали мы всѣ вмѣстѣ. Олекъ здоровъ. Кошмарная дорога! Сколько пришлось пережить. Я первый пришелъ въ себя и еще полубольной вышелъ изъ госпиталя, желая во что бы то ни стало достать продуктовъ. Дни, проведенные въ госпиталѣ, буду помнить всю жизнь. А вы какъ живете?

Начались разсказы, разспросы. Наперебой говорили мы о своихъ мытарствахъ. Много ужаснаго узнали мы объ участи нѣкоторыхъ нашихъ спутниковъ.

— У Погуль умеръ сынъ Адольфъ, этотъ худенькiй 12-лѣтнiй мальчикъ; его простудили, и онъ умеръ отъ воспаленiя легкихъ. Какъ онъ кричалъ все время передъ смертью... Его сначала положили отдѣльно отъ родителей. Но когда г-жа Погуль пришла въ себя, она начала доискиваться, гдѣ ея сынъ. Ползая ходила около кроватей въ поискахъ сына. Тогда его принесли. Онъ никого не узнавалъ и кричалъ цѣлые сутки. Кричалъ надрываясь, охрипшимъ голосомъ и такъ и умеръ. Его кроват стояла рядомъ съ моей... Хорошо еще, что мнѣ удалось попасть въ ту же палату, гдѣ лежали моя жена и дочь. Вѣдь тамъ общiя палаты. Намъ было легче все переживать вмѣстѣ. Каждую ночь кто-нибудь умиралъ, кто-нибудь кричалъ, бросался въ бреду съ кровати. Машинистъ Пуринь умеръ. Онъ буйствовалъ въ бреду и почти все время былъ въ безпамятствѣ. Его невѣста лежала въ этой же палатѣ. Что переживала она, когда увидѣла, что мерт-

ваго ея жениха выносять изъ палаты. Мы видѣли, какъ она отдавала золотое кольцо санитару, прося сохранить тѣло Пуриня, чтобы имѣть возможность похоронить его. У Скродеренъ тоже несчастье. Она едва начала вставать съ постели, какъ ей сообщили, что самъ Скродеренъ заболѣлъ тифомъ, а дѣти въ баракахъ хворають скарлатиной. Бѣдная мать, едва влача ноги, ушла къ дѣтямъ, чтобы ходить за ними.

Дѣти Погуль тоже больны скарлатиной. —

Какимъ кошмаромъ вѣяло отъ словъ Яцевича. Передъ глазами снова встало пережитое.

Яцевичъ ушелъ, но тѣни Пуринь, Погуль, Скродеренъ и другихъ страдальцевъ остались здѣсь въ этихъ мягкихъ сумеркахъ, тонули, расплывались въ сѣро-лиловыхъ переливахъ уходящаго дня и снова возвращаясь говорили мнѣ о томъ, что не мы одни страдаемъ. Видимо, каждый долженъ пройти по этому тернистому пути, давно предназначенному намъ, и никто ничего не можетъ измѣнить въ волѣ Провидѣнія.

«Фатализмомъ себя утѣшаю,» горько усмѣхнувшись, подумала я.

* *
*

Мужа нѣтъ. Пошелъ искать извозчика, чтобы отвезти меня на бѣженскій пунктъ. Въ послѣдній разъ осматриваю я пустую комнату, охватываю жаднымъ взглядомъ все, какъ бы стараясь навсегда запечатлѣть малѣйшую мелочь, малѣйшій пустякъ. Прощаюсь съ этимъ угломъ, временно пріютившимъ насъ. Я знаю, насъ ждетъ худшее и теперь мнѣ хо-

чется остаться здѣсь какъ можно дольше. Теперь только я оцѣниваю этотъ уголъ.

Вернулся мужъ.

— Извозчикъ есть. Я помогу тебѣ одѣться. Ты поѣдешь съ вещами, а я пойду пѣшкомъ, — говоритъ взволнованно мужъ. Боже, сколько муки въ его нѣмомъ взглядѣ, сколько нѣжности скрывается въ его напускномъ угрюмомъ тонѣ! Бережно одѣваетъ онъ меня; каждую минуту съ тревогой поглядываетъ на мое блѣдное лицо. Я собираю всѣ свои силы, чтобы держаться бодро. Чувствую однако, что моя неувѣренная походка вызываетъ у мужа еще большую тревогу; оборачиваюсь къ нему и весело говорю:

— Я чувствую себя совсѣмъ хорошо. Увидишь, какимъ молодцомъ я буду. Вотъ сейчасъ модную панаму на голову, одѣяло съ рукавами на мои молодыя плечи, и я опять живу.

Мужъ силится улыбнуться, но лишь неловкая усмѣшка скользитъ по его губамъ, и снова на нихъ ложится печаль.

Выходимъ на улицу — я съ завязанной шеей выгляжу еще болѣе неуклюжей и даже смѣшной. Извозчикъ мягко (совсѣмъ не по извозчичьи) обращается къ намъ съ вопросомъ, почему мужъ не садится:

— Можно потѣсниться, корзину-то на колѣни можно поставить!

Мужъ отвѣтилъ, что ему удобнѣе идти пѣшкомъ, такъ какъ если онъ сядетъ въ пролетку, станетъ слишкомъ тѣсно и нужно будетъ поддерживать и меня, и нашъ багажъ.

Тихо поплелась тощая лошадь...

Передъ нами русская широкая Москва съ золотыми куполами...

Далекое солнышко склоняется къ закату, и послѣдніе его лучи купаются въ золотѣ высокихъ куполовъ. Спускается на незримыхъ крыльяхъ Пасхальный вечеръ, а за нимъ, крадучись, подойдетъ и полночь. Раздастся могучій звонъ, разливаясь по темнымъ улицамъ, и разбудитъ въ сердцахъ однихъ уснувшую вѣру въ того, кто ради насъ пріялъ муки и далъ намъ завѣты братской любви, а въ сердцахъ другихъ звонъ этотъ родитъ смиренье и утолитъ печаль...

Утолитъ ли? Согрѣетъ ли наболѣвшую душу горячей надеждой на лучшіе дни?

* *
*

Пріѣхали на бѣженскій пунктъ. Громадное зданіе въ три этажа. Когда-то, передъ войной, здѣсь былъ ночлежный домъ, потомъ госпиталь, а теперь сборище всѣхъ бѣженцевъ. Литовцы и латыши занимали большую свѣтлую комнату на второмъ этажѣ. Широкій коридоръ упирается въ клубъ просвѣта. И тутъ даже, при разставаніи, большевики заботятся о «спасеніи нашихъ душъ». Просвѣщаютъ нашъ «затуманенный буржуйскій мозгъ» и прививаютъ идею равенства и братства. Читаютъ лекціи, а бѣженцы должны слушать ихъ съ голодными желудками, съ повышенной температурой, съ хаосомъ мыслей въ головѣ.

Комнаты всѣ заняты. Въ каждой находится человѣкъ 60 — 80. Кровати разставлены и въ коридорѣ, за неимѣніемъ мѣста въ спальняхъ.

Здѣсь, дѣйствительно, царитъ равенство: всѣ имѣютъ одинаковые деревянные «тапчаны». Жизнь протекаетъ здѣсь, какъ въ вагонѣ. Мужчины и женщины, стѣсняясь другъ друга, одѣваются и раздѣваются ко сну.

Встрѣтили насъ Томашевская и добрый Вайчунасъ.

— Приходите сюда. Мы устроимъ васъ въ уголкѣ и даже занавѣску повѣсимъ, вѣдь нельзя же не раздѣваясь лежать нѣсколько дней. Только коммунисты кричали, что это буржуйскіе предразсудки и помѣстили около васъ двухъ латышей, которые со всѣми ссорятся, — говорилъ Вайчунасъ.

Меня до слезъ растрогали эти добрые люди. Терпя нужду, въ горѣ и бѣдѣ, они помнили о насъ. Моя кровать стояла въ углу, у стѣны, около нея ящикъ, замѣнявшій ночной столикъ и отдѣлявшій мою кровать отъ кровати мужа.

Томашевская подержала занавѣску, я раздѣлась и легла. Вайчунасъ, ковыляя на одной ногѣ, принесъ намъ горячій чай, старушка Вашкевичъ поставила двѣ чашки, и въ ихъ глазахъ я читала столько сочувствія, столько жалости къ намъ... Эти люди переживали съ нами наши черные дни.

Мужъ распаковывалъ вещи и съ тревогой поглядывалъ на меня. Сосѣди-латыши спали. Гдѣ-то въ другомъ углу плакалъ охрипшимъ голосомъ больной скарлатиной ребенокъ; кто-то бредилъ, стоналъ и охалъ. Кто-то ругался въ коридорѣ, гдѣ-то стучали тяжелыя двери.

Я, поднявшись на 2-ой этажъ, въ свою палату, почувствовала, какъ уходятъ мои силы и теперь, лежа и отдыхая, пришла къ заключенію, что здоровье

мое сильно пошатнулось. Иногда мелькалъ тревожный вопросъ: «Доѣду ли?»

На просьбу мужа выпить чаю я отвѣтила отрицательно и лежала какъ бы въ забытьѣ.

Шумъ въ палатѣ утихалъ, замирали звуки дня. Ночь, неслышно ступая, и тутъ закрывала всѣмъ утомленные глаза.

Забывались во снѣ всѣ невзгоды ...

* *
*

12 часовъ ночи. Гдѣ-то раздался несмѣлый колокольный звонъ. Что-то встрепенулось въ душѣ. Я очнулась ото сна и сѣла.

Мужъ сидѣлъ на моей кровати и испуганнымъ голосомъ спросилъ:

— Почему не спишь? Нехорошо тебѣ?

— Ахъ, нѣтъ! — нетерпѣливо отвѣтила я. — Пойми, что завтра Пасха! — вырвалось у меня съ болью, и я тотчасъ же замолчала, понявъ неумѣстность своего замѣчанія.

— Wesołego Alleluja! — проговорилъ мужъ, цѣлуя меня и, подавъ маленькій пакетикъ, едва слышно прошепталъ:

— Это все, что я могъ сегодня достать. Ты правду говоришь — завтра Пасха, а я ничего для тебя, больной, не могъ купить... Только эту ириску и копѣечную булочку, — виновато закончилъ мужъ.

Слезы умиленія горячо брызнули у меня изъ глазъ. Болѣзненно сжалось сердце.

«Мнѣ отдаетъ послѣднее, а самъ даже хлѣба не имѣетъ, усталый, измученный», — думала я, плача и обнимая мужа.

— Мы подѣлимъ пополамъ, и ты тоже долженъ съѣсть, — шептала я.

— Нѣтъ! Я здоровъ. Тебѣ нужно хоть немного сладкаго, — говорилъ мужъ.

Я отрицательно кивнула головой, прижалась къ плечу мужа и, не сдерживая слезъ, тихо плакала.

А колокола звенѣли, разсыпаясь серебристыми звуками, плыли въ жуткой темнотѣ пасхальной ночи и исчезали гдѣ-то въ глубинѣ небеснаго темнаго свода, будя въ нашихъ душахъ трепетное чувство радости. Радости, что мы еще живы, еще слышимъ этотъ могучій призывъ къ забытой вѣрѣ, что, идя рука-объ-руку тернистымъ житейскимъ путемъ, мы все больше сознаемъ глубину своей привязанности и глубину своихъ чувствъ. Развѣ не радостно сознавать, что человѣкъ не одинокъ, что смерть не отняла близкую, родную душу?

— Помнишь нашу послѣднюю Пасху въ Сибири? Ты была весела и здорова. Помнишь, какъ жарила конское мясо и, безпечно смѣясь, говорила, что надо закрыть глаза и, вложивъ кусокъ въ ротъ, внушить себѣ, что это ветчина?

— А помнишь... А помнишь...

Наперерывъ старались мы вспомнить что-нибудь и жили сейчасъ этими воспоминаніями.

Копаясь въ памяти, мы выбирали то, что намъ казалось теперь дорогимъ, милымъ и яркимъ. Мы не видѣли сѣраго полумрака большой комнаты, не видѣли спящихъ, не слышали стоновъ, тяжелыхъ вздоховъ, плача больныхъ дѣтей и безумныхъ слезъ неутѣшныхъ матерей...

Наши мысли несли насъ куда-то ввысь, вслѣдъ

за этимъ серебристымъ звономъ пасхальной ночи. Мы растворились... Мы жили прошлымъ и намъ становилось какъ-то легко-легко...

Ничто не отниметъ у меня сознанія, что кто-то невидимый стоялъ тогда возлѣ насъ и, протягивая отеческую руку, утѣшалъ, внушая намъ, что эта буря жизни насъ не захлестнетъ... Не сломаетъ...

Фантазія ли, бредъ ли разгоряченнаго воображенія больного человѣка — не знаю, но мы чувствовали этого Незримаго, вливавшаго въ наши усталыя души новыя силы и новую вѣру.

И только тогда, когда бѣловатая утренняя мгла вползла неслышно черезъ окна въ комнату и гдѣ-то захрипѣлъ умирающій ребенокъ, — мы очнулись. Но насъ не испугало ни грядущее утро, ни смерть, подкравшаяся, чтобы унести ребенка...

Мы приготовились къ новой борьбѣ, давая въ душѣ обѣтъ служить другъ другу примѣромъ, поддерживать, ободрять и не склонять головы передъ новыми ударами.

* *
*

Скарлатина принимала угрожающіе размѣры. Противъ нашихъ кроватей помѣщалась семья латыша. Трое дѣтей, красивыхъ, жизнерадостныхъ, захворали этой ужасной болѣзнью. Двухъ старшихъ отнесли въ госпиталь, находившійся гдѣ-то недалеко отъ пункта. Третій ребенокъ — четырехлѣтняя дѣвочка съ большими черными локонами—осталась. Мать не спала ночи, ходила, какъ тѣнь, и когда приходилъ докторъ, умоляла его спасти ребенка. Мѣстъ въ больницѣ не было, дѣтей вывозили куда-то въ

дѣтскія больницы и на четвертый день увезли и эту малютку.

Отца не было, когда мать уѣхала съ ребенкомъ. Вернувшись, онъ легъ на кровать, уткнулся лицомъ въ подушку и тихо плакалъ. Такъ жалко выглядѣла его рослая сильная фигура со вздрагивающими плечами. Никто не рѣшался подойти къ нему спросить, утѣшить...

Выплакавшись, онъ сѣлъ на кровати и какимъ-то далекимъ взглядомъ обвелъ всю палату. Мужъ подошелъ къ нему со стаканомъ воды.

— Тяжело... Здѣсь, какъ камень, — съ этими словами несчастный указалъ на грудь. — Вѣдь сынъ умеръ и старшая дочь умретъ не сегодня—завтра. А эта маленькая? Развѣ она выживетъ? Всѣхъ потеряли. Такъ глупо и безжалостно отнимаетъ у насъ близкихъ смерть.

Задумался... говорилъ что-то, тихо шевеля губами, и посматривалъ на двери — не войдетъ ли жена.

Пришла и она. Не спросила ни о чемъ — страшная блѣдность лица выдала, что она поняла тайну слезъ мужа.

Черезъ часъ вышли оба и, вернувшись часовъ въ 10, подошли къ нашимъ кроватямъ и тихо, упавшимъ голосомъ проговорили:

— Умерли и эти двое. Маленькая плакала и умерла съ плачемъ, а дочь, не приходя въ сознаніе, умерла на нашихъ рукахъ.

Трудно было утѣшать...

Утро застало ихъ нераздѣтыми, сидѣвшими на кровати и отупѣвшимъ взглядомъ взиравшими на окружающее...

Пошли они хоронить сразу троихъ дѣтей и два дня не возвращались.

А вернувшись, сложили вещи и попрощались съ нами:

— Мы остаемся здѣсь... Тамъ насъ никто и ничто не ждетъ. Останемся здѣсь, гдѣ есть хоть родныя могилки, — сказала женщина и медленно пошла за мужемъ.

* *
*

Моя болѣзнь вызываетъ серьезныя опасенія. Это мнѣ сказалъ докторъ — старшій врачъ бѣженскаго пункта.

— На туберкулезной почвѣ опухоль железъ, — коротко отрѣзалъ онъ, увидавъ нѣмой вопросъ на моемъ лицѣ.

— Какой исходъ? — глухо спросила я.

— Дай Боже, чтобы не было поздно. Хорошее питаніе, воздухъ, отдыхъ, покой. А за опухолью нужно слѣдить. Температура поднимается, общее состояніе здоровья ниже всякой критики. Думаю, что безъ операціи не обойдется... Я не обнадеживаю васъ. Вы привыкли къ мысли о смерти. Приготовьтесь, по крайней мѣрѣ, къ худшему. Тутъ лѣкарства и разныя мази... Я буду заходить къ вамъ каждый день. Лежите и кушайте. Передъ операціей надо набраться побольше силъ.

— А какимъ образомъ ихъ набрать? Гдѣ я найду покой, отдыхъ? Не ваше ли правительство губитъ столько людей? Сколько осталось обездоленныхъ дѣтей, матерей, женъ, отцовъ, мужей, обездоленныхъ, благодаря вашей разрухѣ, вашему алчно-

му стремленію къ власти и желанію все передѣлать по-новому, не считаясь съ тѣмъ, что путь вашъ усѣянъ черепами и залитъ кровью? — выпалила я, и отвернувшись, направилась къ дверямъ.

— Посмѣйте повторить это при комиссарѣ. Тогда иначе кончится разговоръ! — крикнулъ докторъ.

Съ новой нравственной болью я легла въ кровать. Такъ недавно хотѣлось умереть, а теперь какъ бы испугалась приближенія смерти.

Вечеромъ мужъ привелъ какого-то доктора, бѣженца-литовца.

Внимательно осмотрѣвъ меня, онъ покачалъ головой и обѣщалъ сдѣлать все, чтобы не допустить до операціи.

— Серьезная операція, сдѣланная здѣсь, равносильна смерти. Такъ что намъ нечего терять, если мы будемъ только лѣчиться.

Я такъ и не знаю фамиліи этого добраго генія, приходившаго меня лѣчить. Онъ навѣщалъ меня, дѣлалъ мнѣ компрессы, втиралъ мазь и слѣдилъ за температурой и сердцемъ.

Можетъ быть, онъ прочтетъ эти страшныя воспоминанія и вспомнитъ умирающую бѣженку, которую вырвалъ изъ когтей хищной смерти. Пусть знаетъ, что тысячу разъ мои губы шептали слова благодарности, а изъ глубины души вырывалась молитва за его благополучное возвращеніе на горячо любимую родину...

Черезъ нѣсколько дней явился старшій докторъ.

— Ну, какъ моя паціентка? Помиримся! Вѣдь я не виноватъ, а вы такъ на меня накричали. Сильный организмъ, другая бы давно ноги вытянула, а

вы еще кричать способны, — шутилъ докторъ, здороваясь со мной.

Съ этого дня онъ приходилъ ежедневно. Не осматривалъ; освѣдомившись, былъ ли докторъ - литовецъ и поболтавъ съ нами о пустякахъ, уходилъ.

Ксендзъ навѣщалъ насъ, приносилъ съ собой булки, дѣлясь послѣднимъ кускомъ.

Яцевичъ одолжилъ мужу 80 кронъ, иныхъ денегъ они не имѣли, да и эти были оставлены на самый черный день.

Мужъ ожилъ, полдня пропадалъ на базарѣ, выискивая, что купить посытнѣе и подешевле, и кормилъ меня, какъ на убой. А черезъ недѣлю, благодаря стараніямъ доктора, опухоль начала разсасываться и температура понижаться.

Я уже бродила между кроватей, когда слегъ мой мужъ.

Теперь пришла моя очередь ухаживать за нимъ, кормить его, волноваться, не спать ночами и просиживать у его изголовья.

— Ангина. Можете здѣсь хворать, а то въ больницѣ заразитесь какимъ-нибудь тифомъ, — говорилъ докторъ, осматривая мужа. Этого только мы и ждали. Удалось и на этотъ разъ избѣжать больницы. Мужъ былъ еще боленъ, я едва ходила, когда къ намъ пришелъ Сакнитъ.

Грустный, подавленный, онъ намъ разсказалъ ужасную быль, нарисовалъ кошмарныя картины того, что пережила Скродеренъ. Постараюсь изложить его повѣствованіе.

* *
*

— Вы помните, я остался съ дѣтьми Погуль. Поселились мы въ баракахъ холодныхъ, непріютныхъ. Вскорѣ слегъ Скродеренъ, а дѣти почти одновременно захворали скарлатиной, которая уносила тогда въ могилу десятки дѣтей.

— Пришлось привезти Скродеренъ изъ больницы, она не могла еще ходить, но, видимо, отчаяніе добавило ей силъ. Грустная картина: вечеръ, густыя тѣни ложатся на грязныя стѣны небольшой комнаты, гдѣ стоятъ наскоро сколоченныя изъ сссновыхъ досокъ неуклюжія кровати. Въ первый моментъ кажется, что здѣсь лазаретъ, такъ какъ на каждой кровати больной ребенокъ. Это одна изъ комнатъ общежитія вологодскаго эвакопункта. Здѣсь вы увидите и Лелю, и Тоню, и Вову, и дѣтей Погуль, и иныхъ. Наклонитесь пониже и вы увидите восковое личико съ яркимъ румянцемъ и тяжелый хрипъ, вырывающійся изъ впалой груди.

— Въ одномъ углу стоятъ двѣ кровати, между ними переброшена доска; опираясь руками на эту доску, переходитъ бѣдная мать отъ кровати къ кровати — у самой не хватаетъ силъ ходить безъ опоры. У другой стѣны стоятъ еще три кровати; тамъ тоже лежатъ дѣти, и за ними ухаживаю я. Подхожу къ каждой кровати, даю пить, поправляю подушки, поправляю одѣяло, которое скидываетъ въ бреду разметавшійся ребенокъ. Скродеренъ всматривается въ лица своихъ дѣтей, какъ бы стараясь разгадать конецъ болѣзни. Но ее только пугаютъ ихъ тусклые глазенки. Ночь, что закрываетъ темнымъ пологомъ заснувшій городъ, не приноситъ намъ облегченія.

Гдѣ-то далеко, въ чужомъ для насъ небѣ, загораются милліоны звѣздъ, яркихъ, холодныхъ, далекихъ, а въ нашей комнатѣ горятъ двѣ лампочки-коптилки, сдѣланныя изъ банки изъ-подъ крема. Онѣ ужасной копотью наполняютъ комнату и разбрасываютъ мрачныя, зловѣщія тѣни по грязнымъ стѣнамъ и по лицамъ больныхъ малютокъ.

— Крохотное пламя трепещетъ, какъ бы собираясь каждую минуту погаснуть. Воспаленныя дѣтскія губы просятъ пить, сухая, костлявая рука подаетъ стаканъ, бережно кладетъ ребенка и, охвативъ его голову руками, отдается страшнымъ мучительнымъ мыслямъ. Мы не разговариваемъ. Слова здѣсь безполезны — въ груди клокочетъ страданье, и голоса звучатъ какъ-то глухо и такъ ненужными кажутся слова.

— Сначала мы пробовали разговаривать. Убитая горемъ Скродеренъ уходила мыслями въ прошлое и, тихо шепча, вспоминала былое. Она какъ бы боялась, что эти минуты горя убьютъ все, чѣмъ она жила раньше. Сама она была, какъ въ бреду. То ей вспоминались первые дни замужества, первый ребенокъ, веселье и радость, семейное счастье. «Это тѣ, что обѣщали намъ столько счастливыхъ дней, это тѣ, что заставляли насъ своимъ лепетомъ забывать всѣ невзгоды», говорила она, указывая на головки больныхъ малютокъ. «Ихъ нѣтъ уже, тѣхъ жизнерадостныхъ, здоровыхъ; здѣсь только горячее, худое тѣльце и знакомыя родныя черты, но онѣ таютъ. А гдѣ Юлій? Вѣдь онъ одинъ, совсѣмъ одинъ!»

— Такъ протекали дни и ночи, полные безысходнаго горя и слезъ. Днемъ мнѣ удавалось вырваться, чтобы отнести что-нибудь поѣсть больно-

му Скродерену и узнать о его здоровьи. Онъ былъ боленъ сыпнымъ тифомъ въ тяжелой формѣ. Если онъ меня узнавалъ, то милая, кроткая улыбка озаряла его лицо, когда я говорилъ, что «дома» всѣ уже выздоровѣли.

— Одинъ ребенокъ Погуль умеръ. Это было какъ бы знаменіемъ, что смерть вошла въ эту комнату и будетъ распоряжаться въ этомъ очагѣ дѣтской болѣзни.

— Я помню ночь. Дождь моросилъ, на улицахъ было пусто, не слышно было шаговъ запоздалыхъ прохожихъ. Монотонно падали капли, и подъ ихъ равномѣрный стукъ я задремалъ. Очнулся, услышавъ едва слышный голосъ кого-то изъ больныхъ малютокъ, позвавшій меня. Скродеренъ полулежала, положивъ усталую голову на ножки Вовы, обняла его и, казалось, что она крѣпко спитъ. Вова лежалъ спокойно, и мнѣ показалось подозрительнымъ его восковое лицо. Я подошелъ ближе... Скродеренъ очнулась и, взглянувъ на ребенка, порывисто схватила его холодную, какъ мраморъ, исхудалую ручонку. Тихій стонъ вырвался изъ измученнаго сердца, она припала жадными губами къ холодному трупику, точно хотѣла воскресить его этими порывистыми жадными поцѣлуями. Но Вова спалъ... вѣчнымъ, тяжелымъ сномъ... А время неизмѣнно шло... Ночь, блѣдная, боролась съ мглистымъ утромъ и уходила, чтобы на ея мѣсто пришла другая.

«Мнѣ казалось, что кто-то вошелъ и взялъ его, я хотѣла крикнуть и очнулась», — говорила бѣдная мать...

«Мама! Мамочка! Я тозе умру, я папу не уви-

зу. Я это знаю», — сказалъ четырехлѣтній Толя. И весь день говорилъ онъ эти страшныя слова, какъ бы приготовляя насъ къ тому, что должно случиться. И это неизбѣжное, роковое, ворвалось къ намъ...

Шопотъ ребенка отдавался, какъ ударъ молотка по сердцу. Его маленькія ручонки крѣпко сжимали безкровную руку матери, перебирали ея пальцы и блѣдныя, сухія губы что-то шептали... «Зачѣмъ онъ все говоритъ, что умретъ? Этотъ лепетъ открываетъ мнѣ новую пропасть, на днѣ которой я вижу уже два трупика», говорила бѣдная женщина.

— Маленькая ручонка уже не играетъ пальцами матери, глубокій вздохъ вырвался изъ маленькой груди и замеръ въ тишинѣ нашей грязной комнаты. Полина Михайловна не плакала и, только, когда Леля приподнялась на локтѣ и, посмотрѣвъ на мать, позвала ее къ себѣ, Скродеренъ расплакалась неутѣшными слезами.

— Странный ребенокъ Леля. Она была тяжело больна, но всегда съ какимъ-то мужествомъ переносила свою болѣзнь, какъ взрослая, уговаривала мать, утѣшала, тихо гладила по головѣ, цѣловала и теперь, желая утѣшить мать, она говорила шипящимъ, хриплымъ шопотомъ: «Мамочка! Я тебя не оставлю. Мы все время, всю жизнь будемъ вмѣстѣ. А имъ лучше — они не мучаются, у нихъ ничего не болитъ. Я буду послушна, все буду дѣлать, что захочешь ты и папа. Не плачь! Вѣдь ты сама еще больная».

— Я подошелъ къ Лелѣ, уговаривалъ ее лечь, быть спокойной, но она расплакалась и, обвивъ мою голову горячими ручками, зашептала: «Оставьте! Вы не понимаете, что они уже не вернутся, что я не

буду разсказывать имъ сказки, пѣть пѣсни, играть, а мамочка будетъ такая грустная, такъ безутѣшно будетъ плакать, а папа? Можетъ и онъ не вернется? Я же говорю, что только я буду утѣшать маму».

— Бѣдный ребенокъ! Сколько сердечности, сколько любви къ матери! Какъ умѣла она скрасить эти черныя минуты глубокихъ страданій и смягчить силу переживаній матери. И только тогда, когда мать, успокаиваясь, впадала какъ бы въ забытье, Леля звала меня и высказывала все, что клокотало, бурлило въ ея маленькой изболѣвшей груди. Только тогда она плакала искренними дѣтскими слезами.

«Почему Вова сморщилъ такъ лобикъ и полуоткрылъ губы, какъ-будто говоритъ, что ему больно? А Толя спитъ спокойно-спокойно», говорила она, глядя на своихъ братьевъ.

— Малѣйшее движеніе матери, и Леля на-сторожѣ, цѣлуетъ ея руки, что-то говоритъ. А мать смотритъ на своего послѣдняго ребенка, на свою послѣднюю радость жизни.

«Не отнимутъ ли и тебя?» срывается съ ея губъ жгучій вопросъ.

«Я съ тобой, всегда буду съ тобой», отвѣчаетъ малютка.

— Но это были только слова... Жизнь уступила... поспѣшно ушла, какъ бы боясь лишнихъ разспросовъ... отняла дѣтскія слова, согрѣвшія больную материнскую душу, нѣжные взгляды и тихія ласки... Смерть властно завладѣла душой ребенка, заглушивъ навсегда все, чѣмъ онъ жилъ, и отняла у матери послѣднюю отраду. Леля умерла почти неожиданно. Скарлатина уже была не страшна, но къ ней прибавился дифтеритъ, и на другой день послѣ

смерти Толи, поздно вечеромъ, она ушла отъ насъ. До послѣдней минуты ласкала мать, но говорить уже не могла.

— Я не могъ смотрѣть на эти безмолвныя ласки, на эти скрытыя слезы и на эту боль, на безуміе, виднѣвшееся въ глазахъ Скродеренъ. Эта картина тихаго ужаса навсегда останется въ памяти и никогда я не забуду этого темноокаго ребенка съ такой необъятной душей и такимъ сознательнымъ отношеніемъ къ переживаемому горю.

* *
*

Не хотѣлось вѣрить... Какъ-то спуталось все въ головѣ... нельзя ни въ чемъ разобраться... Почему такъ, а не иначе? Но къ чему вопросы?

— А гдѣ самъ Скродеренъ? — боязливо спросилъ мой мужъ.

— Леля умерла въ субботу вечеромъ, а онъ умеръ въ воскресенье утромъ. Когда я пошелъ къ нему, онъ лежалъ уже окоченѣвшій. Придя домой, въ баракъ, и встрѣтивъ пытливый, вопрошающій взглядъ, я не могъ сказать правды... Я только подготовлялъ ее къ худшему... Но она поняла и не плакала. Я боялся за нее. Какая-то каменная, безчувственная сидѣла она и ни слова не вырвалось изъ ея груди, и, только, когда понесли дѣтей хоронить, она встала, качаясь, и пошла за ними. Откуда силы взялись, не знаю, но она шла за тѣми, что составляли частицу ея существа. Она провожала ихъ въ послѣдній далекій путь и, оставаясь одна, прятала ихъ образъ гдѣ-то въ сердцѣ, гдѣ онъ будетъ жить всегда. Былъ вечеръ, когда она вернулась. Я безпоко-

ился уже за нее; не нравился мнѣ ея безумный, блуждающій взглядъ.

«Я видѣла его», проговорила Скродеренъ, войдя въ комнату. «Онъ уже холодный, я его цѣловала, а онъ смотрѣлъ. Его глаза открыты, но онъ вѣдь пошелъ съ ними. Такъ ужъ они хотѣли оставить меня одну», продолжала она нервно и, бросившись на кровать, зарыдала... въ первый разъ заплакала тѣми слезами, что несутъ немного облегченія...

— Похоронили и Скродерена. Вернулись изъ больницы Погуль и другіе выздоровѣвшіе, и мы пріѣхали сюда. Насъ назначили на иной пунктъ и оттуда я теперь пришелъ, — закончилъ свой разсказъ Сакнитъ.

«Какъ ужасна жизнь», — думалось мнѣ.

— Какъ мало такихъ людей, какъ Сакнитъ, — проговорилъ мужъ, какъ бы отвѣчая на мою мысль.

* *
*

Большевики довольны, что поправили баню для бѣженцевъ и гонятъ послѣднихъ туда, какъ скотъ. Каждый долженъ пройти черезъ это чистилище. Побывавшему тамъ выдается купонъ въ знакъ того, что онъ прошелъ черезъ омовеніе грѣшнаго тѣла и дезинфекцію, вѣрнѣе, замѣнилъ однихъ насѣкомыхъ другими. Условія для такого обмѣна были самыя благопріятныя. Вообще же это «гигіеническое» учрежденіе заслуживаетъ особаго вниманія, т. к. едва ли въ какой-нибудь иной странѣ найдется что-нибудь похожее на совѣтскую баню.

А женщины, болѣе чѣмъ кто-либо иной, должны съ «уваженіемъ» вспоминать объ этомъ чисти-

лицѣ, такъ какъ все вниманіе въ немъ было обращено на прекрасный полъ, и большевики здѣсь убивали на практикѣ устарѣвшія понятія о человѣческомъ достоинствѣ, стыдѣ и самолюбіи. Надо признаться, что большевикамъ и тутъ удалось преодолѣть упрямство женщинъ и принудить ихъ каждую недѣлю дефелировать въ костюмѣ Евы передъ совѣтскими работниками. Упрямымъ бѣженкамъ была закрыта дорога домой.

Въ одной комнатѣ женщины раздѣвались, связывали въ узелки свое бѣлье и шли въ другую комнату, гдѣ возсѣдалъ представитель мужского пола и отбиралъ вещи для дезинфекціи, а послѣ мытья женщины уходили черезъ другія комнаты и тамъ имъ возвращалось бѣлье, полежавшее въ дезинфекціонной камерѣ; должно быть для того, чтобы не было обидно, насѣкомыя отъ этой операціи размѣщались болѣе или менѣе равномѣрно. Выдавалъ «продезинфицированное» бѣлье тоже мужчина.

Хоть я и выѣхала въ концѣ концовъ изъ Россіи, но все же въ баню не ходила. Спасла меня отъ этого удовольствія сперва болѣзнь, а потомъ добрая Томашевская. Когда я настолько оправилась отъ болѣзни, что могла, а въ дѣйствительности и должна была, пойти въ баню, меня выручила Томашевская.

— Я старая баба, могу и еще разъ пойти. Плевать мнѣ на этихъ мужиковъ, да и они присмотрѣлись къ нашей сестрѣ. Ругаются только... Вы — другое дѣло. Молоды больно... а на старуху они и не взглянутъ. Да и вшей лишнихъ сброшу. Хоть плохая тамъ дезинфекція, а все-таки дохнутъ эти

твари. Боятся тѣла чистаго, — говорила добрая старушка.

Стыдно признаться, но я пользовалась два раза услугами доброй женщины, приносившей мнѣ купонъ, свидѣтельствующій о томъ, что я тоже подчинилась требованіямъ существующаго порядка.

Позднѣе мнѣ удалось получить разрѣшеніе не посѣщать эту баню, а ходить въ городскія, гдѣ, впрочемъ, я покупала только билетъ. Такая осторожность была не лишней, такъ какъ вся совѣтская Россія была заражена, и я могла легко заразиться и въ городскихъ грязныхъ баняхъ.

Мужъ тоже нашелъ замѣстителя для хожденія въ баню, особенно любившаго попариться и погрѣться. Это былъ солдатъ Вайчунасъ. Онъ охотно посѣщалъ это учрежденіе, не боясь заразиться, такъ какъ перехворалъ всѣми тифами.

Но это не все — пытки еще впереди. Ужасныя нравственныя пытки. Надо было пройти сквозь прививку холеры и брюшного тифа. Казалось бы, что это глупость, — незначительный уколъ и слабое недомоганіе въ продолженіи двухъ-трехъ дней. Но сколько униженій долженъ былъ испытать человѣкъ, пока удавалось ему вырваться изъ большевицкаго рая.

Во-первыхъ, насъ пригнали, какъ барановъ, въ больницу, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ нашего же бѣженскаго дома. Мужчины, женщины, дѣти... Всѣмъ велѣно раздѣться до пояса. Если кто-нибудь выказывалъ неповиновеніе или смущенно отнѣкивался, то къ нему подходилъ коммунистъ и убѣдительнымъ тономъ заявлялъ:

— Не вводите новыхъ порядковъ. У насъ такъ

полагается, и такъ будетъ. Кто будетъ сопротивляться или увиливать отъ прививки, того исключатъ изъ списка ѣдущихъ. Поняли?

И отходилъ, выискивая новое стыдливое лицо или просто недовольнаго, ворчавшаго себѣ подъ носъ. Но не много такихъ ворчавшихъ было среди бѣженцевъ. Я удивлялась, какъ равнодушно относились ко всему бѣженцы. Казалось, ихъ уже ничѣмъ не удивишь, и стыдъ — простой, свойственный человѣку стыдъ, спрятался гдѣ-то подъ отупѣвшей оболочкой бѣженской измученной души. Сотни обнаженныхъ тѣлъ увидѣла я, войдя въ большую палату. Очередь къ доктору тянулась узкимъ шнуркомъ, всѣ стояли въ «затылокъ» — мужчины, женщины и дѣти вперемежку, жалкимъ видомъ своимъ напоминая животныхъ, пригнанныхъ на убой.

Женщины старались какимъ-нибудь лоскуткомъ прикрыть грудь и, держа руки крестъ-накрестъ, подвигались черепашьимъ шагомъ къ доктору.

Докторъ — рослый дѣтина — громко командовалъ:

— Поворачивайся. Чего стонешь? Ахъ, какія нѣжности: она закрывается! Опустить руки, говорю, или вонъ! У насъ безъ церемоніи. Довольно!

— Слѣдующій! У меня уже рука устала. Возьмите теперь вы, товарищъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ другому доктору, высокому блѣдному блондину.

Этотъ былъ утомленный, блѣдный, съ грустнымъ выраженіемъ въ голубыхъ глазахъ. Онъ не кричалъ, не волновался. Какъ автоматъ, исполнялъ машинально свои обязанности и, если женщина закрывалась, то помогалъ ей одной рукой при-

держать платокъ, или кофту, служившую прикрытіемъ тѣла, и опускалъ руку только въ моментъ укола.

Я, какъ фантазерка, присматриваясь къ нему, нарисовала себѣ полную картину его жизни. Мнѣ казалось, что онъ страдаетъ съ нами, что онъ много переживаетъ, такъ какъ самъ принадлежитъ къ другому лагерю, и съ удовольствіемъ бы выѣхалъ изъ Россіи; что дома у него жена, дѣти, которыхъ онъ долженъ прокормить. Однимъ словомъ, большую симпатію возбуждалъ этотъ человѣкъ съ грустными утомленными глазами. Своимъ впечатлѣніемъ подѣлилась я съ мужемъ, и мы рѣшили подойти къ нему поближе и спросить, не можетъ ли онъ потомъ сдѣлать прививку. Медленно подходили мы къ нему, стараясь уловить удобный моментъ, когда онъ передастъ шприцъ другому доктору. Но... этотъ другой увидѣлъ насъ раньше, чѣмъ мы были у цѣли.

— А васъ черезъ одежду колоть? Почему до сихъ поръ не раздѣлись? — крикнулъ онъ, уставивъ на меня свои злые глаза.

— Моя сто двадцать четвертая очередь, — начала было я, опѣшивъ, но онъ прервалъ:

— Пойдете сейчасъ, а не сто двадцать четвертой. Вы своими выходками деморализуете остальныхъ. Раздѣвайтесь! Иначе сейчасъ же вычеркнемъ изъ списка. Товарищъ, вы со мной согласны?— сказалъ онъ, обращаясь къ стоявшему вблизи коммунисту.

— Вѣдь вы же знаете наши порядки, — крикнулъ послѣдній.

Но меня уже не было. Краска негодованія за-

лила лицо, и я выбѣжала изъ комнаты. За мной, едва поспѣвая, шелъ мужъ. Пришла я въ себя только у себя на кровати. Какъ мнѣ стало жаль всѣхъ тѣхъ, что остались тамъ, внизу. Какая злость, ненависть вспыхнула въ груди. Я сама не сознавала, что шептали мои губы. Теперь, когда мы уже черезъ недѣлю-двѣ уѣдемъ отсюда, можетъ быть съ тѣмъ, чтобы никогда не вернуться, — и теперь еще мы должны переживать униженія и издѣвательства. «Вѣдь такой крестный путь прошли, зачѣмъ же все это?» неслись мои мысли, смѣняя одна другую.

Мужъ два раза спускался въ палату, гдѣ производилась прививка, но безуспѣшно! Тамъ попрежнему была очередь полуголыхъ людей, идущихъ покорно навстрѣчу насмѣшкамъ доктора-коммуниста и его товарища по партіи.

— Только десять человѣкъ осталось. Пойдемъ! Мы встанемъ послѣдними, — сказалъ мужъ, возвращаясь въ третій разъ изъ своего путешествія въ нижнюю палату.

Я раздѣлась до пояса и, завернувшись въ большую шаль, которую одолжила у одной латышки, спустилась внизъ.

«Я открою только плечо, куда сдѣлаютъ уколъ», говорила я себѣ, стараясь успокоиться. Но чѣмъ ближе подходила я къ доктору, тѣмъ больше охватывала меня злость, и душили слезы: какъ-то жаль становилось себя.

— Нѣтъ, къ этому доброму доктору мы не попадемъ — этотъ извергъ будетъ самъ дѣлать прививку, — прошепталъ мужъ. — Только ты не волнуйся: я закрою тебя и съ нимъ ничего не говори. Онъ, видимо, ждетъ случая къ кому-нибудь придраться.

— Иголку отдай! Иголку съ собой несешь. Эй, старая дура! Куда бѣжишь? вѣдь иголка сломанная осталась у тебя въ спинѣ! — послышался крикъ, прервавшій нашъ разговоръ съ мужемъ.

Но «старая дура», бѣженка-латышка, махнула рукой, натягивала на сморщенную дряблую кожу ветхую рубашку и тихо плакала. Жидкія слезы текли по сморщенному лицу, и вѣки нервно закрывались.

— На старости долженъ человѣкъ унижаться. Иглу, проклятый, оставилъ. Нарочно все это... Дамся я тебѣ. И безъ тебя обойдусь. Когда же, наконецъ, мы выѣдемъ? Когда все это кончится? — шептали ея старческія губы, и сухія руки нервно застегивали воротникъ кофты.

* *
*

Очередь мужа. Судорога боли на его лицѣ и снова спокойный, ободряющій взглядъ...

Моя очередь. Чувствую, какъ блѣднѣю и какъ слабость охватываетъ мое тѣло. Мужъ держитъ меня подъ руку и, сжимая мой локоть, шепчетъ:

— Не волнуйся.

Докторъ ничего не говоритъ, только злая ядовитая улыбка скользнула по его тонкимъ губамъ.

— Если вы будете закрываться, я не стану дѣлать прививку, — равнодушно говоритъ онъ и опускаетъ руку съ приготовленнымъ шприцемъ.

— Вы колете между лопатокъ? Пожалуйста! Это не ваше дѣло, будетъ ли она закрыта или нѣтъ. Дѣлайте то, что вамъ приказано, а не привязывайтесь къ женщинамъ! — крикнулъ самъ не свой

мужъ и, открывъ мнѣ спину, въ упоръ посмотрѣлъ на доктора.

Я почувствовала боль между лопатками. Слабость охватила меня, ноги подкосились, и я, не имѣя силъ владѣть ими, упала на руки мужа.

— Теперь и вы можете идти, — зло засмѣялся докторъ.

— Но вѣдь вы иголку сломали, вы оставили ее въ тѣлѣ! — крикнулъ мужъ.

— Выдерните сами. Мы не обязаны съ вами возиться!

Докторъ-блондинъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ намъ, но остановился, указавъ глазами на отдаленный уголъ комнаты, куда мы немедленно и отошли.

Черезъ минуту пришелъ онъ и вынулъ злополучную иголку.

— Ну, теперь, кажется, ваши испытанія приходятъ къ концу. Скоро вы почувствуете себя свободными. А мы? Завидую всѣмъ вамъ! До свиданія. Не благодарите, мнѣ жаль васъ, но и вы пожалѣйте насъ! — тихо проговорилъ докторъ, подавая намъ руку и скрылся за темною дверью.

* * *

Сегодня уѣзжаетъ профессоръ Ю., жившій съ нами въ одной комнатѣ. Рѣдко мы видѣли его, но зато говорили съ нимъ всегда откровенно. Теперь зависть, что онъ уѣзжаетъ, клокочетъ въ груди, но когда онъ пришелъ собрать свои небольшіе пожитки, и, когда мы увидѣли его согбенную фигуру, намъ сдѣлалось за него страшно: уже вто-

рой день у него повышенная температура, но онъ не хочетъ и вида показать, что боленъ. Вѣдь тогда, вмѣсто отправки, его ожидаетъ совѣтскій госпиталь и, можетъ быть, смерть. Профессоръ Ю. попрощался съ нами, подавъ горячую руку.

«Шумная Рига приметъ его и пройдетъ ужасный кошмаръ. Только бы здоровья хватило у него дотащиться до Риги!», думали мы, и пропала зависть, осталось только желаніе, чтобы спаслась эта жертва большевицкаго порядка.

* *
*

Май въ расцвѣтѣ... Тепло и радостно. Насъ радуетъ не только яркое солнце, длинные ясные вечера, но нѣчто большее, вторгшееся въ нашу бѣженскую сѣрую жизнь. Яркой радугой засвѣтилось будущее; свѣтлый лучъ проникъ и сквозь наши угрюмыя стѣны. Письмо отъ брата и деньги! Десятки разъ читали мы желанныя строчки, стараясь убѣдить себя, что это не сонъ, не тотъ мимолетный волшебный сонъ, что снился намъ въ долгія мучительныя ночи, озаряя хоть на мигъ изболѣвшія души.

— Я говорилъ, что этотъ господинъ понялъ меня и поэтому увѣдомилъ брата. Я, какъ сейчасъ помню, съ какимъ сочувствіемъ онъ посмотрѣлъ на меня, прощаясь. Видимо, потомъ была какая-то задержка — брата не было въ Ковнѣ, вѣдь онъ пишетъ, и поэтому мы просидѣли долго безъ письма и денегъ.

Мы радовались, какъ дѣти, получившія подарокъ. Теперь какія угодно испытанія намъ не страшны. Мы спасены! О насъ кто-то думаетъ.

Кто-то ждетъ насъ, и мы съ каждымъ днемъ ближе къ цѣли. Послѣ житейскихъ бурь проглядываетъ солнышко, оно согрѣетъ насъ и вольетъ въ нашу душу отраду...

* *
*

Боже! Сколько солнца, сколько людей на этихъ чужихъ намъ улицахъ. Всѣ смотрятъ на насъ! Должно быть забавно видѣть такихъ, какъ мы — странно одѣтыхъ людей.

Развѣ не смѣшно смотрѣть на насъ со стороны, когда мы, едва волоча ноги, тащимся на базаръ. Идемъ одѣваться. Покупаемъ сапоги и наряды, а самодовольная улыбка не сходитъ съ нашихъ лицъ.

— Наконецъ-то разстанусь съ этими пимами, вѣрные вы мои друзья! сколько мнѣ прослужили! — говоритъ мужъ, посматривая на толстые неуклюжіе, размякшіе пимы.

— Ты пойми, какъ пріятно сознавать, что ты идешь не продавать, а покупать вещи, что у тебя есть деньги и завтрашній день не пугаетъ тебя. Давно это было, теперь кажется какимъ-то новымъ чувствомъ. Мы купимъ мяса, ты должна поправляться. Вѣдь мясо будемъ ѣсть! Ты его сваришь и къ нему картофель. Ахъ, какъ это вкусно.

Мы прибавили шагъ и скоро очутились среди маленькихъ лавченокъ, балагановъ, лотковъ. Крикъ, шумъ, брань ошеломили насъ. Глаза разбѣгались при видѣ такого разнообразія вещей: тутъ и пестрыя тряпки, и разныя побрякушки, и обувь, и сладости. Чего-чего только нѣтъ!

Прежде, чѣмъ истратить хотя бы грошъ, мы

долго ходили возлѣ лавокъ, самодовольные, гордые тѣмъ, что не продавать мы пришли, а купить. Купить. Купить. Почувствовавъ, наконецъ, усталость, мы рѣшили купить необходимыя вещи.

Сапоги, правда поношенные, но зато сапоги — красовались на ногахъ мужа, а я приколола непокорные волосы новой гребенкой и купила чулки. Подумать только — чулки безъ заплатъ и дыръ! Мильоны летѣли изъ нашихъ рукъ. Было куплено мясо и даже маленькій кусокъ масла, булка, чай — все это несли мы въ общежитіе, нашъ теперешній домъ.

«Стоитъ ли переѣзжать куда-нибудь на квартиру? Вѣдь такъ недолго намъ осталось пробыть здѣсь. Если устроиться въ гостиницѣ, то и тамъ нѣтъ гарантіи отъ тифа, а здѣсь всѣ уже перехворали. И здѣсь все свои, пережившіе съ нами наши черные ненастные дни» — думали мы и радостные входили въ нашъ ночлежный домъ.

Насъ поздравляли съ покупками, съ письмомъ, съ новыми сапогами и, громко смѣясь, садились на наши кровати, разспрашивая, гдѣ мы были и что видѣли.

Какъ весело и мило пролетѣлъ этотъ день! А сколько впереди этихъ радужныхъ ясныхъ минутъ?

— Откуда силы взялись? Откуда слышится этотъ смѣхъ? Кому такъ весело? — спросилъ ксендзъ, входя въ нашу палату и увидѣвъ меня, выдѣлывавшую какія-то па между кроватями.

— Теперь вы мой гость, теперь и мы можемъ васъ угостить. Здѣсь чай, булка, масло. Садитесь. Все разскажемъ, — тормошила я опѣшившаго

ксендза и, наливъ ему чаю, однимъ духомъ выпалила все, что произошло за эти дни.

— А я тоже получилъ радостную новость. Я уѣзжаю завтра. Удалось получить разрѣшеніе. Нѣтъ! положительно судьба расщедрилась для всѣхъ.

На другой день мы проводили ксендза, усадивъ его въ пустую теплушку.

Поѣздъ давно уже скрылся, а мы стояли еще на перронѣ, увлекаемые далью, той сказочной гранью, гдѣ начинается иная жизнь, гдѣ иначе живутъ люди, иначе радуются и смѣются.

* *
*

Я еще была въ кровати, нѣжилась, попивая чай и присматриваясь къ тому, что творится въ комнатѣ.

Латыши читаютъ газету, Вайчунасъ ковыляетъ на одной ногѣ. Томашевская ссорится съ сосѣдкой, споря съ ней относительно отъѣзда; одна увѣряетъ, что еще долго намъ придется здѣсь сидѣть, а другая говоритъ, что ей снился вѣщій сонъ, и она скоро увидится съ родными. Остальныхъ жильцовъ не было, всѣ 70 кроватей были пусты, кто выползъ на майское солнце согрѣть свои кости, кто въ кухню варить чай и даже супъ, такъ какъ многіе уже получили посылки изъ дома и чувствуютъ себя героями дня.

— Здравствуйте! — услышала я знакомый женскій голосъ и, обернувшись въ сторону говорившей, увидѣла бѣдную Скродеренъ, вѣрнѣе ея тѣнь.

И теперь, въ это веселое отрадное утро, въ блес-

къ лучей майскаго солнца, она вошла тихо, незамѣтно, внеся съ собой грустныя воспоминанія о пережитыхъ тяжелыхъ дняхъ.

Исчезъ узоръ волшебной сказки, что плела теперь намъ жизнь... Передо мной стояла женщина съ обнаженной, незажившей раной... Она какъ бы говорила съ укоромъ:

«Вы радуетесь, смѣетесь. Васъ еще влечетъ жизнь, а мой путь конченъ...»

Какіе невыразимо грустные глаза съ серебряной поволокой слезъ!...

Присѣвъ на кровати, я протянула къ ней руки. Она безъ словъ опустилась рядомъ, и горячія слезы покатились по ея щекамъ. Я цѣловала ея мокрое лицо, чтобы безмолвной лаской согрѣть ея одинокую душу и заглушить ея сердечную боль.

Она поняла, что я переживаю съ ней ея потери, ея горе. Съ тихой благодарностью посмотрѣла мнѣ въ глаза и прошептала:

— Не буду разсказывать того, что было. Это такъ ужасно. Вы вѣдь и такъ поняли меня. Давно хотѣла я къ вамъ придти, но апатія и безграничная лѣнь овладѣли мною. Я лежала цѣлыми днями, не думая о томъ, что будетъ, что было. Это было какое-то полусознательное состояніе. Временами мнѣ казалось, что я тоже умерла, что изъ потусторонняго міра я наблюдаю за окружающими. Мнѣ не хотѣлось ни спать, ни ѣсть, ни говорить. Я жаждала лишь одиночества. Лежать такъ, отупѣлой, цѣлый день, чтобы никто не подходилъ ко мнѣ, ни о чемъ не спрашивалъ...

...Я слышала, что вы были больны, серьезно больны, и я позавидовала вашей болѣзни. «У нея

больше шансовъ умереть, чѣмъ у меня», думала я. Глупо все это... можетъ и заживетъ эта рана, но теперь...»

Поникла головой и задумалась.

— Сакнитъ! Какой это порядочный человѣкъ! Сколько онъ сдѣлалъ для насъ всѣхъ, оставшихся! Какъ вы далеко были отъ этихъ драмъ, вы не видѣли лицъ, объятыхъ безуміемъ... Помните Погуля? высокій, молодой, красивый... Его невѣста, Анна М., уже выздоравливала, когда онъ умеръ. Цѣлыми ночами не спала она. Просила, умоляла санитара и сидѣлку, чтобы сохранили трупъ ея жениха. Чтобы проникнуть въ мертвецкую, она отдала единственное, что осталось у нея, — кольцо. Изъ мертвецкой ее принесли въ глубокомъ обморокѣ. А почему? Почему? Потому, что тамъ она нашла только половину трупа, остальную съѣли крысы, оставивъ голыя, обглоданныя кости. И это въ четыре дня... Вотъ, я думаю, говорю съ вами, а Анна не можетъ еще придти въ себя. Вы ее увидите скоро и убѣдитесь, что она перенесла... Юлій тоже лежалъ въ какихъ-то синякахъ, худой... — начала было она, вспоминая о мужѣ, но я прервала ее, желая оторвать хоть немного отъ докучливыхъ мыслей.

Разспрашивала ее о Чарнецкихъ, о иныхъ бѣженцахъ, и нашъ разговоръ перешелъ на болѣе спокойныя темы.

— Вовка плачетъ. Онъ меня зоветъ. Леля тоже. Иду, иду, родные...

Вдругъ вскочила, вырываясь изъ моихъ рукъ:

— Вѣдь вы тоже слышите... Они зовутъ...—кричала она съ безуміемъ въ глазахъ.

— Вы вспоминали... вамъ кажется... — вскрикнула я.

Моя гостья какъ-то странно посмотрѣла на меня, и глаза ея моментально потухли, сдѣлались безцвѣтными, мутными... Руки безсильно опустились.

— Вы правы, — тихо произнесла она, — меня никто не ждетъ. Но временами я ясно слышу, что они зовутъ меня, и я ихъ вижу, больныхъ, изнуренныхъ, и бросаюсь, чтобы помочь имъ, дать пить, поцѣловать и приголубить.

Меня душили тяжелыя слезы. Такъ жаль, такъ безумно жаль этой сломанной жизни...

Послѣ долгой паузы, Скродеренъ заговорила:

— Всѣ удивляются тому, что я ѣду къ семьѣ мужа. Правда, это смѣшно, это даже страшно. Вѣдь его семья не знаетъ меня, и я для нихъ совсѣмъ чужая. Я русская. Я сибирячка. Изъ моей семьи осталась только замужняя сестра и мать-старушка. Я могла бы вернуться къ нимъ, но я дала слово Юлію, что пріѣду въ его семью, и если онъ умретъ въ дорогѣ, я лично передамъ его матери послѣднія его слова. Ему такъ хотѣлось, чтобы я познакомилась съ его семьей, и чтобы меня тамъ полюбили. Теперь вы знаете, почему я не возвращаюсь обратно въ Сибирь. Но какъ меня тамъ встрѣтятъ, поймутъ ли, не сочтутъ ли меня виноватой въ его смерти?... Охъ, какъ тяжело думать объ этомъ...

Она умолкла; сидѣла притихнувъ, стараясь собрать свои мысли и уяснить ихъ смыслъ.

* * *

Вмѣсто теплушекъ, насъ переводятъ въ новое

общежитіе, куда-то далеко, въ Долгоруковское предмѣстье. Тамъ мы встрѣтились со всѣми оставшимися въ Вологдѣ. Нѣтъ! Не со всѣми. Многіе уже никогда не вернутся, а кто вернулся, тотъ вернулся инымъ. Палаты здѣсь меньше: человѣкъ на двадцать. Мы попадаемъ въ палату, гдѣ живутъ Анна М. и Скродеренъ. Здѣсь образцовая чистота. Каждый день производится тщательная уборка и мытье пола. Большія окна открыты настежь и передъ нашими глазами открывается видъ на Москву. Но она далека, а здѣсь только маленькая ея частичка. Сколько зелени охватываетъ нашъ глазъ, смотря на пустыри и заглохшія какія-то кладбища и старые, заброшенные сады. Все купается въ золотистыхъ лучахъ солнца и кажется близкимъ, роднымъ. Ничто не измѣнило облика весенняго дня: ни совѣтская власть, ни горе, ни обида — онъ цвѣтетъ и дышитъ молодой силой...

Я цѣлый день на солнцѣ. Готовлю здѣсь незатѣйливый обѣдъ, гуляю одна, или съ мужемъ, или со Скродеренъ. А то забираюсь въ зеленые кусты и наслаждаюсь природой. А вечерами мы долго сидимъ на окнѣ и смотримъ на неугомонную Москву. Издалека доносятся заглушенные звуки: гудки автомобилей, трамвайные звонки.

Насъ не тянетъ городъ, а манитъ и зоветъ эта тихая ночь, зоветъ въ даль, въ зеленые луга, въ старые, тихіе сады...

* *
*

Черезъ недѣлю отъѣздъ. Сегодня была у насъ г-жа Яцевичъ. Она живетъ у знакомыхъ. Я едва

узнала ее. Стриженные вьющіеся волосы и осунувшіеся глаза измѣнили ее до неузнаваемости.

Сколько воспоминаній, разспросовъ, поцѣлуевъ! Все прошлое встало передъ глазами. А радость шепчетъ: «Ѣдемъ. Скоро ѣдемъ. Олекъ здоровъ, какъ хорошо! Какъ весело, что всѣ ѣдутъ и всѣ здоровы и сыты!»

* * *

Нужны фотографическія карточки для бѣженскаго пропуска, а у насъ ихъ нѣтъ. Идемъ въ городъ. Казалось, что силы мои вернулись, и снова я бодрая. Но нѣтъ, ноги болятъ. А эта несносная шея? Когда, наконецъ, я сброшу повязку? Гдѣ, на какой улицѣ фотографъ — не знаю. Его изумленный взглядъ сказалъ намъ, что костюмъ нашъ, несмотря на нѣкоторыя измѣненія, остался такимъ же страшнымъ и жалкимъ.

А наши карточки? Я едва узнаю себя и мужа.

У меня на лицѣ остались только глаза, какіе-то блестящіе, широко открытые. Мѣховой воротникъ и шелковая, въ дырахъ, панама смахиваютъ на нѣчто маскарадное.

О мужѣ лучше не говорить. Онъ похожъ на самаго настоящаго разбойника съ большой дороги. Обросшій, худой, въ измятой кепкѣ, сшитой домашнимъ способомъ...

Все это пустяки...

«Зато скоро будемъ дома», проносилась мысль.

* * *

2-го іюня. Хорошо помню этотъ день. Помню запасный путь, цѣлый рядъ телячьихъ вагоновъ-теплушекъ... Мы, возбужденные, радостные, несемъ оставшіяся вещи. Шумъ, гамъ, бѣготня, устройство новой «квартиры».

Мы, Яцевичъ, Томашевская съ сыновьями, латышъ Л. съ женой-сибирячкой, которая вышла замужъ только въ дорогѣ. Ихъ тихая, скромная свадьба состоялась въ Омскѣ. Она покинула семью, чтобы слѣдовать за своимъ женихомъ. Милая, преданная мужу женщина! Ее зовутъ Лизой. Эта пара тоже изъ вологодскихъ страдальцевъ. Она суетится больше всѣхъ. Ее какъ-то пугаетъ дорога, и на мой вопросъ, чего она боится, она отвѣчаетъ смущенно:

— Вѣдь тамъ не Россія, тамъ что-то новое, чужое. Тутъ всѣ свои. Языкъ русскій. А тамъ семья чужая, незнакомая. Можетъ, мужа начнутъ вооружать противъ меня.

— Лиза, поймите, тамъ хуже не будетъ... Все мрачное, кошмарное здѣсь. Вы не забудете своего языка, вѣдь тамъ никто не станетъ принуждать васъ говорить инымъ языкомъ. Правда, научитесь говорить по-латышски. Но вѣдь это не убьетъ въ васъ того, къ чему вы привыкли, съ чѣмъ срослась ваша русская широкая душа. А здѣсь оставаться страшно, здѣсь даже думать опасно по-своему. Васъ задушитъ, затянетъ эта трясина. Вы любите мужа и, руководясь этимъ чувствомъ, идите за нимъ впередъ, безъ всякихъ думъ. Вы столько пережили, васъ съ мужемъ такъ крѣпко сблизило горе, что ни-

кто не сумѣетъ отнять его у васъ. Не бойтесь! Смотрите весело впередъ, и увидите, что тамъ будетъ лучше.

— Если бы сбылись всѣ ваши слова! Вѣдь съ домомъ у меня все порвано. Они не простятъ мнѣ моего отъѣзда. А если здѣсь встрѣтитъ то же горе? Тогда что? Ну, объ этомъ потомъ, а пока надо устраиваться. Вы въ этомъ углу? Здѣсь семья Яцевичъ? Да? — торопливо суетясь, раскладывала она вещи.

Мой мужъ подошелъ къ нашему вагону въ сопровожденіи высокаго мужчины, знакомыя черты лица котораго подсказали, что это нашъ давнишній знакомый изъ Омска. Но какой-то дикой показалась эта мысль. Омскъ и Москва. Мы и онъ, С—ій...

— Не удивляйтесь. Я ищу васъ уже нѣсколько дней. Сюда я пріѣхалъ по дѣламъ. Вы удивлены? Я не коммунистъ, а все-таки есть дѣло въ Москвѣ и сюда я ѣхалъ скорѣе, чѣмъ вы, — и онъ разсказалъ о своей дорогѣ.

Онъ хлопочетъ объ отъѣздѣ домой, въ Польшу, заходилъ въ Литовское посольство и тамъ узналъ, что мы еще въ Москвѣ. Нѣсколько дней ушло у него на поиски насъ по бѣженскимъ общежитіямъ.

Поздній теплый вечеръ засталъ насъ сидящими на бревнахъ возлѣ нашего поѣздного состава.

— Что передать отъ васъ вашей любимой Сибири? — задалъ С—ій вопросъ на прощанье.

— Знакомымъ разскажите о нашемъ миломъ путешествіи, а Сибири передайте самое сердечное пожеланіе — поскорѣе стать свободной.

* * *

Два дня стоимъ здѣсь въ ожиданіи паровоза. Боимся пойти въ городъ, чтобы не остаться. Снова тѣсной семьей собрались въ грязныхъ вагонахъ. Дѣти попрежнему весело щебечутъ, бѣгаютъ около теплушекъ, а мы сидимъ на бревнахъ и мирно бесѣдуемъ. На всѣхъ лицахъ написана радость.

Только Скродеренъ скользитъ тихой походкой и нервно сжимаетъ руки. Она волнуется, и волненіе заглушаетъ на мигъ горькія воспоминанія. Она такъ же, какъ Анна, боится новой, чужой семьи, гдѣ почувствуетъ себя еще болѣе одинокой. Отъ нея не отходитъ Анна, это блѣдная, нервная дѣвушка. Онѣ почти неразлучны. Рѣдко изъ устъ несчастной дѣвушки вырывается какое-нибудь слово. Она ѣдетъ къ семьѣ, гдѣ ее ждутъ, пишутъ ей письма, посылаютъ деньги, но ее ничто не радуетъ. Ночами, просыпаясь, она садится, и, всматриваясь въ таинственную темноту лѣтней ночи, тихо стонетъ. Никто не разспрашиваетъ ее о ея тяжелыхъ снахъ, загадочныхъ видѣніяхъ... Есть ли сила, способная облегчить муки истерзанной души?

Мы ѣдемъ. Какое это сладостное чувство! Сердце то замираетъ въ груди, то нервно бьется. Невольно вспоминается нашъ отъѣздъ изъ Иркутска. Тогда намъ свѣтило ноябрьское зимнее утро, скупо бросая лучи; теперь іюньское жаркое солнце ласкаетъ насъ и зоветъ въ иныя страны.

Откуда взялось веселье, смѣхъ, и почему здѣсь столько радостныхъ лицъ?

Но радость часто омрачается неосторожными

словами, невольно срывающимися у многихъ вопросами:

— А вдругъ Литва не приметъ насъ и мы застрянемъ на границѣ?

— А вдругъ арестуютъ? А вдругъ не пропустятъ?

Подобные вопросы путаютъ насъ. Замолкаетъ смѣхъ, и невольный страхъ искажаетъ вытянувшіяся лица. Но чѣмъ дальше отъ Москвы, тѣмъ прочнѣе становится радость. Веселѣе и громче смѣхъ. Граница уже не пугаетъ. Не страшитъ эта послѣдняя ступень нашей длинной, страшной дороги. Но мнѣ все-таки слѣдовало бояться — это показало намъ будущее.

* * *

Послѣдняя русская станція. Около поѣзда похаживаютъ красноармейцы съ винтовками, заглядываютъ въ вагоны и снова ходятъ около теплушекъ. Мы ждемъ обыска, хоть не имѣемъ ничего, что могло бы выразить негодованіе и подозрѣніе со стороны большевиковъ. Но все же обыскъ, какъ каждый обыскъ, — явленіе не изъ пріятныхъ.

Наскучило сидѣть въ тѣсныхъ вагонахъ, и мы выползли на полотно желѣзной дороги.

Съ правой стороны поѣзда стоитъ небольшой сѣрый домикъ, изъ котораго выходили красноармейцы и нѣкоторые бѣженцы, ѣдущіе въ нашемъ поѣздѣ.

Мужъ ушелъ съ документами, желая поскорѣе предъявить ихъ для провѣрки и тѣмъ самымъ ускорить обыскъ и отправку эшелона.

Не знаю, отошла ли я далеко отъ поѣзда, погру-

женная въ думы, только очнулась я, когда меня кто-то схватилъ за плечо грубой рукой.

— Арестованы, гражданка! Я за вами все время слѣжу. Вы ходите и ходите здѣсь. Кого вы ждете? Идемте со мной, и мы разберемся, кто вы такая.

— Я же изъ этого поѣзда. Я бѣженка. И я никуда не пойду. Кто вы такой? Какое право имѣете арестовывать? — громко говорю я красноармейцу, рослому, широкоплечему парню съ винтовкой въ рукахъ.

— Пойдемъ! Разберутъ тамъ, кто ты, а кто я, — и онъ тащитъ меня за рукавъ пальто.

— Прошу оставить меня. Я сама пойду выяснять, въ чемъ дѣло, — сказала я и подумала: «Идемъ! увидишь, имѣлъ ли ты право такъ обращаться со мной», а сама со страхомъ украдкой взглянула на солдата.

Подходимъ къ сѣрому домику. Навстрѣчу вышелъ латышъ, я хотѣла подойти къ нему, но солдатъ грубо толкнулъ меня въ небольшія сѣни.

Милая исторія! Это послѣдняя ступень нашей дороги... Видимо, моя бѣженская физіономія не потеряла буржуйскаго вида, и захотѣлось этому товарищу поиздѣваться.

Дверь открылъ какой-то латышъ съ коммунистическимъ значкомъ на фуражкѣ и въ кожаной курткѣ.

— Очень пріятно! Ваши документы?

Я только теперь поняла безпомощность своего положенія.

— У меня ихъ нѣтъ. Они взяты для передачи

главному коменданту или комиссару. Не знаю. Но я ѣду съ этимъ поѣздомъ.

— Мало ли паршивыхъ тварей ѣдетъ въ бѣженскомъ эшелонѣ! Мы должны провѣрить и сдѣлать чистку. Вы даже отказываетесь дать документъ, значитъ вы — элементъ подозрительный, не подлежащій отправкѣ. Милюгинъ! Встань у дверей и карауль эту птичку. Когда поѣздъ уйдетъ, отправимъ ее въ другую сторону.

Я почувствовала, какъ холодѣютъ мои ноги и руки, а кровь горячей волной приливаетъ къ сердцу. Мысль проносилась за мыслью, въ поискахъ спасенія изъ чудовищныхъ лапъ.

«Во-первыхъ, надо дать знать кому-нибудь изъ нашего эшелона о моемъ мѣстопребываніи, а остальное выяснится и непріятное недоразумѣніе разсѣется», раздумывала я, сидя въ обществѣ какого-то Милюгина. Послѣдній не спускалъ съ меня глазъ, и когда я хотѣла подойти къ окну, онъ загородилъ мнѣ дорогу, а на мою просьбу дать знать въ эшелонъ или вообще справиться, значусь ли я въ спискѣ ѣдущихъ, мотнулъ головой и ничего не отвѣтилъ.

Тупо смотрѣли его сѣрозеленые глаза и глупое выраженіе ихъ злило меня, но... нужно признаться, и пугало. Я ясно почувствовала, что съ нимъ не сговорюсь, что онъ не исполнитъ моей просьбы, а скорѣе выполнитъ приказъ коммуниста и, можетъ, отошлетъ меня съ обратнымъ поѣздомъ. Мужъ, конечно, будетъ искать меня, но вѣдь они могутъ скрыть отъ него мое присутствіе здѣсь. Правда, въ смыслѣ политическомъ я для нихъ ничтожество, но

врядъ ли они упустятъ такой случай спровадить буржуйку, куда имъ вздумается.

А время идетъ и никто не справляется обо мнѣ... значитъ, надо самой искать способъ...

Я отошла отъ окна, но не спускаю съ него глазъ и жду, не покажется ли кто-либо изъ нашего эшелона. Если увижу, то брошусь къ окну, разобью стекло, крикну свою фамилію, а потомъ будь, что будетъ...

Злюсь на себя за то, что перестаю владѣть своими нервами; все большее нетерпѣніе охватываетъ меня.

Но я не ошиблась, вижу, вдали ковыляетъ на одной ногѣ Вайчунасъ, скоро онъ поравняется съ окномъ. Правда, разстояніе между нами большое, но все же онъ пойметъ, гдѣ я, — тѣмъ болѣе, что меня уже ищетъ мужъ.

Вижу, онъ оглядывается по сторонамъ и, вздрагивая, оборачивается, когда я, бросившись къ окну, кричу свою фамилію... зову его, но въ это мгновенье меня хватаетъ за плечо Милюгинъ и что-то начинаетъ говорить, вѣрнѣе ругаться.

Я не понимаю его словъ, размахиваю руками, желая болѣе выразительными жестами показать Вайчунасу, что меня не пускаютъ, что у меня нѣтъ документовъ. Вайчунасъ, какъ бы застывъ на мѣстѣ, смотритъ въ окно, и я не могу понять, узналъ онъ меня, или нѣтъ.

— Мы васъ запремъ въ темную, если будете буянить. Ишь, чего выдумала — въ окно бросаться. Я покажу тебѣ, какъ другой разъ не слушаться, —

ворчалъ солдатъ, а я витала мыслями далеко, и назойливый жгучій вопросъ сверлилъ мозгъ:

«Скоро ли меня освободятъ?»

— Здѣсь производятся обыски, сейчасъ приведутъ бѣженцевъ. А мы пойдемъ туда, тамъ осматриваютъ женщинъ, — примирительнымъ тономъ говоритъ солдатъ и указываетъ на дверь.

За дощатой стѣной слышится какой-то сдержанный шопотъ и женскій смѣхъ.

«Обыскъ? какъ это непріятно», мелькнула мысль при воспоминаніи о томъ, что въ подошвѣ ботинка у меня зашиты деньги.

— Слава Богу! — вырвался изъ моей груди громкій возгласъ, когда я услышала за дверями голосъ мужа и Вайчунаса.

— Идите сюда! Я здѣсь... Меня арестовали, — кричу я несвязно и бросаюсь навстрѣчу вошедшему мужу, громко спорившему съ латышомъ - коммунистомъ.

Послѣдній со смущеннымъ видомъ обратился ко мнѣ и проговорилъ внушительнымъ ледянымъ тономъ:

— Ваше счастье, что не успѣли васъ спровадить. А имѣли полное право, а тѣмъ болѣе, когда вы стали спорить и буянить. Хорошо отдѣлались. Теперь вашъ мужъ останется здѣсь, а вы идите туда, тамъ васъ обыщутъ,—показалъ онъ рукой на перегородку.

Пришлось подчиниться. Я направилась къ маленькой двери, ведущей въ сосѣднюю комнату, представляющую грязную, заплеванную каморку. Запыленное окошко едва пропускало свѣтъ.

У окна сидѣла женщина съ нахальнымъ, вызывающимъ лицомъ.

Слѣдомъ за мной пришла г-жа Яцевичъ и другія бѣженки изъ нашего эшелона.

Начался постыдный унизительный для насъ обыскъ. На помощь сидѣвшей коммунисткѣ, исполняющей роль агента, пришла другая. Типъ тотъ же: неинтеллигентное, вульгарное лицо со слѣдами разврата въ помятыхъ чертахъ. Я чувствовала, что выгляжу жалко и смѣшно и еще больше надвинула на лицо измятую шляпу, а шею обмотала шарфомъ.

Обыскивали тщательно. Я старалась не смотрѣть на свои ноги: изъ проношенной подошвы предательски высовывался кусокъ бумаги, заключавшей въ себѣ деньги. Ботинки нарочно не поправлялись, такъ какъ на такое старье едва ли кто обратитъ вниманіе.

— Покажите ноги! — властнымъ тономъ обращается ко мнѣ обыскивающая насъ дѣвица.

Я дѣлаю равнодушное лицо и быстро ставлю ногу на стулъ.

— Какіе-то облѣзлые старые лапти, даже лохмотья торчатъ, — произноситъ коммунистка, не всматриваясь въ торчавшія «лохмотья». — Мнѣ кажется, у этой ничего нѣтъ, такая она смѣшная и оборванная, — говоритъ она своей товаркѣ.

— Почему вы, гражданка, такъ шею завязываете и все время руки на шеѣ держите? — спрашиваетъ меня послѣдняя.

— Больна я. Можете осмотрѣть мою повязку,— отвѣчаю я, подавая измятый поношенный шарфъ. Довольная тѣмъ, что съ осмотромъ моихъ ногъ уже покончено, я переношу вниманіе въ другую сторону.

— Нѣтъ! вы можете идти, — благосклонно произноситъ агентъ въ юбкѣ и показываетъ рукой на дверь.

Въ ея тонѣ слышится столько приказанія, самодовольства, и вмѣстѣ съ тѣмъ на лицѣ ея появляется гримаса усталости. Она какъ бы хочетъ сказать, что ей уже надоѣло возиться съ такими оборванными бѣдными бѣженками. Такъ скученъ этотъ безрезультатный обыскъ.

Я выхожу, но уходя бросаю взглядъ на г-жу Яцевичъ. Вижу ея раздраженное лицо и нетерпѣливые жесты.

Получила и она благосклонное разрѣшеніе удалиться. Выходимъ вмѣстѣ и почти одновременно, вбирая въ себя свѣжій воздухъ, произносимъ: «слава Богу!»

Насъ ждетъ еще послѣдній этапъ — обыскъ въ вагонѣ, зависящій отъ красноармейцевъ, разгуливающихъ около эшелона. Съ этими голодными солдатами разговоръ короткій: пара банокъ консервовъ, фунтъ сахару, и солдатъ размякъ.

— Можетъ быть, старыя карты мнѣ подарите?— проситъ одинъ изъ нихъ, входя въ нашъ вагонъ. — Мы вотъ съ товарищемъ будемъ потомъ играть, — показываетъ онъ на своего товарища, вошедшаго вслѣдъ за нимъ.

Нашлись и карты. Консервы они подѣлили между собой и, небрежно осмотрѣвъ наши вещи, удалились, повѣривъ на слово, что никакого оружія у насъ нѣтъ.

И все-таки не вѣрилось, что это послѣдній визитъ красноармейцевъ, но сомнѣнія наши разсѣя-

лись при видѣ Сакнита, объявившаго, что къ нашему составу подаютъ паровозъ.

* *
*

Въ вагонѣ тихо. На сосредоточенныхъ лицахъ видно нетерпѣніе и едва сдерживаемая радость, тщательно скрываемая за легкой улыбкой. Теперь мы отгоняемъ мысль объ отъѣздѣ, мы еще не вѣримъ и боимся преждевременной радости.

Но мы ѣдемъ. Сейчасъ будетъ граница. Исчезнетъ съ глазъ широкая Россія, затихнетъ боль въ сердцахъ и охватитъ насъ необъятное, нечеловѣческое счастье.

Зеленая равнина тянется и вдали сливается съ сѣрымъ горизонтомъ... Дальше и дальше отъ насъ край террора, мукъ и лишеній...

— Этотъ ровъ — граница, — кричитъ Яцевичъ, высовывая голову изъ вагона.

Всѣ бросаются къ дверямъ, желая хоть однимъ глазомъ увидѣть эту желанную грань, несущую намъ иную жизнь.

Вѣдь за ней, за этой гранью, нашъ тихій берегъ, маячившій намъ вдали, какъ оазисъ въ пустынѣ.

Развѣ не соткана жизнь изъ сильныхъ тяжелыхъ переживаній и, хотя короткихъ, но яркихъ, крылатыхъ радостей, смягчающихъ всѣ слѣды пережитыхъ бурь и житейскихъ невзгодъ?

Развѣ мы взрослые? Вѣдь мы, какъ дѣти, радуемся, смѣемся, кричимъ, визжимъ, скачемъ, обнимаемся, плачемъ слезами счастья и вертимся въ вагонѣ въ какомъ-то дикомъ безумномъ танцѣ.

Граница за нами. Рубиконъ перейденъ. Кто-то

размашисто крестится, кто-то сжимаетъ кулаки и грозитъ въ сторону большевиковъ.

— Не увидите теперь насъ! — кричитъ какой-то голосъ, и невысокая фигура карабкается на сложенные ящики и корзины. Балансируя на одной ногѣ и смѣшно размахивая руками, эта фигура кричитъ:

— Мы свободны! Они насъ не увидятъ! Подумайте, мы свободны! — повторяетъ новоиспеченный свободный гражданинъ.

Нѣкоторые сами не помнили, что лепетали. Дѣти кувыркались, смѣялись, вторя нашему безумству.

Конецъ нашимъ испытаніямъ, конецъ нашимъ мукамъ, страху и отчаянію!

Латвія принимаетъ нашъ эшелонъ.

Долго, до поздней ночи, не умолкаетъ смѣхъ въ вагонѣ.

Розовое, теплое утро встрѣтило насъ въ Рѣжицѣ. Здѣсь выдали намъ консервы, супъ, какао, хлѣбъ, и мы, уплетая эти лакомства, почувствовали себя какими-то обновленными. Казалось, что какая-то мучившая насъ тяжесть упала съ нашихъ плечъ.

— Довольно ѣсть это холодное мясо. Не будете обѣдать, — говоритъ Яцевичъ.

Я бросаю удивленный взглядъ, но мой мужъ отвѣчаетъ:

— Мы хотимъ предложить нашимъ дамамъ пойти на станцію пообѣдать.

Дамы охотно соглашаются и начинаютъ торопливо суетиться, приводя свой жалкій костюмъ въ болѣе сносный видъ.

«Мы идемъ обѣдать, но хватитъ ли денегъ? Мо-

жетъ быть и здѣсь нужны тысячи и милліоны, а у мужа не хватитъ денегъ?» думаю я, и, оторвавъ кусокъ подошвы, вытаскиваю деньги, а затѣмъ, толстой ниткой пришиваю подошву.

Если бы кто увидѣлъ наши лица, когда мы выходили изъ вагона, то, вѣроятно, подумалъ бы, что мы идемъ на какой-то подвигъ, словно намъ поручили сдѣлать что-то важное, и мы, гордые сознаніемъ возложенныхъ на насъ обязанностей, шагаемъ впередъ.

Жаль, что не было фотографа, который могъ бы увѣковѣчить наши самодовольныя физіономіи.

Я поминутно поправляла свое «одѣяльное» пальто, стряхивала съ него пыль, подтягивала поясъ, осторожно ступала, боясь, чтобы подошва, послѣ серьезной операціи извлеченія внутренностей, не отвалилась.

Яцевичъ старалась идти въ ногу со мной, осматривалась по сторонамъ, и съ ея лица не сходила торжествующая улыбка.

Мужья наши тонули въ потокѣ словъ, изрекаемыхъ въ наплывѣ безграничнаго счастья и спокойствія.

Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ чувствовалась самоувѣренность и самодовольство.

Но, увы! Эти новыя чувства, отражавшіяся на нашихъ блѣдныхъ лицахъ, моментально исчезли при видѣ трехъ сидѣвшихъ на скамейкѣ желѣзнодорожныхъ полицейскихъ.

Ихъ мундиры произвели на насъ подавляющее впечатлѣніе. Мы снова почувствовали себя какъ бы связанными и, нерѣшительно продвигаясь впередъ, искали глазами дверь, ведущую въ буфетъ.

Полицейскій всталъ и направился навстрѣчу намъ. Лицо его не выражало любезности. Я взглянула на Яцевича и мужа, и увидѣла на ихъ лицахъ недоумѣніе и растерянность.

— Вы откуда и куда? — послышался вопросъ полицейскаго, и, подойдя къ намъ вплотную, онъ загородилъ дорогу впередъ.

— Мы бѣженцы изъ этого эшелона. Ѣдемъ въ Литву, — отвѣтилъ мужъ.

— Оно и видно, что вы изъ этого эшелона. Сразу видно, что изъ большевицкаго рая. А почему вы разгуливаете здѣсь? Вы, кажется, направляетесь въ буфетъ? — насмѣшливо улыбаясь, спросилъ онъ.

— Мы идемъ обѣдать! — важно отвѣтилъ Яцевичъ. — Развѣ и у васъ не всѣ имѣютъ право обѣдать? — спросилъ онъ, задорно посматривая на блюстителя порядка.

— Извиняюсь, господа, я принужденъ попросить васъ удалиться въ свой поѣздъ. А обѣдать пожалуйте потомъ, дня черезъ два-три, когда пройдете карантинъ и баню. Когда вы разстанетесь съ совѣтскими вшами и будете для насъ безопасны, тогда милости просимъ, а теперь извините! — отвѣтилъ полицейскій съ виноватой улыбкой, галантно раскланялся и отошелъ.

Куда дѣвался нашъ гордый видъ? Гдѣ наши самодовольныя физіономіи?

Видимо, слова полицейскаго подѣйствовали на насъ, какъ ушатъ холодной воды.

Мы стыдливо повернули обратно и шли уже молча, едва передвигая ноги. Жалко выглядѣли наши фигуры съ опущенными головами. И только, когда мы увидѣли свой телячій вагонъ и знакомыя лица

нашихъ спутниковъ, мы взглянули другъ другу въ глаза и неожиданно весело заразительно расхохотались.

— Вотъ вкусно пообѣдали! — задыхаясь отъ смѣха, произнесъ Яцевичъ.

— А выглядимъ-то какъ празднично! Такъ мы прилично одѣты, что сразу узнаютъ, откуда мы. Неужели насъ вездѣ будутъ такъ встрѣчать? — спросила я, съ гордостью оглядывая наши «приличные костюмы».

— А развѣ плохая встрѣча? Вмѣсто «товарищи» — «господа». Вмѣсто, въ лучшемъ случаѣ, «пошли къ чорту» — «извиняюсь, прошу удалиться». Развѣ вамъ не показалось страннымъ такое обращеніе? — спрашивалъ Яцевичъ.

Такъ печально окончилась наша первая попытка показаться въ общественномъ мѣстѣ. Сначала обидно сдѣлалось за себя, а потомъ мы помирились съ этимъ непріятнымъ эпизодомъ и смотрѣли на него съ юмористической точки зрѣнія.

Смѣясь и шутя, влѣзли мы на верхнюю полку въ теплушкѣ, открыли консервы и принялись съ аппетитомъ уплетать холодное мясо, поддразнивая другъ друга несбывшейся мечтой о вкусномъ горячемъ обѣдѣ.

* *
*

Провѣрка документовъ прошла быстро, хотя не обошлось и здѣсь безъ непріятныхъ сценъ. Двѣ-три семьи были оставлены для отправки обратно въ Россію. Слезы, негодованіе, ропотъ не смолкали весь день.

Нашъ вагонъ понемногу опустѣлъ. Ѣхавшіе съ нами латыши остались здѣсь, чтобы пройти карантинъ и разъѣхаться по домамъ.

Скродеренъ сердечно, со слезами на глазахъ, прощалась со мной, обѣщала писать. Она все еще была далека отъ всего окружающаго и еще больше пріуныла, чувствуя себя одинокой и чужой въ незнакомой странѣ.

* *
*

Лѣтній мечтательный вечеръ неслышно спускается на землю, и въ нѣжно-мглистомъ закатѣ солнца виднѣются новыя дали, гдѣ ждутъ насъ новыя возможности, новыя впечатлѣнія. Вечернія нѣжныя тѣни, точно паутины, обволакиваютъ предметы, а въ душу живительной струей снисходитъ спокойствіе и благостный миръ.

Подъѣзжаемъ къ станціи Абели. По перрону расхаживаютъ солдаты съ винтовками и оцѣпляютъ нашъ, остановившійся немного въ сторонѣ, поѣздъ. Благодушное настроеніе обитателей нашего вагона испаряется. Мы забыли, что еще путь нашъ не конченъ, а эти военныя шинели заставили насъ вспомнить о недавнихъ кошмарныхъ дняхъ. Одинъ лишь видъ солдата съ винтовкой наводилъ на бѣженца мрачныя размышленія.

Небольшой нашъ багажъ осматривается сейчасъ же послѣ выгрузки изъ вагоновъ. Здѣсь мы уже не боимся обыска, который проходитъ скоро и благополучно, за исключеніемъ одной семьи, которую, за неимѣніемъ всѣхъ нужныхъ документовъ, литовцы обѣщаютъ отослать обратно.

Еврейскія худыя загнанныя лошади, запряженныя въ небольшіе возики, отвозятъ нашъ багажъ на бѣженскій пунктъ, куда плетемся и мы, въ сопровожденіи тѣхъ же солдатъ съ винтовками. Но они теперь, послѣ просмотра документовъ, относятся къ намъ иначе. Не смотрятъ такъ свысока, подозрительно не оглядываютъ съ головы до ногъ, а дружелюбно разговариваютъ со снисходительной вѣжливостью.

Старая длинная аллея. Въ лунномъ сумракѣ, среди свѣта и тѣни, ясно видны контуры деревьевъ; насъ окружаетъ тишина лѣтней ночи и сумракъ старой аллеи.

Кажется, здѣсь, между деревьевъ, скользятъ чьи-то тѣни и съ опаскою смотрятъ на насъ. Не разъ, навѣрное, здѣсь проѣзжали богатыя, разодѣтыя дамы, а теперь идутъ бѣдные бѣженцы.

Но они бѣдны тѣломъ. Душа ихъ наполнена счастьемъ и какимъ-то тревожнымъ зовомъ къ жизни.

Послѣ столькихъ мукъ и испытаній, въ насъ разгоралась какая-то восторженная любовь къ жизни.

Наши ноги рѣзво ступали по мягкому песку, и мы, ежась отъ вечерней прохлады, молча созерцали безмолвную красоту старой аллеи и тихой, загадочной ночи, хранящей великія тайны.

Намъ отвели просторное помѣщеніе съ тянувшимися вдоль всей комнаты двойными рядами наръ.

Мы съ Яцевичъ заняли мѣсто около дверей, полагая, что ночью будетъ жарко, да и сосѣди подвернулись симпатичные — Томашевская съ сыновьями.

Послѣ продолжительной прогулки, которую мы

совершили идя съ вокзала на пунктъ, намъ захотѣлось ѣсть. И съ какимъ же удовольствіемъ мы жевали черный хлѣбъ, запивая его горячимъ кофе!

Видимо, сытый желудокъ и тепло всегда располагаютъ человѣка къ болтовнѣ и веселью. Такъ было и съ нами. Несмотря на неоднократныя просьбы нѣкоторыхъ бѣженцевъ не шумѣть, мы смѣялись и шутили: казалось, какой-то бѣсъ вселился въ насъ и разжигалъ забытый смѣхъ, радость и нетерпѣливое ожиданіе «завтра».

Вѣдь это «завтра» будетъ непохожимъ на всѣ эти прошлые постылые дни. Радостная тревога овладѣвала душой, и я долго не могла уснуть. Нѣсколько разъ садилась на нары и осматривала нашу новую «квартиру».

Двойныя нары тянулись въ два ряда (называю двойными, такъ какъ два ряда ихъ были соединены, и лежавшіе на нарахъ лежали голова къ головѣ). Въ одномъ и другомъ концѣ комнаты висѣли крохотныя лампочки, едва освѣщая большую комнату. Отъ стѣны вѣяло сыростью и холодомъ. Но я старалась не замѣчать всѣхъ недостатковъ нашего новаго обиталища. Меня интересовало «завтра» и «послѣзавтра», но отнюдь не страшило.

Яцевичи спали. Маленькій Олекъ, часто просыпаясь, натягивалъ одѣяло, ежась отъ холода, и, плотнѣе закрывшись, снова засыпалъ здоровымъ дѣтскимъ сномъ. А мнѣ казалось, что у меня, какъ и у этого ребенка, нѣтъ заботъ и я могу такъ же заснуть безмятежно и спокойно. Казалось, что то «я», которое все время волновалось, мучилось, страдало, умерло, а жило во мнѣ новое «я», безпечное и веселое. И я заснула беззаботно, улыбаясь своимъ розо-

вымъ мыслямъ. Но сквозь затаенный смѣхъ слышала чьи-то тихіе стоны и странный глухой хрипъ. Моментами становилось страшно и хотѣлось убѣжать, уйти дальше отъ этого странно-глухого хрипа. Но я не могла проснуться. Не могла разсѣять чаръ крѣпкаго сна. И только чей-то глубокій вздохъ разбудилъ меня. Я сѣла на нарахъ, съ удивленіемъ осматриваясь по сторонамъ. Странной показалась царившая тишина. Я искала глазами виновника моего пробужденія и не находила.

Всѣ спали: одни спокойно и ровно дышали, другіе похрапывали на всѣ лады.

Мой взглядъ невольно скользнулъ по лицу старушки, лежавшей по сосѣдству съ моей подушкой. Тоненькая дощечка отдѣляла наши подушки. Ея странно закинутая назадъ голова, полузакрытые глаза съ мутной поволокой утвердили меня въ страшномъ предположеніи: эта старушка умерла. Такъ вотъ чей хрипъ и стонъ я слышала сквозь чарующій сонъ, такъ вотъ почему мнѣ не хотѣлось просыпаться, не хотѣлось видѣть злыхъ шутокъ нелѣпой судьбы. Сегодня здѣсь еще звучалъ веселый смѣхъ, и всѣ были здоровы и сильны, а теперь смерть неслышно подкралась, чтобы найти среди насъ очередную жертву. Какъ радовалась старушка этой послѣдней ночи здѣсь, какъ жаждала попасть въ родной домъ!

Ѣхала она съ нами изъ Москвы, гдѣ пробыла три мѣсяца на пунктѣ. Схоронила свою семью, изъ которой осталась только дочь, ѣхавшая съ ней. Претерпѣла лишенія и муки, тифъ прошелъ мимо, а здѣсь, среди радости и смѣха, не миновала смерти... Жестокая судьба!

Гнетущее чувство долго не покидало меня.

Заснула я подъ утро, подъ сдержанный плачъ молодой дѣвушки, дочери умершей. Проснулась, когда оранжевое іюньское солнышко пробивалось сквозь маленькія окошечки, будило и звало насъ къ жизни.

Мертвое тѣло сосѣдки не пугало больше. Казалось, всѣ забыли о ней. Даже дочь ея осушила слезы. Только страннымъ казалось намъ это неподвижное, ушедшее изъ жизни, тѣло, такъ нелѣпо лежавшее здѣсь, среди насъ, здоровыхъ и сильныхъ духомъ.

* *
*

Утромъ намъ выдали снова кофе, а потомъ мы должны были пройти «чистилище». Не избѣжали и мы своей участи, и, хоть разъ, да пришлось намъ навѣстить бѣженскую баню.

Смѣшной казусъ вышелъ со мной, когда мнѣ вручили свидѣтельство о томъ, что я прошла баню и дезинфекцію.

— Вотъ вамъ свидѣтельство. Только здѣсь я долженъ вашу фамилію приписать, — сказалъ служащій бѣженскаго пункта.

— Какъ ваша фамилія? — спрашиваетъ онъ, и услышавъ отвѣтъ, старательно выводитъ мою фамилію съ добавленіемъ «iené».

Я начинаю возмущаться, что онъ искажаетъ мою фамилію, но слышу спокойный, хладнокровный отвѣтъ, что каждая замужняя женщина носитъ фамилію мужа съ добавленіемъ «iené». Въ примѣръ приводитъ нѣсколько фамилій: Яцевичене, Иванови-

чене и иныя. Но мнѣ, коренной сибирячкѣ, непонятны эти объясненія, и я требую, чтобы мою фамилію не измѣняли, и отхожу отъ стола со словами:

— Пойду и спрошу мужа, какъ моя фамилія.

И когда мы, уѣзжая, пришли въ контору за документами, надо мной смѣялись, что я ѣду теперь подъ другой фамиліей.

Какая радость, что мы можемъ сегодня же вечеромъ уѣхать! Намъ разрѣшили ѣхать на свой собственный счетъ. Остальные поѣдутъ позднѣе, на казенный счетъ.

Мужъ уже отослалъ домой телеграмму, извѣщавшую о нашемъ пріѣздѣ.

«Послѣдніе часы съ вами, наши друзья по несчастью!» думаю я, глядя на всѣхъ бѣженцевъ. «Сколько мы съ вами бурь пережили, сколько лишеній, а теперь жизнь разбросаетъ насъ въ разныя стороны и, можетъ быть, никогда не увидимся, можетъ быть, никогда не выглянетъ въ памяти вашъ забытый образъ и, можетъ быть, навсегда забудутся ваши теплыя слова и пожатія рукъ.»

Тепло и сердечно мы простились съ бѣженцами. Жаль, что Яцевичъ не ѣхали съ нами. Имъ не хватало денегъ на дорогу, и онъ ждалъ изъ дома перевода. Нашъ же денежный запасъ былъ скуденъ, и мы не могли помочь Яцевичу. А кромѣ того, никто изъ насъ не представлялъ себѣ ясно расходовъ, не оріентировался въ валютѣ: всѣ мѣрили аршиномъ совѣтскимъ, считая на тысячи и милліоны. Жаль было смотрѣть на остающихся. Столько зависти, нетерпѣнія свѣтилось во взглядахъ, бросаемыхъ въ нашу сторону!..

Я понимала ихъ. Каждый часъ имъ казался

длиннымъ днемъ и тянулся мучительно долго. Яцевичъ проводилъ насъ до полдороги и грустный вернулся обратно.

Молодой еврей несъ нашу корзинку и забавлялъ насъ разговоромъ.

До отхода поѣзда было еще достаточно времени, но мы спѣшили сюда, сознавая себя свободными гражданами.

«Вотъ гуляемъ здѣсь, и никто намъ ничего не говоритъ и не скажетъ», мелькаетъ у меня мысль, и я задорнымъ взглядомъ окидываю окружающую обстановку.

Однако, при встрѣчѣ съ солдатами меня охватывало какое-то волненіе, испугъ. И только, внушивъ себѣ, что я вѣдь въ Литвѣ, и что это не чекисты, я спокойно смотрѣла въ ихъ сторону, съ любопытствомъ разглядывая, какъ выглядятъ эти «чудовища».

Поѣздъ подошелъ, громыхая и выпуская клубы бѣлаго дыма.

Я засуетилась, бросаясь изъ стороны въ сторону. Мнѣ казалось, что и здѣсь мѣсто надо брать съ боя.

Ахъ! почему я все забываю, что я не въ Россіи и на каждомъ шагу дѣлаю глупость, вызывая постороннія улыбки и смѣхъ?

«Какое миніатюрное купэ! Сколько же сюда налѣзетъ пассажировъ?» думаю я, прикидывая въ умѣ вмѣстимость купэ на совѣтскій ладъ.

Не помню теперь этого числа, но, думаю, что сейчасъ оно ужаснуло бы меня своей величиной, а сама мысль возмутила бы своей несуразностью.

Несмѣло сѣла я на скамейку и постаралась,

какъ можно дальше втиснуться въ уголъ. Однако, мои усилія занять какъ можно меньше мѣста оказались безполезными, такъ какъ никто въ купэ не входилъ и поѣздъ тронулся, унося меня съ выраженіемъ лица Акульки, которая впервые ѣхала по «чугункѣ» и всему дивилась.

«Вотъ, если бы въ Россіи вагоны съ такими отдѣльными купэ, съ двумя дверями! Навѣрное, не разъ бы пассажировъ ограбили», думала я и удивлялась, почему здѣсь спокойно и люди совсѣмъ не думаютъ о томъ, что можетъ встрѣтить ихъ въ дорогѣ.

На одной изъ станцій въ наше купэ вошли два солдата и сѣли напротивъ насъ.

Воображаю теперь, какой тогда отразился ужасъ на моемъ лицѣ. Мнѣ въ первый моментъ показалось, что они пришли за нами.

Странными теперь мнѣ кажутся эти смѣшныя минуты, но непонятная боязнь долго не давала мнѣ покоя. Я какъ бы страдала маніей преслѣдованія. И только когда окрѣпли мои нервы, я со смѣхомъ вспоминала о своихъ нелѣпыхъ мысляхъ и выходкахъ.

Въ Радзивилишкахъ мы пробыли почти цѣлый день. Я уже понемногу освоилась съ новой ролью независимой свободной гражданки. Уже не боялась, что мнѣ припомнятъ баню, карантинъ и отправятъ на пунктъ.

Мужъ предложилъ мнѣ пообѣдать на станціи, на что я испуганно замахала руками и торопливо прошептала:

— Обѣдъ, навѣрное, дорогой. У насъ и денегъ можетъ не хватить. А, во-вторыхъ, увидитъ насъ кто-нибудь за обѣдомъ и сейчасъ же обратитъ вни-

маніе и скажетъ, что мы буржуи. Могутъ привязаться за то, что мы позволяемъ себѣ такую роскошь.

Не знаю, раздѣлялъ ли мужъ мое мнѣніе, или подумалъ, что его жена окончательно рехнулась.

Но послѣ продолжительнаго времени обѣдъ былъ все-таки заказанъ.

Конечно, предварительно были собраны свѣдѣнія относительно цѣны обѣда и даже хлѣба, который подается къ обѣду безплатно.

За обѣдомъ послѣдовалъ чай съ сахаромъ и бѣлой булкой. Я уже не боялась, что меня сочтутъ за «буржуйку» и привяжутся изъ-за пустяка. Когда же пришло время садиться въ вагонъ, я уже не суетилась безпомощно и, когда мужъ ходилъ около поѣзда, покуривая «козью ножку» (вертушка изъ махорки), я не боялась остаться одна въ вагонѣ, несмотря даже на сосѣдство военной шинели. Я принимала самоувѣренный видъ и мнѣ не хотѣлось, чтобы каждый видѣлъ во мнѣ бѣженку. Впервые, кажется, я начала стыдиться своихъ лохмотьевъ.

* *
*

Поѣздъ уноситъ насъ все дальше и дальше отъ мѣста нашей послѣдней ночевки. Передъ глазами мелькаютъ поля, равнины, нивы съ зеленой рожью, душистымъ клеверомъ.

Сѣрыя хатки прячутся въ тѣни высокихъ деревьевъ и маленькими окошечками стыдливо выглядываютъ на Божій свѣтъ.

На тихихъ, безлюдныхъ дорогахъ стоятъ высокіе кресты, нѣкоторые изъ нихъ старые, ветхіе, об-

росшіе у подножія блѣдно-зеленымъ мхомъ. Задумчиво-гордо стоятъ, всматриваясь въ лазоревое небо, гдѣ плывутъ куда-то вдаль легкія облачка, бѣлыя, нѣжныя, какъ пушинки, и только на западѣ алыя отъ заходящаго солнца.

Въ тѣни бѣлокарихъ развѣсистыхъ березъ ютится кладбище, погруженное въ вѣчный покой. Коегдѣ синѣетъ лѣсъ съ золотисто-багряными верхушками, залитыми алымъ свѣтомъ заходящихъ солнечныхъ лучей. Лѣсъ сливается съ горизонтомъ и манитъ своей таинственностью. Дальше темнѣютъ сады и старые парки, окружающіе старыя дворянскія гнѣзда. Все смѣняется, какъ въ калейдоскопѣ, и, наконецъ, показалась станція, гдѣ насъ ждутъ.

Мужъ сразу узналъ стараго кучера Спудулиса, ходившаго около лошадей, запряженныхъ въ легкую желтую бричку.

Еще поѣздъ не успѣлъ остановиться, мужъ былъ уже на перронѣ, бѣжалъ къ старому Спудулису, и, поздоровавшись съ нимъ, разспрашивалъ обо всемъ и обо всѣхъ.

Я подходила нерѣшительно, осматривая сотый разъ свое пальто и чувствуя, что выгляжу жалко. Но старый слуга, казалось, не обратилъ вниманія на наше убожество и былъ занятъ привязываніемъ небольшой корзины и чемодана и разсказами о домѣ.

Я уже заранѣе знала, что радость предстоящей встрѣчи съ родными будетъ отравлена моей неустанной мыслью о непривлядности и убожествѣ нашей одежды.

«Пустыя и глупыя мысли», такъ увѣряла я себя. «Надо благодарить Бога, что мы живы и здоровы».

Лошади бѣгутъ рысью, точно спѣша скорѣе привезти насъ домой.

Та же картина. Однообразная, но живописная природа. Здѣсь нѣтъ широкаго сибирскаго раздолья, нѣтъ безбрежныхъ степей, угрюмыхъ скалъ, но все здѣсь дышитъ спокойствіемъ, ласкаетъ глазъ изумрудной зеленью, и лѣтній вечерній вѣтерокъ холодитъ раскраснѣвшіяся отъ волненія щеки.

— Эта аллея ведетъ къ дому моихъ двоюродныхъ братьевъ, а дальше нашъ домъ, гдѣ мы будемъ минутъ черезъ двадцать, — говоритъ мужъ и, привставъ, всматривается въ даль. Тамъ, на дорогѣ, видны два силуэта, въ которыхъ мужъ узнаетъ двоюродныхъ братьевъ Игнатія и Евгенія. Они вышли навстрѣчу намъ. Рослый, широкоплечій Евгеній велъ за руку свою маленькую трехлѣтнюю дочку.

Слезы заблестѣли въ глазахъ мужа, онъ стыдливо стряхнулъ ихъ рукавомъ грязнаго френча и не дожидаясь, когда кучеръ остановитъ лошадей, на ходу выскочилъ изъ брички, подошелъ къ братьямъ, крѣпко и сочно поцѣловался съ ними.

Со мной они поздоровались съ едва скрываемымъ любопытствомъ, но тоже просто и сердечно, какъ-будто знали меня давно. Трехлѣтняя малютка Ляля вскарабкалась на бричку и, сѣвъ рядомъ со мной, смотрѣла на меня большими черными глазенками.

Я сразу поняла, насколько пріятна была мужу эта встрѣча. А мнѣ бы хотѣлось столько высказать теплыхъ словъ... Высказать все, что бурлило въ душѣ: безудержная радость свиданія, благодарность за первое сердечное родное слово... Намъ, отвыкшимъ отъ чужого участія...

Но слова застревали въ горлѣ, и я едва слышно задавала пустые вопросы своей маленькой сосѣдкѣ.

Мы не замѣчали, какъ въ разсказахъ и разспросахъ быстро летѣло время. Нужно было ѣхать дальше.

До дому, гдѣ ждалъ братъ мужа, оставалось $1^1/_2$ версты.

Долго оглядывалась я на двѣ рослыя фигуры и маленькую дѣвочку, которая махала намъ нѣжной ручонкой и провожала насъ большими глазами.

Солнце давно зашло. Въ полѣ вставала едва уловимая сизая мгла, и кругомъ расползались сѣрыя тѣни. Только на западѣ небо трепетало едва замѣтнымъ розовымъ свѣтомъ... Тамъ долгая закатная заря посылала намъ свой послѣднiй лучъ.

Тамъ умиралъ день, полный впечатлѣнiй и разнообразныхъ мыслей. Съ этимъ исчезавшимъ днемъ умирали наши невзгоды.

Завтра — когда въ далекомъ заревѣ рождающагося дня взойдетъ вешнее солнце и пробудится жизнь — мы проснемся иными. Дорога «на востокъ» и «на западъ» намъ покажется сномъ, тяжелымъ, кошмарнымъ сномъ.

А теперь къ вамъ, близкiе, и въ то же время чужiе...

Поймете ли вы насъ? Дадите ли почувствовать всей силою души, что мы, измученные, полубольные — для васъ желанные, родные? Что мы частичка вашей семьи, что мы не одиноки?... Къ вамъ, близкiе, въ зеленый густой садъ, гдѣ каждое дерево разскажетъ мнѣ повѣсть изъ жизни любимой семьи, въ старый тихiй деревенскiй домъ, гдѣ есть свой уголокъ — комната, куда не ступитъ тяжелая нога че-

киста, гдѣ можно подолгу сидѣть, перебирая въ памяти былое...

Пусть тѣни прошлаго войдутъ неслышно въ комнату, затронутъ забытое... Научатъ анализировать, возстанавливать полузабытыя картины. Но онѣ не страшны, эти тѣни... Все въ далекомъ прошломъ и только нити былыхъ дней соединяютъ насъ съ ними...

* *
*

Пусть никто не думаетъ, читая эти строчки, что здѣсь есть хоть доля лжи. Все это кошмарная правда, продиктованная моей памятью, въ которой остался неизгладимый слѣдъ отъ жгучихъ слезъ, безысходнаго горя и страшныхъ, никогда не забываемыхъ переживаній...

* *
*

Кончая свои воспоминанія, я еще разъ просмотрѣла нѣкоторыя, сохранившіяся у меня, записки, и среди нихъ нашла письма бѣдной Скродеренъ, которыя она мнѣ писала въ Литву.

Привожу выдержки изъ этихъ писемъ, какъ живое свидѣтельство о страшныхъ фактахъ, изложенныхъ въ моихъ воспоминаніяхъ:

«...вѣдь Вы дали мнѣ столько радости своимъ письмомъ, — я еще не могу опомниться послѣ того, что случилось. Читая Ваше письмо, я рисую себѣ картину въ вагонѣ, когда я была такъ счастлива... а теперь я одинока и заброшена на чужую сторону.

О моемъ житьѣ даже писать не хочется. Живу у сестры моего мужа.»

Изъ другой выдержки письма льется столько обиды русской женщины, потерявшей все и встрѣтившей въ новой семьѣ — семьѣ мужа — вмѣсто участія, враждебность:

«...встрѣтила я ихъ, какъ родныхъ, но они меня приняли не такъ, какъ я ожидала. Видя ихъ отношеніе ко мнѣ, я почувствовала боль и обиду и черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ рѣшила ѣхать въ городъ искать службу.»

«...бродила по улицѣ, спрашивая, нѣтъ ли мѣста, но всѣ, видя, что я русская, даже не разговаривали со мной.»

Невѣроятнымъ кажется кошмаръ, переживаемый Скродеренъ, но это еще не все.

«...но мое горе еще не все», — пишетъ она дальше: — «получила я письмо отъ мамы, гдѣ мнѣ сообщаютъ, что бѣдную мою маму, узнавшую, что умерли Юлись, Леля, Толя и Володя, разбилъ параличъ. Что тамъ теперь — не знаю, но душа моя стремится туда.»

«...каждое воскресенье ходила въ русскую церковь — полгода минуло послѣ ихъ смерти. Все плачу и ночами вижу ихъ во снѣ.»

Послѣднее письмо, помѣченное 14 марта 1923 г., гласитъ о томъ, что Скродеренъ рѣшила вернуться на родину. Ее не пугалъ ужасъ краснаго террора, голодъ и лишенія, у ней никого и ничего не осталось, а здѣсь она была чужая.

«...въ этотъ же день я получила письмо отъ сестры, гдѣ она пишетъ, что умерла моя мама.»

«...уѣзжаю туда, гдѣ я была такъ счастлива съ моей семьей. Сегодня годъ Лелиной смерти. На душѣ очень тяжело. Со стороны родителей мужа я никакой поддержки не нашла — продала свои вещи и думаю выѣхать.»

«...благословите меня на путь тяжелый; такъ же буду страдать, но около своихъ — они отзывчивѣй, чѣмъ чужіе.»

«...Когда получите это письмо, я буду уже въ дорогѣ...»

Этимъ закончилась наша переписка. Несмотря на обѣщанія Скродеренъ писать мнѣ, я не получила отъ нея ни одной вѣсточки съ дороги.

Конецъ.

